

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

Журнал зарегистрирован**в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК**

Главный редактор:

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н., Артоболовский С.С. (Москва)

к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н.,
проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф.
Вишневский А.Г. (Москва); проф. Лентц С. (Герма-
ния); член-корр. РАО, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н.
(С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С.
(Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); д.г.н.,
проф. Лаппо Г.М. (Москва); д.г.н., проф. Мироненко
Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Пирожник И.И. (Беларусь);
д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н.,
проф. Бильчак В.С. (Калининград); д.э.н., проф. Вар-
домский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Воробьева О.Д.
(Москва); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.г.н.,
проф. Кочуров Б.И. (Москва); д.г.н. Мажар Л.Ю. (Смо-
ленск); д.г.н., доц. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.э.н.
проф. Регент Т.М. (Москва); д.г.н., проф. Родионова
И.А. (Москва); д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва);
д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н., проф. Ша-
рыгин М.Д. (Пермь); проф. М. Фрюауф (Германия)

Ученый секретарь:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 31.08.10 г.
Формат 70х108 /16. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

№ 3 (29), 2010

Отпечатано:

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	3
THEORY OF REGIONAL STUDIES	3
Гладкий Ю.Н. О непринципиальности «вечного» спора (о монизме и дуализме географии)	3
Gladkiy Y.N. Monism versus dualism in geography – senseless long-running dispute	3
Пилиасов А.Н. Развитие региональной науки и вызовы перед российским сообществом экономико-географов и региональных экономистов	16
Pilyasov A.N. The development of the regional science and the challenges for the Russian scholars community in economic geography and regional economics	16
Шарыгин М.Д. Тенденции и направления развития социально-экономической географии и их отражение в образовательном процессе	41
Sharygin M.D. Tendencies and main spheres of the development of the socioeconomic geography and their reflection in the educational process	41
Машурова Е.А. Межрегиональное сотрудничество: политическая сущность	49
Mashurova E.A. Interregional cooperation: political aspect	49
Оборин М.С. Системно-диалектическая методология (системный подход) как инструмент исследования курортно-рекреационных систем разного иерархического уровня	54
Oborin M.S. Systematic and dialectical methodology (systematic approach) as a research instrument of health resorts recreational systems of different hierarchical levels	54
Горкина Т.И. Устойчивая энергетика	61
Gorkina T.I. Sustainable energy	61
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	69
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA	69
Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Динамика численности населения муниципальных образований РФ как отражение центрo-периферийной концепции пространственного развития (1989–2002 гг.)	69
Karachurina L.B., Mkhrtchyan N.V. The dynamics of the quantity of the population in municipal areas of the Russian Federation as the reflection of the center-periphery conception of spatial development	69
Крейдено Т.Ф., Миронова М.Н. Современные региональные особенности развития малого предпринимательства в России	84
Kredenkov T.F., Mironova M.N. Modern regional features of small business development in Russia	84
Бильчак В.С., Носачевская Е.А. О государственной Концепции создания и развития федеральных университетов	94
Bilchak V.S., Nosachevskaja E.A. Conception of formation and development of federal universities	94
Амельченков В.Л. Социальная роль Русской Православной Церкви в условиях нацистской оккупации Смоленской области	100
Amelchenkov V.L. Social role of the Russian Orthodox Church in the conditions of Nazi occupation (based on the materials of the Smolensk region)	100
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА	106
REGIONAL ISSUES OF THE WORLD	106
Лобанов М.М. Трансформация отраслевой и территориальной структуры промышленности стран Центрально-Восточной Европы	106
Lobanov M.M. Transformation of branch and territorial structure of industry in Central and Eastern European countries	106
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	101
AUTHORS' INFORMATION	101
Требования к материалам	102

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю.Н. Гладкий
(г. Санкт-Петербург)

О НЕПРИНЦИПИАЛЬНОСТИ «ВЕЧНОГО» СПОРА (О МОНИЗМЕ И ДУАЛИЗМЕ ГЕОГРАФИИ)

Gladkiy Y.N. (Saint-Petersburg)
MONISM VERSUS DUALISM IN GEOGRAPHY –
SENSELESS LONG-RUNNING DISPUTE

Аннотация. Автор исходит из того, что главным объектом географии являются корреляционные отношения, приуроченные к конкретной пространственной арене, включая очеловеченную природу. Кроме «несовместимых» естественных и общественных закономерностей, идентифицируются принципиально иные закономерности, имеющие отношение к взаимодействию природы и общества, то есть – к корреляционным отношениям. Таким образом, географическая наука одновременно интегрирована, благодаря наличию «ядра конденсации» разнородного знания, и дифференцирована, вследствие удаленности от этого ядра «маргинальных» областей географического знания.

Abstract. The author points out that the main object of geography is formed by correlative relations connected with a certain space including the humanized nature. Apart from the incompatible natural and social regularities the author identifies other regularities connected with interaction between nature and society, which are called correlative relations. This fact allows both to integrate the geographical science due to the presence of the «core of condensation» of heterogeneous knowledge and differentiate it because of the remoteness of the marginal spheres of geography from this core.

Ключевые слова: монизм и дуализм в географии, «ядро конденсации» в географии, единая и «разорванная» география, «маргинальные» области географического знания, корреляционные отношения, очеловеченная география, синэкология, антропоэкология, антропоэкологические системы.

Key words: monism and dualism, the «core of condensation» in geography, integrative and differentiated geography, marginal spheres of geographical knowledge, correlative relations, humanized geography, synecology, anthropoecology, anthropoecological systems.

О роли «полосатых шлагбаумов» в науке. При анализе обильного материала, накопившегося в литературе по проблеме «единства» географии впору припоминать слова Евангелия от Луки (11–40): «Неразумные! не Тот же ли, Кто сотворил внешнее, сотворил и внутреннее?» или Гете – «нет ничего внешнего и внутреннего. Всякое внешнее и есть внутреннее». Кипевшие когда-то и время от времени вспыхивающие даже сегодня страсти на тему – является география «единой» или «разорванной», – лишь подтверждают ограниченные способности человеческого познания представить науку как единое целое. География была, есть и будет одновременно единой и «разобщенной» наукой, повинующейся дей-

ствию принципов дифференциации и интеграции отраслей научного знания.

Образно и предметно на эту тему выразился Вячеслав Шупер: «В науке нет и никогда не было полосатых шлагбаумов, их поставили чиновники для удобства управления. В науке есть сферы влияния, состоящие из мощных ядер и областей взаимного перекрытия (курсив наш – Ю.Г.). Но главное: наука – как «третий мир К. Поппера..., как мир фактов и идей, живущих независимо от их творцов, подобно тому, как взрослые дети живут независимо от их родителей, – населена множеством космополитов. Эти космополиты свободно перебираются из одной науки в другую либо в качестве инверсивных объектов...,

либо в качестве феноменов программно-предметной симметрии...» (21, с. 302).

Дискуссия о монизме и дуализме географии – вопрос об исследовании диалектики взаимосвязи различных областей географического знания на основе определенных принципов и критериев. Известно, что наука – целостное формообразование, но определенным образом структурированное, в котором происходят интенсивные процессы дифференциации и интеграции. Процесс отпочкования наук, превращения отдельных «зачатков» знаний в самостоятельные внутринаучные ответвления начался уже в начале XVII в. «Наука наук» – философия – вначале распалась на два магистральных течения – собственно философию и целостную систему знаний, духовное образование, социальный институт. Наряду с дифференциацией философии (отпочкованием онтологии, гносеологии, этики, диалектики и т.д.), целостная система знаний репродуцировала целый веер частных наук: классическую (ньютоновскую) механику, биологию, химию и т.д.

Начался процесс неотвратимого развития пограничных, «стыковых» наук, и среди них появились и те, которые проливают свет на проблему единства и разорванности географической науки. Одна из них – биогеохимия, основоположником которой стал Владимир Вернадский, считавший ее связанной с земной оболочкой – биосферой с ее биологическими процессами в их химическом проявлении. Ясно, что в основе биогеохимических процессов находятся не только геологические проявления жизни, но и биохимические процессы внутри всех живых организмов, в том числе людей. Именно здесь находится то самое ядро, «сгущение жизни» (по Вернадскому), где происходит «сублимация» естественного в общественное и «смыкание» физической с гуманитарной географией.

Продолжающаяся дифференциация наук, с одной стороны, способствует дивергенции географической науки, дальнейшему ее «распаду» и специализации научного труда. Альберт Эйнштейн по этому поводу заметил, что в ходе развития науки «деятельность отдельных исследователей неизбежно стягивается ко все более ограниченному участку всеобщего знания. Эта специализация, что еще хуже, приводит к тому, что единое общее понимание всей науки, без чего истинная глубина исследовательского духа обязательно, умень-

шается, все с большим трудом поспевает за развитием науки... она угрожает отнять у исследователя широкую перспективу, принижая его до уровня ремесленника» (22, с. 111).

С другой стороны, плохо контролируемый процесс «расползания» наук, не мог вызвать проявления центристских, интеграционных тенденций объединения, взаимопроникновения, синтеза различных отраслей научного знания, что служит доказательством единства как природы, так и науки. Развитие едва ли не любой отрасли научного знания невозможно осуществлять без опоры на знания, полученные в смежных науках, без взаимобмена методами и приемами исследования. Нельзя не согласиться с нобелевским лауреатом, одним из создателей синергетики Ильей Пригожиным в том, что «...конвергенция различных проблем и точек зрения способствует разгерметизации образовавшихся отсеков и закутков и эффективному перемешиванию научной культуры» (16, с. 275).

...Вернемся, однако, к заявленной теме. С давних пор концепцию комплексной, единой географии называют монистической, а ту, согласно которой физическая и гуманитарная география являются самостоятельными науками – дуалистической. (Нередко дуализм в географии проявляется и в другом: в ее делении на отраслевую и региональную, что было предпринято еще в античные времена, позже подтверждено Варениусом, а затем тщательно исследовано Ричардом Хартшорном и Эдвардом Аккерманом. Эти авторы убедительно доказали, что этого сорта дуализм уж точно возник на «пустом месте», что отраслевая география неотделима от региональной, и любая попытка их «поссорить» ведет только к путанице понятий и терминов. Этот дуализм постепенно «зачах», и сегодня о нем мало кто вспоминает, чего нельзя сказать о дуализме первой формы).

Считается, что первая научная интерпретация двух направлений в географии – естественного и социально-географического – была дана Гумбольдтом и Риттером. Первый мечтал о создании единой научной области, изучающей как все природное, так и социальное на Земле, при этом природу ее поверхности он рассматривал как относительно самостоятельное, целостное образование, характеризующееся особыми закономерностями, вытекающими из взаимодействия различных ее компонентов.

Риттер же, исходящий из экологических традиций антропогеографии, полагал, что изучение приповерхностной оболочки планеты должно вестись с позиций антропологического подхода, «только в отношении человека, только как дом и школа человека».

Позиции адептов физической и гуманитарной географий часто отличались жесткой непримиримостью, которая по сути дела «унаследована от того периода, когда старые традиции географии как гуманитарной науки были погребены под грузом геологии XIX в. и излишнего увлечения геоморфологией (physiography) и климатологией. До 1900 г. на протяжении двух поколений физическая география заслоняла собой географию человека по обе стороны Атлантики..., а вызванная этим неясность целей как бы окутала туманом американскую географию еще на одно поколение после 1900 г.» (20, с. 45), а что касается нашей страны, то этот «туман» полностью не рассеялся и до сих пор. Во всяком случае, если и воцарился «мир под оливами», то он носит конвенциональный характер, не подкрепляемый теоретическим консенсусом.

«Если каждая географическая дисциплина имеет свой предмет, то она является самодостаточной, и тогда нет смысла говорить о системе географических наук, – «горестно» восклицают Алексей Ретюм и Леонид Серебрянный. – Единственным объединяющим их признаком остается «привязанность» к земной поверхности, но этот признак не способен играть цементирующую роль, так как большая часть наук касается Земли» (17, с. 38). Некоторые авторы-оригиналы, отвергающие дуализм в географии, в свою очередь выдвигают идею уже трехчленного деления географии на физическую, биологическую и социальную.

Проблемой поиска интегративной основы географии озабочены и некоторые представители физической географии. Так, автор объемного труда по географии (12), Александр Ласточкин подчеркивает: «Кроме этого нуждающегося в залечивании самого глубокого раскола в географической науке (имеется в виду раскол между физической и социальной географией – Ю.Г.), не решены проблемы объединения ее естественнонаучных представлений о литогенной основе и надлитосферных геокомпонентах с фундаментально различающейся субстанцией – составом, вязкостью, подвижностью и

временем формирования вещества в единое знание о состоящем из них геокомплексе, а также проблема интеграции знания о косной части природной среды, с одной стороны, и биоте, с другой. Пока вся эта информация о данных составляющих в основном складывается, а не синтезируется в ландшафтоведении и земелеведении, ответственных за познание взаимодействия геокомпонентов и геосфер, в то время как воздействия их друг на друга автономно (и чаще всего не в целом, а попарно – одного геокомпонента на другой) изучается отраслевыми, а не общегеографическими науками. Требуется интеграция сильно разветвленная на сей день и продолжающаяся «расползаться» социально-экономическая география» (12, с. 25–26). Реальность «общей» географии цитированный автор усматривает в ее «структурно-геотопологическом основании» (к этому мы вернемся ниже).

Всеволод Анучин, с именем которого в первую очередь ассоциируется борьба за единую географию в СССР, полагал, что отрицание монистической теории географии; пропаганда представлений, лимитирующих комплексные исследования; отрицание научного содержания страноведения; отнесение земледования целиком к естествознанию и т.д. – все это «работает» на дуалистическую географию и свидетельствует о невозможности познания географической среды как определенного целого. «Либо надо согласиться с тем, что география как целостная наука не существует, что в результате ее дифференциации теперь есть лишь отдельные географии (две или множество), развивающиеся как смежные, но разные науки. Вывод из этого положения – отрицание возможности каких-либо работ общегеографического характера. Либо мы должны признать, что дифференциация – всего лишь одна сторона развития географии, не уничтожающая ее единства» (1, с. 6). Категоричный (почти большевистский) стиль автора ставит читателя перед трудной дилеммой: либо безоговорочно принять постулат о том, что теоретической концепции географии как «слитной» отрасли научного знания не существует со всеми вытекающими отсюда «катастрофическими» последствиями; либо доказать «каким-то образом», что разобщенность двух областей географического знания не является фатальной.

Среди отдельных представителей естественной географии глубоко укоренился

тезис: природное изначально самоценно и имеет право на существование «просто так», вне зависимости от полезности или бесполезности и даже вредности для человека, и физическая география может развиваться «сама по себе» и, более того, и вести безоглядную критику антропоцентризма. Провозглашать можно все что угодно, – заключает Виктор Кобылянский, – «но, заболев гриппом, мы будем стремиться к подавлению деятельности вирусов, вредных для человека, лишая тем самым их «права на существование». Что уж говорить о полезных человеку растениях и животных, которые он культивирует, употребляет в пищу, использует для своих целей в быту. Крайний эгоцентризм, натурализм несостоятельны в той же мере, в какой несостоятельны крайний социологизм, антропоцентризм, игнорирующие законные интересы природы» (11, с. 31).

В реальной жизни разрыв непрерывной цепи географического познания – умышленно («по неизбежности»), а то и по недомыслию – практикуется «на каждом шагу» и легко иллюстрируется на многочисленных примерах. Малоуспешные попытки строгого теоретического обоснования взаимосвязей между природой и обществом, предпринятые в рамках «единой» географии (в том числе – в рамках так называемой географической формы движения материи), объективно притормозили развитие не только гуманитарной географии, но и естественной. Они вызвали дополнительные сомнения относительно целостности предмета географических исследований и породили новых «нигилистов».

Существующий разрыв между естественнонаучным и социальным познанием, по-прежнему, обуславливает во многом автономное развитие физической и гуманитарной географии. Время от времени географы-энтузиасты «торжественно извещают», что на новейшем витке научно-технической революции обнаружилось окончательное сродство этих направлений в выработке общей стратегии своего предмета, а трудности гносеологического и логико-методологического порядка имеют общенаучную природу, тем более что наука едина. Однако подход, ориентирующий на раздельное (компонентное, точнее «дивизионное») изучение частей земного окружающего мира по-прежнему торжествует. Одними авторами этот факт расценивает-

ся как коренной порок географической науки, другими – считается нормальным явлением.

Анучин полагал, что в отечественной географической науке накопилось слишком много представлений, связанных с отрицанием единой географии. Это: «отсутствие монистической теории географии; распространение представлений, ограничивающих комплексные исследования только группами либо «чисто» природных, либо «чисто» общественных компонентов географической среды; отрицание научного содержания и значения страноведения, объявление его чем-то находящемся вне географии; отнесение земледования целиком к естествознанию» (1, с. 5). Все это, по его мнению, ведет к отрицанию возможности познания географической среды как единого целого, а значит, – и дискредитации географической науки.

Идейная платформа Всеволода Анучина. «Пик» страстей вокруг методологической возможности-невозможности единой географии в СССР приходится на начало 60-х годов, совпавший с защитой докторской диссертации Всеволодом Анучиным. В защите (длительшей 3 дня!) на стороне Анучина приняли участие видные философы, оппозицию возглавили физико-географы, категорически отрицавшие факт действия естественных законов в обществе, на чем, собственно, по мнению Анучина, базировался отрыв общества от природы и возводилась стена между естественными и общественными отраслями географии. (Последний все-таки получил докторскую степень и немедленно покинул МГУ, как «заплесневелый оплот идейно-большевистской ортодоксии», уже в качестве «великомученика» и «почетного святого». В дальнейшем работал заместителем председателя СОПС при Госплане СССР, профессором Высшей школы профдвижения).

Опуская многие детали, вкратце научная позиция Анучина сводилась к следующему.

1. Общим объектом, изучаемым всеми географическими науками, является ландшафтная оболочка Земли – как наиболее широкое комплексное понятие современной географии. Кроме элементов естественной среды (литосферы, воздушных масс, вод, почвенного покрова, и биоценозов), ландшафтная оболочка включает элементы общественного характера, «прежде всего население с результатами его взаимодействия с остальной природой» (1, с. 115).

Различению подлежат понятия «ландшафтная оболочка» и «географическая среда», хотя оно не так уж и существенно (в своей монографии Анучин условно ставит знак равенства между этими понятиями). Если первое ассоциируется со всей поверхностью Земли, то географическая среда представляет ту ее часть, где происходит непосредственное взаимодействие между человеческим обществом и остальной природой. (Здесь Анучин отталкивается от постулата Юрия Ефремова: «...Приповерхностный мир Земли, являющийся географической средой для человеческого общества, насыщен не только человеческими организмами как таковыми; он изменен и дополнен продуктами их труда, их изделиями и сооружениями. Размеры этих дополнений становятся колоссальными и в ряде случаев приобретают планетарное значение» (9, с. 525).

2. Географическая среда включает в свой состав три группы элементов: 1) неорганическую, 2) органическую и 3) общественную, развивающиеся соответственно по: 1) физико-химическим законам; 2) биологическим законам и 3) общественным законам. При этом «законы, определяющие развитие неорганического комплекса элементов географической среды, продолжают действовать как в группе органических, так и в группе общественных элементов. Законы, определяющие развитие органической группы элементов, сохраняют свое действие и в человеческом обществе (в группе общественных элементов). Это принципиальное важное обстоятельство, объединяющее все элементы географической среды между собой, является важнейшим основанием для постоянно существующих связей между всеми предметами и явлениями материального мира» (1, с. 159). В данном случае Анучин делает важное пояснение: связанное с тем, что обратного действия законы не имеют: «общественные законы не действуют в биологической среде, так же как и в неорганическом комплексе географической среды. Биологические законы в свою очередь не действуют в неорганическом комплексе (там же).

3. Взгляд, согласно которому человеческое общество рассматривается в качестве лишь внешнего фактора, воздействующего на природу, неверен. «Такой взгляд односторонен, – считает Анучин, – а поэтому и неправилен: он позволяет видеть лишь одну

сторону взаимодействия между обществом и природой. Человек – часть природы и не может выйти за ее пределы. Он не только произошел из животного мира, но, выделившись из него, остался и навсегда останется связанным с ним неразрывными узами. Качественные отличия человеческого общества нельзя поэтому рассматривать как какие-то особые «надприродные» свойства. Используя имеющиеся на Земле материальные ресурсы, человеческое общество и само является частью этих материальных ресурсов» (1, с. 117–118). Здесь автор уместно ссылается на известную мысль Карла Маркса: «Веществу природы он сам (то есть человек – Ю.Г.) противостоит как сила природы» (14, т. I, с. 184).

Человеческое общество является не только одной из сторон взаимодействия в системе «природа – общество», но и результатом такого взаимодействия. Поэтому география вправе изучать взаимодействие общества с остальной природой как внутренние законы развития географической среды (оставляя изучение внутренних законов, определяющих развитие общества, другим наукам).

4. В реестре существующих отраслей научного знания могут существовать (и в действительности существуют) так называемые «переходные» науки, являющиеся одновременно и естественными, и общественными (нам эта мысль особенно близка). «К таким наукам, в частности, относится география, изучающая географическую среду, формирующуюся и развивающуюся не только под воздействием сил и законов природы, но и сознательных, целенаправленных воздействий со стороны человеческого общества» (1, с. 123–124).

5. Познание географической среды предполагает преодоление «разорванности» методов исследования, отказ от дуализма в любой его форме, поскольку «география может развиваться только на основе материалистического монизма» (там же, с. 124). В соответствии с последним, познание целостной картины мира в географических работах идет «вразрез» с так называемым философским дуализмом, довольствующимся двумя картинами мира. Географическая наука исходит из невозможности «стерильно» разграничить естественные и общественные элементы географической среды.

6. Широко проявляющийся в географии процесс дифференциации является аналитической стороной единого процесса ее разви-

тия. Что же касается другой – синтетической, то она ассоциируется с процессами взаимопроникновения между географическими науками, с поиском общих закономерностей развития элементов географической среды и т.д. Между тем, накопленный эмпирический материал в географической науке недостаточно обобщается «из-за отсутствия развернутой теоретической концепции комплексной географии как целостной науки» (там же).

7. Хорологический подход является методологической основой всех географических наук. Однако не следует смешивать методологическую основу (метод!) географии с изучаемым ею предметом. Последнее, по мнению Анучина, часто наблюдается и в истории, где предметом, случается, называют развитие во времени. На самом деле методологическая основа истории – принцип развития во времени, который никак не может быть предметом изучения.

Перечень узловых методологических положений, сформулированных Анучиным для отстаивания единства географии, можно продолжить. Однако и приведенные свидетельствуют о достаточно четкой авторской позиции, о ясном понимании им сути, задач и целей географической науки. Один из наиболее «оригинальных умов» в отечественной географической науке осознавал, что дифференциацию географии не остановить, поскольку никто не в состоянии объять необъятное. Вместе с тем ученый предостерегал от опасности «разбредиться по отдельным, узкоцеховым чуланам и коконам», призывал к необходимости одновременного изучения и сопоставления природных и общественных процессов, об исследовании географической среды как целостного объекта.

О роли «кочерги» в поиске истины. Непримиримым поборникам методологической «стерильности» географии можно напомнить последствия известной встречи двух великих философов прошлого столетия Карла Поппера и Людвиг Витгенштейна на заседании кембриджского клуба моральных наук в 1946 г. Первый энергично отстаивал свое «да» в докладе «Существуют ли философские проблемы?», а второй, отрицавший само наличие таких проблем, сидел у камина и раздраженно поигрывал кочергой. Ему, полагавшему, что философия – это всего лишь способ логического истолкования мыслей, было «тошно» слушать «витийствующего» оппонента.

Финальная сцена встречи закончилась тем, что в ярости он запустил кочергой в Поппера и выскочил прочь из комнаты. Считается, что этот самый «взмах кочергой» стал символом жгучего, неослабевающего пыла, с которым оба философа всю жизнь пытались найти правильные ответы на главные вопросы.

В истории методологических исканий в географической науке подобные упражнения с «кочергой» отмечались нередко, причем роль данного снаряда подчас исполняли искусные подтасовки фактов, намеки в идеологической незрелости с оргвыводами по партийной линии, а то и грубые обвинения, инвективы. (В этой связи невольно вспоминается притча об эволюции технологии власти, которая, якобы во все времена состоит в одном: в «ломании хребтов», но при тоталитаризме – «топором по лбу на лобном месте», а в условиях демократии – «удушении подушкой или с помощью транквилизаторов», а с учетом современных «ноу-хау» – еще и полония...).

Проследим ход методологического противостояния с использованием «метода кочерги» известного ортодокса Олега Константинова с тем же Всеволодом Анучиным по его брошюре «О критике единства географии» (2). Константинов, бичуя последнего за мнимые идеологические «вывихи», полагал, что единая география в любом ее варианте приводит к географическому детерминизму, к переносу законов природы на общественные явления. А поскольку под буржуазной единой географией понималась география, основанная на географическом детерминизме, ученому «клеился» ярлык «правого уклониста».

«В моей... книге разговор идет совсем о другой единой географии. Зачем же путать разные понятия, используя сходство в терминологии» – защищает свою позицию Анучин (2, с. 12). Отметив приспособленческую изменчивость теоретических взглядов Константинова, Анучин подчеркивает, что общество представляет собой не только совокупность общественных отношений, но и совокупность биологических особей, среди которых естественные законы, несомненно, действуют. «Общество тем и отличается от стада животных, что в нем имеют место общественные отношения, без которых оно (общество) немыслимо. Но при всем этом нельзя ставить знак равенства, – пишет он, – между обществом и общественными отношениями как нельзя и противопоставлять человека – био-

логическую особь – человеку как члену общества» (с. 14). Люди, справедливо утверждает Анучин, не могут существовать вне действия естественных законов природы (физических, химических, биологических), поскольку они – «не бесплотные духи». (От себя добавим: если бы было иначе – то не было бы смены поколений людей внутри человеческого общества, и Константинову некому было бы читать свои, пропитанные спесью непомерного высокомерия, нравоучения о псевдометодологических основах географии).

(Еще Геттнер, рассуждая об «идентичности» страноведческой или хорологической концепции, как природы, так и человека, утверждал, что это обстоятельство не ведет к распадению географии на две различные науки. Причем, подобная идентичность вовсе не равнозначна признанию тождественности естественных и общественных закономерностей).

Несомненно, ощущая за своей спиной моральную поддержку Николая Баранского, Юлиана Саушкина и других авторитетных географов, Всеволод Анучин формулирует следующую чрезвычайно важную мысль: «Причины такого специфического отношения к книге вполне понятны. Ведь признать правильность концепции единства географии одновременно означает признать необходимость отказа от привычных формулировок и положений, которые повторялись много лет. Признать правильность концепции единства географии означает необходимость пересмотра своих работ. А много ли после такого критического пересмотра останется в них действительно ценного для географии?» (2, с. 25).

Позиция автора состоит в том, что география одновременно является и единой, и «разорванной» наукой. Просто научное знание континуально по своей природе, в нем есть сферы влияния, состоящие из мощных ядер и областей взаимного перекрытия. И если антропогеография или экологическая география представляют собой классические примеры таких областей перекрытия, то существуют отрасли географического знания, которые воплощают собой скорее «разорванную», чем единую географию.

В этом смысле позиции Анучина присуща некоторая экстремальность, хотя она оправдана для своего времени, поскольку критика единства географии дискредитировала географическую науку в целом и вообще ставила

под сомнение ее «бытие». Публичное поношение идеи единства географии было основано на индетерминистском отрыве человеческого общества от материального мира, на возведении в абсолют специфических законов общественного развития – что вполне соответствовало марксистскому учению.

Детали старого спора. Любопытны перипетии еще одной весьма поучительной дискуссии по методологическим вопросам географии, вспыхнувшей на страницах «Литературной газеты» еще в 60-х гг. прошлого столетия и привлечшей к себе небывалое для географической аудитории количество читателей. Дискуссию открыл опальный Всеволод Анучин, сетовавший на отставание географической науки и усматривавший причины подобной ситуации в крайне слабой разработке теории общей географии, «что обусловило ее сугубо отраслевое развитие» (3).

Величие поступка Анучина, состояло, в частности, в том, что он, по сути, стал первым, кто осмелился подвергнуть критике сталинское определение географической среды, данного в «Кратком курсе истории ВКПб» и ставившего знак полного равенства между географической средой и всей внешней природой. «Развитие общества на земле рассматривалось изолированно от развития природы, и наоборот. Между тем, – отмечал в этой связи Анучин, – жизнь общества и развитие географической среды происходит сопряженно. Среда – не только, и не просто внешняя природа. Это особая часть внешней природы, особая форма материи, составляющая вещественное единство с обществом. Влияние географической среды – влияние природы не только Земли, но и влияние овеществленного в этой природе человеческого труда всех «обществ», существовавших когда либо на Земле» (там же). Не бог весть какая идея по нынешним временам, но даже в 60-е гг. «воды Кубань-реки» все еще текли в строгом направлении – «куда велели большевики».

Отважный Анучин фактически в одиночку восстал против консервативно настроенных (и запуганных) деятелей советской географии, эгоистически отстаивавших сугубо естественный профиль науки и для которых определение географической среды как исключительно природного фактора являлось теоретической базой всех их научных изысканий. «Заужение» предмета географии, апеллирование лишь к природе без должного

учета человеческого фактора, по его мнению, не могли обеспечить познание целого, «для этого нужна не только дифференциация», утверждал ученый, но и интеграция.

По мнению Анучина, ведущий институт страны в области географии с каждым годом становился все менее географическим (была зафиксирована попытка даже «изъятия» слова география из самого названия института: по инициативе Герасимова институт планировалось переименовать в «Институт преобразования природы» с «депортацией» географов-гуманитариев на «все четыре стороны»). Особенно сильному гонению подвергалась экономическая география, отделы которой редели, снижались ассигнования etc.

Ответ «раскольнику» последовал незамедлительно – на спасение чести мундира академика был брошен «изобретательный» Давид Арманд – заведующий отделом физической географии ИГАН (по первоначальному образованию инженер, но после окончания МГУ, благодаря незаурядным способностям, весьма преуспел в исследовании теоретических и количественных методов в физической географии, занимался проблемами борьбы с эрозией и дефляцией, охраны природы, составления земельного кадастра; один из создателей геофизики ландшафтов). В материале «Давайте не будем!» (4) Арманд с талейрановским лукавством, интеллигентно «похлопывая по плечу» Анучина, солидаризировался с ним в той части, что «авторитет географии все еще низок» – дескать, плохо используются земли, осваиваются непахотопригодные территории со всеми вытекающими отсюда последствиями (эрозии, пыльные бури), бессистемно используются водные ресурсы (оскудение, загрязнение водоемов), бесхозяйственное сведение лесов, «перепромысел» рыбы и т.п. «Шельмуемому» и «затаптываемому» коллеге выразил поддержку в том смысле, что внимание к теоретическим и методологическим дискуссиям должно быть усилено, но, разумеется, «совсем не в том направлении, которое В. Анучин считает наиглавнейшим... Вопрос, который его волнует: существует единая («общая», «комплексная») география или система двух родственных наук – физической и экономической географии?» (там же).

«Нужна или не нужна единая география, должен решать критерий практики. Но вот практика-то как раз и голосует против гео-

графического монизма» – глубокомысленно заключает Арманд. – Именно в практической ненужности, надуманности – ахиллесова пята единой географии» (там же). Создавалось впечатление, что истина, словно «мать божья» явилась одному Давиду Арманду, уж точно знавшему, где находится «ахиллесова пята единой географии», а именно – в тщетности поиска и исследования таких систем, где бы в определенной мере синтезировалось природное и социальное (последнее, наверное, было в компетенции лишь идеологического отдела ЦК КПСС). Какая же аргументация при этом бралась на вооружение искусным «адвокатом» Герасимова? – Во-первых, различие методов исследования физической и экономической географии; во-вторых, невозможность готовить специалистов по единой географии; в-третьих, отсутствие общих закономерностей, управляющих природой и обществом (а попытки оппонента сформулировать их в своей на шумевшей работе «Теоретические проблемы географии» «привели лишь к перефразированию законов диалектики»); в-четвертых, за долгие годы методологического противостояния сторонники единой географии, дескать, не создали ни одного комплексного монографического труда, в котором нашли бы воплощение отстаиваемые «анучинцами» научные принципы.

Несостоятельность подобной аргументации с высоты сегодняшних дней достаточно очевидна – имеется немало общепризнанных, универсальных методов исследования в географии; некорректность тезиса о «невозможности готовить специалистов по единой географии» подтверждается «корректностью» тезиса о невозможности готовить классных специалистов по «единой физике»; что же касается отсутствия общих закономерностей, управляющих природой и обществом, то данное утверждение, как минимум, надо вначале доказать. (Кстати, один из пассажей Арманда в защиту «бедного» Анучина нам представляется весьма забавным – более того, это, на наш взгляд, самая удачная рефлексия автора «антианучинского» опуса: «Основной довод противников Анучина, что «признание» единой географии приведет к смешению естественных и общественных закономерностей, не кажется мне убедительным. Неужели географы так бестолковы, что, оперируя с закономерностями

стями двух категорий в рамках одной науки, обязательно их перепутают?» (там же).

Анучинских «струн пламенные звуки» были подхвачены географами-гуманитариями, «игановцами» – Вениамином Гохманом, Михаилом Горнунгом и Владимиром Ковалевским (8), но, к сожалению, не столько для того, чтобы вмешаться в методологический спор, сколько в прагматических интересах, с тем, чтобы отстоять позиции гуманитарной географии в стенах академического института и не попасть под замышляемый руководством «локаут».

Вначале ими была обрисована общая неудовлетворительная ситуация в развитии географической науки: «Творческая разработка теоретических проблем нередко подменяется у нас бесплодными рассуждениями и схоластическими спорами по терминологическим вопросам, – утверждали авторы, – взаимными обвинениями в научном невежестве и даже в антимарксизме. В пылу сражений, где противники побивают друг друга дубинками цитат, предается забвению то обстоятельство, что в науке спор должен носить конкретный характер и подкрепляться экспериментом» (там же). Затем авторы проявили дипломатическую изворотливость, связав отставание географии с ее комплексным предметом, включающим природу и общество, и в этой связи – недалекостью исследования одной природы. Восставшие против произвола и «засилья» физико-географов авторы не без сарказма отметили тот показательный факт, что лишь в одном отделе института, занимающемся исследованиями в области снега и льда, числилось сотрудников столько, сколько всех географов-обществоведов, взятых в совокупности.

«Мятежники» были прекрасно осведомлены (некоторые из них слыли полиглотами) о том, что, например, в США уже тогда до 75% географических публикаций приходилось на human geography, и в этих условиях терпеть диктат естественников становилось для них нетерпимо. Они проявляли известную гибкость, изъявляли готовность идти на компромисс: «Учитывая огромные пространства нашей Родины и еще относительно слабую изученность многих ее районов, физическая география в СССР, возможно, должна занимать большее место в географических исследованиях, чем, например, в США. В то же время именно в Советском Со-

юзе с его плановой экономикой и огромными возможностями рационального использования природных ресурсов на научной основе, экономическая география как нигде имеет право на ведущую роль во всем комплексе географических исследований» (там же).

«Мятежники», конечно же, отдавали себе отчет в том, что экономико-географами института был осуществлен выпуск многотомной серии капитальных экономико-географических монографий, посвященных союзным республикам и экономическим районам и обобщающего труда «Географические проблемы крупных районов СССР»; опубликованы десятки монографий по зарубежным странам и т.д. Откровенно говоря, в этих условиях полностью упразднить гуманитарную географию в институте было сложно – речь шла об элементарном «притеснении» коллег, которые, по мнению начальства, больше занимались «лукавым мудрствованием», чем прикладными разработками (хотя при этом, естественно забывалось мудрое изречение Л. Больцмана «нет ничего более практичного, чем хорошая теория»).

В статье Иннокентия Герасимова «Исчезла ли география»? (7) «отбеливание» чести ИГАН и мундира его директора (автора публикации) было продолжено уже без попыток углубления в суть методологического спора о «единой географии». В ней проявилось четкое желание убедить научную бюрократию, что никакого выдуманного Анучиным «изничтожения» географии в возглавляемом автором учреждении не происходит; что с каждым годом в нем «неуклонно» (!) усиливаются новые направления в географической науке; что президиум АН определил главное конструктивное научное направление института в следующей многообещающей формулировке: «разработка научных основ и путей изучения и использования естественных ресурсов, комплексного преобразования природной среды, прогноза ее изменения, рационального развития территориально-производственных комплексов в интересах подъема экономики страны и улучшения условий жизни людей» (там же).

В конце своей публикации академик приходит к несколько парадоксальным выводам: оказывается, «предвзятое» освещение работы института географии «было необходимо Анучину для подкрепления общего взгляда на предмет и задачи географии», а

сама методологическая дискуссия о «единой географии» «в значительной степени возникла потому, что В. Анучин свои взгляды на предмет и задачи географии сделал темой диссертации на степень доктора географических наук». Воистину, так оно и было: анализ научной проблематики ведущего научного учреждения в области географии, сотрудники которого старательно избегали упоминания хотя бы о гипотетической теории общей географии, не мог не служить для последнего показателем характера научных разработок, ведущихся в стране, а что касается темы диссертации, то ее благородность в то время была выше всяких похвал (быть «диссидентом» в науке тогда отваживался не каждый).

Следующим на «авансцену» методологического спора вышел Игорь Забелин, талантливый пропагандист географических идей, писатель, физико-географ, исследовавший, в том числе теоретические проблемы физической географии (в 1980 г. он защищал докторскую диссертацию в МГУ, но последняя не была утверждена). В публикации «Что случилось с географией?» (10) этот автор лишь добавил «путаницы» в суть методологического спора. Пропаганда им «качественно своеобразной внутренней оболочки земного шара, биогеносферы, которая постепенно развилась до появления жизни и в пределах которой до сих пор существует человечество» удивительным образом противопоставлялась идее «сопряженного, взаимообусловленного развития элементов географической среды», будто между биологическим и социальным находится сразу «три китайских стены».

Обличая Анучина за сформулированный и самоотверженно отстаиваемый закон взаимообусловленного развития элементов географической среды, Забелин (разумеется, в целях «поиска истины», а не механистической поддержки ранее разделявшихся ошибочных идей) прибегает к помощи той самой «кочерги», подвергнув уничижительной критике его выражение о том, что «... жизнь общества и развитие географической среды происходят сопряженно». Он пафосно восклицает: «Знаете ли вы, что эпоха Возрождения в Европе вызвана усилением циклонических бурь над Атлантикой?.. А что русские победили во второй мировой войне благодаря потеплению климата, которое высвободило их «замороженную» энергию?.. Это из книг американского географа Хан-

тингтона. Я знаю, что ни один советский исследователь под этими высказываниями не подпишется» (там же). Во-первых, мысли «небезгрешного» заморского географа в данном случае излагаются весьма вольно, без указания на присутствие в первоисточнике вероятностного элемента; во-вторых, соображения и даже фантазии Хантингтона не в состоянии поколебать вполне здравую мысль о «сопряженной эволюции» природы и общества на Земле; наконец, в-третьих, зачем же понуждать советского исследователя ставить подпись под двумя, столь разными высказываниями, первое из которых является более или менее «вменяемым», а второе – обыкновенным бредом?

В отличие от некоторых «непоколебимых» и подчас – вовсе не «слепых» подручных партии (Бориса Семевского, Олега Константинова, Моисея Альбрута и др.) и, к сожалению, уважаемого Вадима Покшишевского, резко осудивших Анучина за «искривление» методологической линии советской географии, Саушкин в своей статье «Сегодня и завтра географии» (18) в условиях жестких идеологических тисков сумел не только честно и внятно изложить свою позицию, но и по существу взять под защиту опального «диссидента». Дискуссию в «Литературной газете» Саушкин признал вполне своевременной и весьма полезной, добавив при этом: «Исключение, пожалуй, составляет статья академика И.П. Герасимова «Исчезла ли география?», написанная так, словно ее автор не задумывается над актуальными проблемами географии и не склонен смотреть далеко вперед. Мало того, судя по статье, академик И.П. Герасимов удовлетворен современным состоянием географии и не принимает на себя никакой ответственности за те серьезные промахи, которые были допущены в планировании географической науки и развитии разных ее направлений» (там же).

Изложив известный свой в те годы взгляд на предмет географической науки (как рассматривающей «в пространственном аспекте взаимодействие общества и природы, взаимные связи природных, технических и экономических процессов»), Саушкин сравнил ее с важнейшим «мостом», соединяющим естественные и общественные науки. В свою очередь, общество – ведущая активная «сторона» во взаимодействии природы и общества, что, по мнению ученого, не допускает

малейшей дискриминации гуманитарной географии в организации научных исследований. Он полагал, что «основная сила географии, смысл ее существования, основа ее будущего расцвета» – в комплексности, в то время как разобщенность, разорванность для нее «смерти подобны». Отсюда делался вывод в необходимости глубокой проработки вопроса о единстве географии, чем своевременно и серьезно занялся Всеволод Анучин. «Однако попытки создания стройной теории единства географии встречают сильное сопротивление со стороны тех географов (большой части узких специалистов в какой-либо одной области), которых вовсе не привлекает комплексное решение больших проблем, да еще и под экономико-географической «дирижерской палочкой». Начинают кричать о том, что это-де возврат к буржуазной географии, попытки «смещения» законов природы и законов общества и т.д.» (там же).

Заметим, однако, что упование Саушкина на создание в будущем «стройной теории единства географии» вряд ли имело под собой «стройную» философскую основу, хотя решительное отстаивание им единства цели и методов комплексных географических исследований, осуществляющихся представителями разных областей географической науки, совсем не противоречит стратегии развития современной географии.

Взгляд на проблему из XXI в. В начале наступившего столетия некорректность постановки «вечного» вопроса об альтернативности двух взглядов на географию более очевидна, чем когда-либо ранее. Он лишен рационального смысла, беспредметен, хотя в прошлом, как мы видели, «сводил с ума» многих незаурядных сподвижников географической науки у нас и за рубежом. Как «отче наш» повторялась фраза о том, что «эти две науки не могут быть объединены в «единую» географию, так как экономическая география принадлежит к разряду наук, изучающих некоторые закономерности развития общества, а физическая география относится к разряду наук, изучающих закономерности развития природы» (19). Дескать, нет такого объекта, специфические свойства и законы развития которого были бы одновременно присущи и природе, и человеку. Спор о единстве или разобщенности географической науки нередко плавно перемещался в классовую

плоскость со всеми неожиданностями (оргвыводами), подстерегавшими дискуссионтов.

Предметом непримиримых разногласий между географами «естественниками» и «гуманитариями» часто служит сущность так называемой «очеловеченной» (или «второй», «искусственной», «рационализированной» и т.д.) природы. В широко популярной (в частности – дидактической) литературе очеловеченная природа трактуется как часть природы, которая непосредственным образом включается в сам процесс деятельности сознательного существа и несет на себе соответствующий отпечаток. Подобная точка зрения базируется на позиции многих философов, исходящих из того, что предметы и явления очеловеченной природы – суть предметов и явлений природы, способом существования которых является сознательная деятельность человека. В своем капитальном труде «Философия хозяйства» Сергей Булгаков писал: «Природа, с господствующим в ней слепым интеллектом или инстинктом, только в человеке осознает себя, становится зрячею. Природа очеловечивается, оно способна стать периферическим телом человека, подчиняясь его сознанию и в нем сознавая себя». Она «вступает в новую эпоху своего существования», «естественное» заменяется «искусственным», т.е. хозяйственно-сознательным». «Хозяйственный труд есть уже как бы новая сила природы, новый мирообразующий, космогонический фактор, принципиально отличный от всех остальных сил природы» (6, с. 133).

Увы, подобное видение «очеловеченной» природы не ведет к «примирению» географов-радикалов, сторонников «разорванной» географии. Проблема соотношения «очеловеченной» природы с естественной остается актуальной и сегодня, а, по мнению некоторых философов, «соотношение естественного и искусственного является самым фундаментальным вопросом нашего выживания, а, следовательно, и своего рода основным вопросом философии (13, с. 5). Многое при этом зависит от характера противопоставления «естественного» и «искусственного», степени предпочтения одного другому, а также трактовки «целесообразного» и «нецелесообразного» результатов «очеловечивания» природы. «Родимым пятном» советской философии и обществоведения являлось то, что они рас-

считали «искусственную» природу как «целесообразный» результат материального преобразования внечеловеческой природы, явно недооценивая «нецелесообразный». В ряде случаев фактически не устанавливалось принципиальное различие между целесообразным и нецелесообразным результатом воздействия общества на природу.

С одной стороны, советские физико-географы соглашались с двояким характером человеческого воздействия на природу, с другой – твердо отстаивали природное естество практически любого ландшафта. Федор Мильков был убежден, что «антропогенные ландшафты нельзя противопоставлять природным. Они хотя и созданы человеком, однако развиваются согласно природным закономерностям» (15, с. 13). Аналогичное мнение разделяют Михаил Будыко, Анатолий Исаченко, и целый ряд других авторитетных географов. Первый из них, в частности писал: «Очеловеченная природа ... подчиняется тем же законам, что и природа «в чистом виде» (5, с. 68), и о никаком «монизме» в географии не может быть и речи.

С философской точки зрения подобное «упорство» нельзя признать правомерным, поскольку при этом «игнорируется различие между целесообразным и нецелесообразным результатами воздействия общества на природную среду, а именно постольку, поскольку остается в тени сама специфика очеловеченной природы» (11, с. 55). Подобное игнорирование может происходить различными путями: как за счет «подтягивания» нецелесообразного результата к целесообразному, так и путем «сведения» последнего к первому – но в любом случае «путем отрицания особых законов функционирования и развития очеловеченной природы» (там же).

Ранее нами уже излагалась собственная точка зрения, в соответствии с которой география как самостоятельная область научного знания исследует взаимодействие природы и общества в пространстве и во времени как качественного особого процесса, локализованного в специфическом сегменте объективного мира – наружной земной оболочке (включая очеловеченную природу) и характеризующегося внутренней логикой своего самодвижения. Соответственно, главными объектом географии, на наш взгляд, являются корреляционные отношения, приуроченные к конкретной пространственной арене, имею-

щие, как правило, сложный, интердисциплинарный характер. Иначе говоря, кроме «несовместимых» естественных и общественных закономерностей, столь «милых сердцу» приверженцев дуалистической географии, можно идентифицировать принципиально иные закономерности, имеющие отношение к взаимодействию природы и общества, то есть – к корреляционным отношениям.

Именно на это обстоятельство обращает внимание Александр Ласточкин, отмечая в частности, что «в современных географических и геоэкологических изысканиях осуществляется не изучение этих взаимодействий, а констатация очевидных, визуальная и инструментальная оценка отдельных антропогенных воздействий на окружающую среду и, наоборот, некоторых воздействий последней на человека. ... О познании же механизмов и тем более закономерностей взаимодействия двух сторон экологических отношений говорить еще рано, так как однозначно и точно еще не выделены взаимодействующие элементы и не выявлены их пространственные и вытекающие из них динамические и функциональные и прочие связи» (12, с. 31). Кроме этих, «одинаково специфических» для природы и человеческого общества закономерностей, он указывает на наличие и второй группы общих закономерностей, вытекающих из условий «одинакового воздействия со стороны внешних к общему пространству планетарных и астрономических факторов» (там же). Если бы цитированный автор под «структурно-геотопологическим основанием общей географии» подразумевал отмеченные выше корреляционные отношения, а не связи, вытекающие из морфодинамической парадигмы, с ним, на наш взгляд, можно было бы согласиться.

Проблема соотношения природного и «очеловеченного» весьма ответственна, поскольку осмысление характера влияния общества на природу с позиций подчиненности или независимости этого влияния от общественных закономерностей, определение специфики «очеловеченной» природы – задача не из легких. В данном контексте важно подчеркнуть, что именно здесь «сокрыт» один из ответов на достаточно формальный вопрос о монизме и дуализме географической науки.

Спор о монизме и дуализме не принципиален потому, что география всегда была и будет одновременно интегрирована, благодаря

наличию «ядра конденсации» разнородного знания» и дифференцирована, вследствие колоссальной удаленности от этого ядра «маргинальных» отраслей географического знания. Убедительным, хотя и косвенным свидетельством «слитности» и «расчлененности» географического знания является тот факт, что едва ли не каждая географическая субдисциплина имеет свой негеографический эквивалент: климатология и метеорология, экономическая география и региональная экономика, культурная география и культурология, экологическая география и экология и т.д. Некоторые из них являются общим достоянием для представителей различных наук, как это случилось, например, с геоморфологией, где интерес разделился пополам между географами и геологами.

Весьма неблагоприятную роль в искусственном размежевании двух географий сыграли представители самой общественной географии, которые в советские годы намеренно старались сузить предметную область своей науки до размещения производства – до «котлованов Днепротеса», «морока Магнитки» и «территориально-производственных комплексов». Недостаточно четкая научная экспликация предмета экономической географии (узаконенная II съездом Географического общества СССР) способствовала падению престижа гуманитарной географии, а с развитием региональных экономических исследований вообще была поставлена на грань «выживания». Методологическое противостояние в советской географии физического и экономического направлений, четко обозначившееся в середине XX в., было следствием и официальной марксистской идеологии – догматической и насквозь лживой. Недооцениваемая опасность такого противостояния состояла в полном «распаде» географической науки, «растворении» естественной географии в естествознании, а гуманитарной соответственно в социологии, культурологии и экономике.

И хотя сегодня ситуация совершенно иная, надо помнить поучительный опыт американской географии. Там восстановление традиций гуманитарной географии привели к последствиям другого рода: некоторые географы стали настаивать на признании в правах лишь гуманитарной географии, «рекомендуя» отнести физическую географию к различным отраслям естественных наук. «Подобный принцип оставил бы вне географии жизненно важные элементы природной среды» (15). Поэтому лишь совместное познание земной оболочки физико-географами (воспринимающими свою науку как познание природной среды, а не как геофизику) и географами-гуманитариями (изучающими социальную и экономическую среды иначе, чем это делают социология и экономика) может принести реальный эффект в данном процессе.

Заканчивая данный сюжет о многолетней дискуссии в отечественной географии о «единстве географии», по ассоциации хотелось бы привести покаянные слова изначального евразийца Георгия Флоровского, который наряду с Бердяевым, Ильиным, Милюковым, после долгих лет увлечения евразийскими идеями, полностью разочаровался в них: «Занимаясь писанием всего этого евразийского кошмара, я чувствую, что мог бы все это время и труд с гораздо большей пользой (и для себя, и для других) потратить на науку... Евразийство для меня тяжелый крест, и притом без всяких компенсаций. Поймите, что в глубине души я его ненавижу и не могу не ненавидеть. Оно меня сломило, не дало мне стать тем, чем я мог бы и должен был стать. Бросить его, уйти от него, забыть про него было бы для меня высшим счастьем».

Думается, подобные чувства могли испытывать и некоторые географы, потратившие многие годы быстротечной жизни на малоэффективные поиски истины, связанные с противостоянием монистического и дуалистического взглядов в географии.

Библиографический список

1. Анучин В.А. Теоретические проблемы географии. – М., 1960. – 264 с.
2. Анучин В.А. О критике единства географии. – М., 1961. – 32 с.
3. Анучин В. А. История с географией // Литературная газета. – 1965. – 18 февраля.
4. Арманд Д.Л. Давайте не будем! // Литературная газета. – 1965. – 25 марта.
5. Будыко М.И. Человек и биосфера // Вопросы философии. – 1973. – № 1. – С. 66–74.
6. Булгаков С.Н. Философия хозяйства (т. I). – М., 1993. – С. 133.

7. Герасимов И.П. Исчезла ли география? // Литературная газета. – 1965. – 29 апреля.
8. Гохман В.М., Горнунг М.Б., Ковалевский В.П. Не ради чести мундира... // Литературная газета. – 1965. – 20 мая.
9. Ефремов Ю.К. Ландшафтная сфера Земли // Известия ВГО. – Т. 91. – Вып. 4. – 1959. – С. 24–32.
10. Забелин И. Что случилось с географией? // Литературная газета. – 1965. – 3 июня.
11. Кобылянский В.А. Философия социозологии. – Новосибирск, 2004. – 188 с.
12. Ласточкин А.Н. Системно-морфологическое основание наук о Земле (геотопология, структурная география и общая теория геосистем). – СПб, 2002. – 762 с.
13. Кутырев В. А. Естественное и искусственное: борьба миров. – Нижний Новгород, 1994. – 241 с.
14. Маркс К. Капитал. – Т. 1. – 907 с.
15. Мильков Ф. Н. Рукотворные ландшафты. Рассказ об антропологических комплексах. – М., 1978. – С. 13.
16. Пригожин И., Стергерс И. Порядок из хаоса. – М., 1986. – С. 275.
17. Ретеюм А.Ю., Серебряный Л.Р. География в системе наук о земле / Серия «Теоретические и общие вопросы географии», том 4 (Итоги науки и техники). – М., 1985. – 206 с.
18. Саушкин Ю.Г. Сегодня и завтра географии // Литературная газета. – 1965. – 17 июня.
19. Семевский Б.Н. Некоторые методологические вопросы географии // Ученые записки. – № 94. – Географический факультет. – Л., 1954. – С. 3–13.
20. Уиттлси Д. Региональная концепция и региональный метод. – В кн.: Американская география (пер. с англ.). – М., 1957. – С. 37–80.
21. Шупер В.А. Теория экономического ландшафта на фоне XX столетия. – В кн.: Август Лёш как философ экономического пространства. – М., 2007. – С. 302.
22. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. – М., 1965. – С. 111.

А.Н. Пилясов
(г. Москва)

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ И ВЫЗОВЫ ПЕРЕД РОССИЙСКИМ СООБЩЕСТВОМ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФОВ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИСТОВ

Pilyasov A.N. (Moscow)

THE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL SCIENCE AND THE CHALLENGES FOR THE RUSSIAN SCHOLARS COMMUNITY IN ECONOMIC GEOGRAPHY AND REGIONAL ECONOMICS

***Аннотация.** В статье анализируется полувековое развитие региональной науки (Regional Science), исследуется тематическая структура последних конгрессов европейской ассоциации региональной науки, формулируются позитивные уроки зарубежного опыта для российского сообщества региональных исследователей, преподавателей региональной экономики и экономической географии.*

***Abstract.** The article gives the overview of a half a century development of regional science. The author analyzes topical structure of the last Congresses of European regional science association, positive outcome of the Western experience for the Russian community of regional scholars, teachers of regional economics and economic geography.*

***Ключевые слова:** региональная наука, перетоки знания, региональный инновационный процесс*
***Keywords:** regional science, knowledge spillovers, regional innovative process*

Введение

Эта статья родилась как обобщение нескольких выступлений: на Первом российском экономическом Конгрессе, на круглом столе в Финансовой академии при Правительстве РФ в 2009 году, на конгрессах Европейской ассоциации мировой региональной науки в 2006–2009 годах. Три поставленные

в ней автором задачи определили логику изложения материала.

Во-первых, хотелось на богатом эмпирическом материале полувекового развития мировой региональной науки протестировать концепцию Т. Куна о научных революциях, радикально меняющих исследовательскую парадигму научного сообщества¹.

Во-вторых, представить результаты обзоров докладов ежегодных конгрессов европейской ассоциации региональной науки (выполнены в 2006–2009 гг.): дать анализ тематической структуры, индексы авторского и журнального цитирования, сопоставить с американскими ежегодными конференциями по региональной науке, выделить направления исследований, представляющие интерес для российских экономико-географов и региональных экономистов. В-третьих, на основе опыта развития зарубежной региональной науки в последние два десятилетия сформулировать позитивные уроки для организации научных исследований и подготовки образовательных курсов для российского сообщества региональных исследователей и преподавателей региональной экономики и экономической географии.

1. Развитие мировой региональной науки в последние полвека как подтверждение концепции Т. Куна о научных революциях

Рождение региональной науки неожиданным образом связано с итогами Второй мировой войны. В первой трети 20 века Германия была несомненным мировым лидером экономических исследований о пространстве. Работы Й. Тюнена еще 19 века, А. Вебера, В. Кристаллера и А. Леша, которые упоминаются сегодня во всех учебниках региональной экономики и экономической географии, содействовали формированию новых оригинальных представлений об экономическом пространстве.

С другой стороны, в англосаксонской экономической школе несомненным лидером был А. Маршалл, фундаментальный труд которого «Основы экономической науки» отражал влияние фактора времени на экономические процессы. Пространству же в нем были посвящены всего девять страниц (десятая глава четвертой книги «Концентрация специализированных производств в отдельных районах»²), послужившие основой для современного термина «промышленные районы Маршалла», используемого в региональной науке. Неудивительно, что игнорирование пространственного фактора было своеобразной традицией исследователей англосаксонской экономической школы первой половины 20 века.

Поражение Германии во Второй мировой войне радикально изменило место мирового

центра экономических знаний о пространстве. Благодаря энергичным усилиям Вальтера Айзарда, создавшего региональную науку, новым центром стали Соединенные Штаты Америки – страна, в которой никогда не было культуры географического мышления (например, в отличие от соседней Канады в США до сих пор нет традиций географического образования во многих университетах); чувство места не являлось американской добродетелью: ведь прикрепленность к месту – это тормоз для прогресса, препятствие для мобильности, подлинных приоритетов американского общества³.

Если бы история сложилась иначе, немецкоговорящий мир остался бы главным центром знания и обучения моделям пространственного развития, а американская региональная наука не могла бы появиться⁴. Есть и другие причины, по которым региональная наука не могла возникнуть, например, в 1930-е годы. Мировая депрессия укрепила роль национального уровня государственной экономической, социальной, бюджетной политики, кейнсианской макроэкономики, в которой не было места для эмпирических обобщений регионального характера.

Вальтер Айзард, благодаря своему организаторскому таланту и значительной энергии, смог осуществить успешную прививку немецкой традиции пространственных исследований в страну, где такой традиции никогда не было в исследованиях общества. Еще в 1940-е годы он перевел работы немецкой размещенческой школы на английский язык, в начале 1950-х годов создал внутри американской экономической ассоциации маленькое сообщество региональных исследователей⁵.

Для последующей периодизации развития региональной науки я буду использовать работу Э. Айсермана⁶, с добавлением к ней качественных оценок Т. Куна, уместных для понимания предпосылок и сущности революции (радикальной смены парадигмы), произошедшей в региональной науке в 1990-е годы.

Послевоенное время в США было очень благоприятным для смелых институциональных экспериментов, к которым можно отнести, например, рождение нового штата Аляска, рождение региональной науки. Вера в возможности научного знания была безграничной. Спрос на специалистов по пространственному развитию, градострои-

тельному проектированию был огромный. Поэтому усилия В. Айзарда в Америке встретили очень благодатную почву.

27–29 декабря 1954 года в Детройте на организованной им региональной научной конференции 60 ученых единогласно одобрили идею создания региональной науки. Последующий период 1954–1968 годов в терминологии Т. Куна можно назвать временем становления научного сообщества вокруг новой парадигмы.

В первых годах существования региональной науки было что-то сектантское, так похожее на собрания первых христиан, сторонников Маркса, членов ленинского кружка «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Вплоть до середины 1960-х годов региональная наука оставалась преимущественно северо-американским феноменом: разрозненные группы исследователей университетов Иллинойса, Калифорнии, Массачусетса, Онтарио находились в фарватере центра притяжения в Университете Пенсильвании, где работал В. Айзард.

Уже при рождении региональной науки, как вспоминал Билл Алонсо (первый получивший степень доктора по специальности региональной науки в Университете Пенсильвании и основатель нового научного направления – городской экономики), была атмосфера космополитичной интеллектуальности: ведь региональная наука возникла как синтез географии, городского планирования, экономики, социологии, политических наук. Сегодня бы сказали, в результате интеграции кусочков знания разных наук в рамках новой области знания.

С точки зрения социологии науки, региональная наука является интересным феноменом. Как всегда подчеркивают ее лидеры, это не дисциплина, а *field* – продукт междисциплинарного синтеза, поле, область исследований. Междисциплинарность, опыление знанием разных наук является сущностной чертой англосаксонской региональной науки – как она создавалась В. Айзардом. Это как город, который сформирован из разных кварталов. Добавляя новые кварталы на краях и увеличивая интеллектуальные контакты между кварталами, можно улучшить качество жизни в городе, не потеряв его фундаментальной природы, его дух сотрудничества, содействия всему обществу⁷.

Как это часто бывает, отцы-основатели новой науки обладали исключительно ши-

роким взглядом, который последующие исследователи, углубленно разрабатывающие конкретные проблемы, частично утратили. Масштабность замысла В. Айзарда подтверждает его программная статья в одном из первых номеров созданного по его инициативе журнала региональной науки⁸. Здесь ставится задача изучения регионов как живых организмов, способных к эволюции – например, расширению, сужению, сдвигам границ. Когда В. Айзард говорит о регионе как о организме, он предвосхищает современную экспансию наук о жизни в новые области научного знания, современные популярные аналогии возраста, жизненного цикла развития биологической особи и региона; генетической структуры организма и институциональной структуры региональной экономики и др. В этой же работе вводится понятие лимитирующего ресурса региона, который оказывает угнетающее воздействие на развитие местной экономики.

Региональная наука изучает меняющиеся отношения общества и пространства, пространственную составляющую взаимодействия человека с природной средой, взаимодействия в пространстве сочетающихся социальных, экономических, политических, правовых и других факторов. Предвосхищая современные реалии экономики знания, В. Айзард включает в сферу интересов региональной науки не только материальные (физические) активы, но также неосозаемые активы информации и знания, возникающие при их перемещении между субъектами экономики сильные и слабые связи. Возможно, в будущем региональная наука включит в себя вопросы изучения пространственного перемещения идей и мыслей (как, где, с какой скоростью мысли преодолевают расстояние). Подступы к этому обнаруживаются сегодня в современной концепции «перетоков знания» (*knowledge spillovers*). В. Айзард не исключает, что в будущем в объект региональной науки необходимо будет включить и воздушное пространство в контуре региона, которое станет исключительно важным для его экономического развития. И это сегодня, спустя более чем полвека, звучит очень современно.

Систематизация представлений о новой науке была проведена в вышедшем в 1958–1960-м году трехтомнике В. Айзарда: первый том – размещение и пространственная эко-

номика; второй том – анализ промышленных комплексов и региональное развитие; третий том – методы регионального анализа. В этой работе хорошо видна натура экспериментатора: В. Айзард одержим идеей внедрить новые методы, методологию родительских наук в новую региональную науку. Поэтому первоначально многие концепции региональной науки возникли как регионализация известных в других науках представлений, методов и приемов анализа: например, методы межотраслевого баланса сначала были разработаны для национального уровня, но В. Айзард применил их для изучения региональной экономики.

Первоначально складывающуюся тематику научных исследований этого периода можно отследить на примере публикаций журнала *Papers in Regional Science*, созданного практически одновременно с основанием региональной науки (1955 год)⁹. Для первых номеров характерно стремление определить основополагающие для региональной науки понятия региона, пространственной организации, пространственной экономической структуры, промышленных комплексов, агломерационного эффекта (тогда назывался эффектом концентрации).

Ключевым вопросом новой науки, как можно судить по структуре публикаций, было развитие выходящей (точнее сказать тесно стыкующейся) из микроэкономики общей теории размещения, разработка региональных моделей размещения производительных сил (*location theories*). По сути, сама новая региональная наука родилась из экономической теории размещения. Закономерности размещения промышленных предприятий находились в центре анализа региональной науки. Публиковались статьи по промышленной диверсификации, сдвигам обрабатывающей промышленности между регионами США, оптимизационные модели размещения промышленных предприятий. Меньше внимания уделялось вопросам размещения крупных многопродуктовых корпораций, передислокации промышленных предприятий (больше размещению новых), размещению предприятий сектора услуг (если рассматривались, то исключительно в рамках теории центральных мест).

Авторы конструктивно обособляли статичную теорию размещения домохозяйств,

фирм, городов, и динамичную теорию размещения, которая тесно смыкается с теориями регионального и городского роста (аналогично понятиям запаса и потока), увязывали законы размещения с развитием культуры, и шире – со спецификой различных цивилизаций¹⁰.

Резюмируя, можно сказать, что региональная наука не испытывала никаких проблем с интеграцией концепций, теоретического аппарата микроэкономики фирмы в концепции, модели их размещения в пространстве.

Совсем иначе складывались отношения новой науки с макроэкономикой. Здесь на долгие десятилетия возникла непреодолимая китайская стена: модели классической макроэкономики не включали пространство, размещенческие модели региональной науки были чужды ортодоксальным экономистам.

В течение двух первых десятилетий журнал *Papers in Regional Science* публиковал доклады ежегодных конгрессов региональной науки (в последний период – европейских). Численно в первые годы доминировала размещенческая тематика, которая сегодня составляет в докладах ежегодных европейских конгрессов региональной науки не более 3-4%. А абсолютно доминирует теперь городская проблематика (городская экономика, развитие метрополитенских ареалов, городской туризм и др.): доклады по этому направлению обычно составляют 10-15% от общего числа. Можно признать это влиянием новой проблематики экономики знания, которая прежде всего проявляется в городском развитии.

Публикации первого периода в полной мере отражали экономические и социальные проблемы индустриального развития регионов западных стран. Региональный экономический рост рассматривался исключительно в аспекте промышленного развития.

В контексте индустриализации ставились вопросы неравенства в доходах (термина межрегиональные различия по доходам еще не было). Любопытно отметить, что сегодня, в докладах европейских конгрессов региональной науки, и решение проблем регионального роста и межрегионального неравенства преимущественно увязывается с развитием экономики знания, креативными факторами, разработкой и внедрением технологических и организационных инноваций.

Значительное, хотя и существенно меньшее место по количеству публикаций, зани-

мала тема городского роста и развития, городских систем (например, имущественные налоги и городское развитие, проблемы центральных бизнес-районов городов, применение модели экономической базы для развития городов и др.). Она зазвучала сильно с 1964 года. Тогда же стартовала программа изучения экономики метрополитенских ареалов (крупногородских регионов)¹¹. Городская экономика, признанная сегодня полноценной ветвью экономической науки, родилась внутри региональной науки как типичный спин-оф, после защиты первой диссертации по специальности региональная наука В.Алонсо (тема «Вопросы размещения и землепользования в городах»).

Много публикаций первых номеров журнала *Papers in Regional Science* было посвящено теме регионального планирования и политики, политическим аспектам регионального анализа, региональной экономической политике для развивающихся регионов. Здесь прорыв был обеспечен выходом учебника А. Хиршмана¹², под влиянием которого находились авторы большинства статей.

Среди других тем можно отметить анализ различных межрегиональных потоков (миграционных, товарных, финансовых) и балансовые подходы к их оценке. В версии современных исследований в докладах конгрессов к перечисленным добавляются потоки знания и их оценка через патентную статистику, анализ соавторского поведения и другие приемы.

Крупным недостатком исследований первого этапа существования региональной науки было зауженное понимание пространства как чистого оптимального механизма, системы без истории и институтов. В современных работах этот недостаток преодолевается. Другое упущение состояло в игнорировании феномена крупных корпораций в пространственном развитии и моделях размещения. Частично, но довольно медленно этот недостаток сегодня также преодолевается (например, в работах лидеров региональной науки С.Сассен, Ф.Макана и др.).

Лидерами по количеству цитирований в статьях основных журналов региональной науки в этот период были В. Айзард, В. Алонсо, Т. Хегерstrand, М. Бекман, С. Шамански. В перечне цитируемых упоминались работы отечественных исследователей Н.Н. Колосовского и Ю.В. Медведкова.

Следующий период 1969–1976 годов летописцы региональной науки называют взлетом, но в терминологии Т. Куна уместно назвать его временем «решения задач-головоломок». Для исследовательского сообщества характерна увлеченность разработкой и калибровкой формальных инструментов регионального анализа. Поголовной модой становится разработка различных, преимущественно оптимизационных моделей: оптимального размещения предприятий промышленности, оптимального роста (сейчас бы сказали устойчивого роста), оптимального ценообразования; модели межотраслевого баланса, пространственного взаимодействия; демографические модели.

Другая основополагающая тенденция этого периода – интегративная, стремление обеспечить целостность, системность взгляда в региональных исследованиях. Она проявилась многоаспектно: в усилиях штурмовать пространственно-временную метрику регионального развития (модели пространство-время, обособление стадий пространственно-временного развития и др.), попытках интеграции экономических и экологических систем в региональном анализе, определении силы межотраслевых связей внутри промышленных комплексов, разработке вопросов регионального планирования с целостных, системных позиций.

В публикациях в *Papers in Regional Science* появляются новые темы и термины – пространственная конкуренция (конкуренция в пространстве – за 15 лет до современных классических работ М. Портера по конкуренции), агломерационная экономика, социальная коммуникация, диффузия информации, полицентричные города-регионы, факторы размещения домохозяйств как атомарных субъектов региональной экономики на рынке жилья (например, доступность основополагающих благ – досуговой инфраструктуры, качественной окружающей природной среды и др.).

Лидерами цитирования в растущем числе журналов региональной науки становятся Г. Ричардсон, выпустивший фундаментальный учебник по региональной экономике, М. Фьюджита, который сегодня известен своими совместными работами с Полом Кругманом и Тони Венаблсом (например, учебник по пространственной экономике), П. Найкам, сегодня уже считающийся признанным мэтром региональной науки, а тогда впервые

появившийся с моделями экологического выбора.

Развитие региональной науки в 1977–1989 годах обычно трактуется как кризис среднего возраста; в терминах Т. Куна уместно назвать этот период временем сосуществования нормальной и экстраординарной науки. С одной стороны, характерно продолжение сложившихся ранее тенденций в исследованиях – «нормальная наука» (формализация моделей, приоритет оптимизационных подходов в изучении размещения в пространстве, сохранение привычных исследовательских сюжетов); с другой стороны, явно обозначается кризисное состояние науки и в попытках одолеть его, появляются новые сюжеты исследований – «экстраординарная наука».

Индикаторами кризиса являются увлечение философским анализом региональных процессов; дробное рассмотрение феноменов, которые ранее полагались слитными, целостными (например, взаимодействие общественного и частного секторов в региональном развитии; сегментация рынков труда, размещение отдельных атомарных домохозяйств и фирм); ускорившиеся в результате энергетического кризиса процессы постиндустриальной трансформации (пост-фордизма) в регионах Западной Европы, которые ярко обозначились в новой теме структурных изменений: ломки прежних пространственных структур городских агломераций, региональной промышленности (и ее адаптации к технологическим изменениям), всей региональной экономики.

Появляются работы, выполненные уже в новой парадигме эндогенного экономического роста: например, анализирующие региональное развитие с позиций эволюционной парадигмы (концепции самоорганизации общественных систем); определяющих роль креативных факторов в региональном развитии¹³ (на 20 лет раньше работ Р.Флориды на эту тему). Усиливается интерес к сектору услуг как носителю черт нового уклада. Например, возникают работы, посвященные размещению предприятий услуг (в том числе различных общественных служб) в регионе. Анализируется роль интеллектуальных производственных услуг (сначала использовался термин бизнес-услуги) в формировании региональной занятости. Вводятся новые понятия и концепции пост-фордистской организации производства, региональных ин-

новационных комплексов (теперь систем), региональных барьеров коммуникации и позитивных экстерналий, связанных с «расплескиванием» знания внутри контура региона.

Лидерами цитирования в журналах региональной науки в этот период становятся Л. Анселин, Н. Хансен, Дж. Брюкнер, А. Айсерман, Ф. Сникарс и др.

Для следующего периода последних двух десятилетий характерно возрождение интереса к региональной науке, которое происходило на фоне научной революции, совершенной Полом Кругманом и его сподвижниками, и в итоге – смены всей парадигмы региональных исследований.

Количественными индикаторами усиливающегося общественного интереса к региональным исследованиям являются появление новых междисциплинарных журналов; новых (или возрождение старых) кафедр по региональной специальности в ведущих зарубежных университетах; новых, а не переизданных старых, учебников по региональной экономике и экономической географии; приход в исследования пространства специалистов других наук, например, Майкла Портера из школы бизнеса и Пола Кругмана из международной теории торговли. В этот период пространство стало удобной интеграционной (интеллектуальной) платформой для специалистов самых разных дисциплин. Было осознано его фундаментальное влияние на экономическое поведение людей.

Интерес к региональной науке вызвали и абсолютно новые феномены «быстрых» регионов, с динамичными, гибкими пространственными структурами, с легко обучаемыми местными сообществами, которые трудно (в силу их радикальной непохожести на привычные регионы индустриального времени), но необходимо понимать и изучать: таковы американская Силиконовая долина, индийский Бангалор, Третья Италия и др.

Можно выдвинуть несколько причин укрепления позиций региональной науки в мире в последние два десятилетия. Во-первых, макроэкономические качели «рыночный либерализм – государственное регулирование» сместились в сторону государственных, нерыночных, факторов экономического развития. Неслучайно в этот период в американских университетах возродились курсы городского и регионального планирования, позабытые в период рейгано-

мики (теперь присутствуют в программах 87 университетов¹⁴).

Известна закономерность, что либеральные подходы в экономической политике, как правило, неблагоприятны для развития региональных исследований (как теоретической основы региональной политики). Вера во всемогущество рыночного саморегулирования в этот период, как правило, оставляет мало места для региональной специфики, которая очень часто имеет нерыночную природу (природные ландшафты, социальный капитал местного сообщества, географическая форма региона и т.д.). В этот период государственные деятели обычно полагают, что костюм шьется и для русского, и для американца, и для африканца по одним лекалам, но только для жителя Африки в силу его большей порывистости нужны более крепкие нитки.

Укрепление государственного регулирования часто (но тоже не всегда, что показали реформы – «новый курс» Т.Рузвельта) приводит к возрождению интереса к нерыночным факторам развития и в их контексте – к региональной специфике. А здесь уже есть место и для региональной науки, которая опирается не на концепцию «экономического человека» с его императивами эгоизма, экономической целесообразности, но на концепции местного сообщества, социальной укорененности, социального капитала и др.

Второй причиной укрепления позиций региональной науки можно считать охватившую многие страны тенденцию к децентрализации государственной власти и ответственности, которая объективно возвысила региональные и муниципальные ячейки научного наблюдения и анализа. Возможно, что эта линия имеет долгосрочный характер и означает суживание роли государств и укрепление субнациональных экономических и политических структур в эру глобализации (такова точка зрения, например, М. Кастельса).

Третьей причиной, видимо, стала крепнущая экономическая роль крупногородских (метрополитенских) ареалов, в которых теперь производится основной мировой национальный продукт. Усиливается и их политическое влияние. Крупногородские регионы (города-регионы, города-государства) воспринимаются как кирпичики новой мировой пространственной структуры экономики, как шестигранники Леша складывающие новое

мировое пространство. Например, Энн Маркусен связывает новый регионализм прежде всего с крупногородскими регионами, метрополитенскими ареалами, а не вообще регионами¹⁵.

Еще одной причиной повышения роли региональных исследований могут быть проекты межгосударственной интеграции – европейской (Евросоюз), американской (НАФТА), евразийской (ЕвразЭС), которые парадоксальным образом усиливают внимание к межрегиональным контрастам роста и развития¹⁶.

Говоря о тех, кто совершает научные революции, Томас Кун пишет: «Почти всегда люди, которые успешно осуществляют фундаментальную разработку новой парадигмы, были либо очень молодыми, либо новичками в той области, парадигму которой они преобразовали... Они, будучи мало связаны предшествующей практикой с традиционными правилами нормальной науки, могут скорее всего видеть, что правила больше не пригодны, и начинают подбирать другую систему правил, которая может заменить предшествующую»¹⁷.

Таковы были историк Лев Гумилев, который ворвался в географию с оригинальной концепцией этногенеза, Даглас Норт, который проделал обратный путь – от исследований пространства к исследованиям времени: в 1950-е годы начинал как региональный экономист, на волне интереса к зарождающейся региональной науке работал по теории размещения в пространстве; а в 1990-е годы получил Нобелевскую премию за цикл прорывных работ по новой экономической истории, в которых была убедительно выявлена определяющая роль экономических институтов в развитии стран и народов. С полным правом в круг этих революционеров можно отнести и Пола Кругмана, лауреата Нобелевской премии 2008 года.

Будучи макроэкономистом из американского научного мейнстрима, Пол Кругман сумел осуществить то, о чем мечтал, но не смог сделать, Вальтер Айзард: ввести пространственные, размещенческие факторы в модели неоклассической макроэкономики; соединить две до того разрозненные линии научных исканий – пространственную экономику/региональную науку и макроэкономику. Напомним, что обеспечить подобную интеграцию на уровне микроэкономики уда-

лось сразу же при рождении региональной науки, в гравитационных, моделях затраты-выпуск, моделях межотраслевого баланса. Однако работы А. Леша, А. Вебера, В. Кристаллера долгое время не имели внятной интерпретации для классической рыночной макроэкономики. Интеграция не получалась.

Но что побудило П. Кругмана, занимавшегося вопросами теории международной торговли, обратиться к региональной науке? Моделирование межгосударственного взаимодействия «через границы» было отдано на откуп специалистам по мировой (международной) экономике. Однако снижение роли тарифных и нетарифных барьеров для международного движения товаров, труда, капитала подняло значение пространственного трения, которое связано с информацией, издержками поиска, транспортными издержками. Особенности региональных пространственных контуров (потенциал/размер местного рынка, генерируемый здесь агломерационный эффект, эффект от локализации агентов экономики) прямо влияют на международную торговлю.

Первые свои макроэкономические модели несовершенной конкуренции П.Кругман тестировал именно для новой ситуации в международной торговле. Но они оказались созвучны и для региональной экономики (и стали для нее новым словом, обеспечивающим прочтение известных закономерностей пространственного развития на языке макроэкономической теории).

Вот как сам Пол Кругман оценивает сложившуюся за десятилетия ситуацию разрыва между региональной наукой и классической макроэкономикой¹⁸. Ведь действительно, в десятках версий американских учебников экономики практически нет ни слова о пространственном развитии, о пространственной экономике, региональной политике. В лучшем случае есть небольшой раздел по городской экономике и городскому развитию.

«Пренебрежение пространственной экономикой возникло от одной простой проблемы: как думать по поводу рыночной структуры. Чтобы сказать что-либо полезное или интересное по поводу размещения экономической деятельности в пространстве, необходимо избавиться от постоянной отдачи, подхода от совершенной конкуренции, который до сих пор доминирует в большинстве учебников экономического анализа... По

мере того как экономистам не хватало аналитических инструментов, чтобы думать по поводу растущей отдачи и несовершенной конкуренции, исследование экономической географии проходило вне мейнстрима экономической науки. А ввиду того, что стандарты догматизма в экономике со временем только возрастали, исследования размещения в пространстве задвигались все дальше и дальше на интеллектуальную периферию экономической науки.

Возрастающую отдачу сложнее моделировать, чем постоянную или падающую отдачу от факторов производства. Поэтому мы предпочитаем объяснять реальность теми терминами, которые мы знаем, как моделировать. Но очевидная важность растущей отдачи в экономической географии так велика (агломерационный эффект и др.), что это неизбежно требовало интеллектуальной фокусировки на этом вопросе. А поскольку мы не знали, как это делать, это незнание и привело к избеганию данного объекта в наших учебниках».

Интеллектуальный прорыв Полу Кругману позволило сделать творческое переоткрытие работ как классических экономистов, в первую очередь, Альфреда Маршалла, так и первооткрывателей региональной науки, прежде всего Й.Тюнена. Напомним, что А.Маршалл на многих страницах своей книги пишет про возрастающую отдачу от связанных с человеческим капиталом факторов производства, видит в этом фундаментальное отличие человеческого мастерства, знания, умения от привычных факторов производства, связанных с землей и капиталом, отдача от которых неизбежно со временем уменьшается (каждый последующий прирост данных факторов дает в результате все меньший прирост конечного продукта).

В отличие от модели совершенной конкуренции, для которой характерна падающая или постоянная отдача от каждого нового прироста фактора производства, в данном случае мы имеем дело со случаем несовершенной конкуренции, где новый прирост производственного фактора может сопровождаться возрастанием экономической отдачи от него. В пространстве этой ситуации соответствует классическая модель изолированного государства Й.Тюнена, когда в самом ближнем кольце к городу-центру сбыта экономическая отдача от прироста каждого

дополнительного фактора производства оказывается больше, чем в более удаленных кольцах. Конструктивный синтез представлений А. Маршалла и Й. Тюнена, который провел П. Кругман, стали теоретической основой для моделей несовершенной конкуренции, в которых впервые был описан агломерационный эффект возрастающей отдачи от факторов производства. Аналогичные макроэкономические модели использовались для описания пространственного взаимодействия центра и периферии, механизмов промышленной концентрации, пространственных перетоков знания.

Революция, совершенная Полом Кругманом в представлениях макроэкономистов о пространственных факторах, является важнейшим событием в новейшем развитии региональной науки. Однако ее роль для классической макроэкономики больше, чем собственно для региональной науки. Ее плодами в полной мере воспользовались ортодоксальные экономисты. Что касается региональных экономистов, то, конечно, приятно больше не осознавать себя изгоем экономического сообщества, однако нового конструктивного интеллектуального заряда только на этом не получишь.

Возникает каверзный вопрос: ниша для региональной науки родилась в результате провалов классической макроэкономики, не способной объяснить законы размещения субъектов экономики в пространстве. Но вот теория новой экономической географии Пола Кругмана сумела интегрировать факторы пространства и мейнстрим экономику. Не приближает ли это конец региональной науки?

Смена парадигм в региональной науке в последние два десятилетия, действительно, произошла. И это находится в полном соответствии с теорией Т.Куна, согласно которой после 20-25 лет нахождения на платформе одного теоретического представления, одной парадигмы, научное сообщество неизбежно устремляется к новой парадигме, которая взламывает весь предшествующий понятийный и терминологический, методический аппарат исследований.

Однако случилась эта смена парадигм не только благодаря революции Пола Кругмана, сколько по причине массового перехода исследователей на платформу эндогенного экономического роста, абсолютно новых

представлений о пружинах экономического, в том числе регионального, развития. Главная новизна этих взглядов (изложены в основополагающих работах американских экономистов П. Ромера 1986 года и Р. Лукаса 1988 года) состоит в выдвижении знания решающим фактором экономического развития. В результате коллективного и индивидуального обучения возможно постоянное приращение коллективного запаса знания местного сообщества (знание к знанию, т.е. работает эффект снежного кома), что на экономическом языке означает позитивную ситуацию возрастающей отдачи от факторов производства, в роли которого здесь выступает человеческий капитал.

Переворот в представлениях о факторах регионального развития изменил тематику региональных исследований: объектом многих работ стали квалифицированные кадры и направления их миграции (утверждается, что регионы все в большей степени будут конкурировать за мобильные факторы производства, важнейшим из которых являются как раз квалифицированные кадры¹⁹⁾); усилилось внимание к роли институтов, культуры, региональной идентичности и других особенностей местного сообщества в экономическом развитии.

Усиление транснационального, глобального взгляда на процессы в регионах одно временно укрепило позиции микроанализа, микроисследований: например, как атомарные ячейки отдельных городских зон, городов взаимодействуют в региональной сети – и не только по физическим товарным потокам, а по потокам виртуальным, информации и знания²⁰⁾.

Смена парадигм (с экзогенной на эндогенную теорию экономического роста) сопровождалась в региональной науке нарастающей тенденцией к междисциплинарности, масштабным использованием теоретических концепций, которые берут начало в других дисциплинах – демография фирм, нелинейное моделирование, эволюционная экономика. Возникли новые связи между когнитивной психологией и теорией пространственного поиска в экономике.

Многие исследователи стали применять новые для экономической географии и региональной экономики подходы, включая эволюционный, институциональный, сетевой, многоакторный, а также новые инструменты

и методы анализа. Стали разрабатываться новые нелинейные модели, более адекватно, чем прежние, отражающие характерную для современной эпохи ситуацию структурной нестабильности, когда даже малые изменения структуры могут привести к последующим тектоническим сдвигам²¹.

В региональном анализе на смену прежнему грубому ножу пришел тонкий скальпель, опирающийся на новые базы данных, что позволило перейти от макро к микроанализу, измерить ранее неизмеряемое, например перетоки знания, процессы коллективного обучения и др. Многие прежние феномены региональной науки стали рассматриваться в новом аспекте – как экономическое, коммуникационное, демографическое, транспортное поведение людей в пространстве.

Новую интерпретацию получили прежние понятия региональной науки. Например, время. Динамический подход во многих исследованиях пришел на смену прежнему статическому. Но и само понимание динамики стало иным. На смену конвейерному, линейному времени регионального индустриального процесса пришло понимание времени как ритма инновационного процесса, в стиле Бергсона-Хайдеггера, времени как творческой эволюции. С таким пониманием времени связаны новые понятия обучаемого региона, коллективного обучения, перетоков знания²².

По причине возросшего внимания к агломерационному эффекту, обеспечивающему возрастание отдачи от производственных факторов, углубилось понимание специфики его действия. Исследователи стали различать урбанизационный эффект (когда разнопрофильные заводы концентрируются в одном месте), локализационный эффект, по сути экономической специализации (когда сходные по профилю заводы расположены по соседству) и стандартный эффект экономии на масштабе операций, на размере фирмы.

Урбанизационный и локализационный эффекты, которые еще называют позитивными экстерналиями, чтобы подчеркнуть терминологическую близость феноменов региональной науки макроэкономическим моделям (после работ Пола Кругмана это стало просто модно), на самом деле отражают две школы, две линии научной мысли. Приверженцами первой выступают (в хронологическом порядке) Й.Шумпетер, Дж. Джакобс,

Дж. Хендерсон, Э. Глезер. Приверженцами второй (называют МЭР-экстерналии) А. Маршалл, К. Эрроу, П. Ромер, М. Портер.

В шумпетерианском смысле (перетоки знания и др.) авторы первой школы полагают, что самые радикальные инновации рождаются в результате «рекомбинации» идей. Большая степень разнообразия может способствовать вероятности «открытия» радикально новых товаров или решений в производственном процессе. С точки зрения Дж. Джакобс, экономическое разнообразие является ключевым фактором успеха города. Она полагала, что это самоусиливающийся феномен: городское разнообразие само и позволяет и стимулирует еще большее разнообразие. Экстерналии Джакобс рождаются от разнообразия местной промышленной структуры. Это разнообразие базируется на сочетании разных видов экономической деятельности в плотной среде крупных городов.

Урбанизационная экономия (или урбанизационный эффект, или экстерналии Джакобс) действует на размер рынка, экономическую структуру, генерирование информации и перетоки знания. Разнообразие производственной структуры города и плотность населения иногда рассматриваются как показатели урбанизационного эффекта.

С другой стороны, локализационная экономия (или МЭР-экстерналии) связана с существованием пула квалифицированных кадров, специализированных промышленных районов Маршалла, в которых производители склонны кластеризоваться совместно, чтобы быть вовлеченными в общую специфическую деятельность. МЭР-экстерналии приводят к концентрации города на определенных видах экономической деятельности, например, в традиционной обрабатывающей промышленности. Эти фирмы растут тем быстрее, чем выше специализация в регионе, в котором они размещены и в отрасли, в которой они рождены.

Но наукоемкие отрасли имеют другие закономерности. Темпы их роста увеличиваются, если высок общий уровень региональной экономической диверсификации. Чем больше разных отраслей расположено в регионе, и чем больше технологий здесь присутствует, тем выше вероятность, что появятся новые фирмы. Здесь действуют экстерналии Джакобс²³. В долгосрочной перспективе экстерналии Джакобс создают довольно равно-

мерное распределение предприятий по всем секторам экономики, что сокращает безработицу и содействует экономическому росту²⁴. Эту дихотомию между экстерналиями Джакобс и МЭР, между разнообразием и специализацией можно увидеть как на городском, так и на региональном, национальном уровнях. Например, в докладе по географическим закономерностям инновационного процесса утверждается, что в то время как Европа полагается на действие экстерналий Джакобс в инновационном процессе, метрополитенские зоны США рассчитывают на позитивное действие как МЭР, так и экстерналий Джакобс²⁵.

В 1990-е годы развернулась дискуссия между Э.Глезером, который считал, в духе работ Д. Джакобс 1960-х годов²⁶ и еще более ранних работ Б.Чиница²⁷, что для городского развития и роста исключительно важен эффект урбанизационной экономии на разнообразии, перетоков знания между разными отраслями и фирмами, и Дж. Хендерсоном²⁸, который отдавал приоритет локализационной экономии (эффекту) в городском развитии. Последний особенно ярко проявляет себя в монопрофильных индустриальных городах. Видимо, в периоды раннего быстрого роста позитивные эффекты от узкой специализации могут быть более значимыми, а на стадии зрелости более важны позитивные экстерналии от перетоков знания между разными отраслями и фирмами.

В последние два десятилетия безусловным лидером по количеству цитирований в журналах региональной науки стал основатель концепции новой экономической географии Пол Кругман (прежде всего его статьи 1993, 1996 и 1999 годов) и его сподвижники М.Фьюджита, Э. Венаблс. Кроме них, в круг лидеров входят Р.Каманьи, С.Сассен, М.Кастельс, П.Тейлор, а также представители более молодого поколения исследователей Р.Капелло, Э.Глезер, Ф.Маканн.

2. Сравнительный анализ четырех конгрессов европейской ассоциации региональной науки (2005–2008 годы)

Проведя краткий макроанализ развития региональной науки в последние полвека, остановимся теперь на микроанализе ее развития в самые последние годы. Будем использовать для этого доклады четырех ежегодных конгрессов европейской ассоциации

региональной науки (и материалы наших обзоров докладов этих конгрессов²⁹): 45-го Конгресса 2005 года в Амстердаме, 46-го Конгресса 2006 года в Волосе, 47-го Конгресса 2007 года в Серджи и 48-го Конгресса 2008 года в Ливерпуле.

Первый вопрос, который нас интересует: какова тематическая структура докладов конгрессов? Углубленному анализу подвергались доклады европейских авторов на европейскую тематику, посвященные конкретным исследованиям современных региональных проблем. Поэтому в нашу выборку попадали не все содержащиеся на компакт-диске/флеш-памяти доклады, а около двух третей всех заявленных на Конгресс сообщений. Внутри этой выборки доминирующее положение всегда занимали доклады по городской проблематике (табл. 1), что вполне объяснимо. Именно в городах концентрируются институты новой экономики знания, именно города выступают локомотивами постиндустриальной трансформации, именно крупногородские, метрополитенские ареалы становятся новыми глобальными центрами экономической, финансовой и политической мощи.

Второе место по количеству докладов в разные годы занимали темы региональной инновационной системы, регионального роста, региональных рынков труда. При всей несхожести этих сюжетов их объединяет одна общая особенность. Это все направления, в которых прежде всего происходила смена старых исследовательских парадигм в последнее десятилетие. Действительно, работ по региональной инновационной системе еще 15-20 лет вовсе не было, а теперь их минимум полтора-два десятка на каждом конгрессе. Региональный рост в результате перехода с экзогенных на эндогенные модели по сути переоткрывается заново. Региональные рынки труда все чаще рассматриваются в аспекте концентрации и рассеивания человеческого капитала, креативного класса, что существенно отличается от прежней традиции (в индустриальное время рынок труда рассматривался преимущественно как поставщик трудовых ресурсов промышленным предприятиям и комплексам).

В тройку наиболее популярных тем также попадали доклады по методологии регионального анализа, сообщения, посвященные рождению и развитию фирм (прежде

*Перетоки исследователей между темами: сравнение структуры докладов
ежегодных конгрессов европейской региональной науки*

	Ливерпуль, 2008	Серджи, 2007	Волос, 2006	Амстердам, 2005
Всего докладов на Конгрессе	434	429	462	486
в т.ч. отобрано для анализа	315 (72,6%)	271 (63,2%)	291 (63%)	250 (51,4%)
в том числе по темам				
1. Города и вопросы городского развития	37 (11,7%)	31 (11,4%)	44 (15,1%)	29 (11,6%)
2. Региональные рынки труда	37 (11,7%)	13 (4,8%)	20 (6,9%)	16 (6,4%)
3. Методология регионального анализа	28 (8,9%)	13 (4,8%)	10 (3,4 %)	14 (5,6 %)
4. Региональный рост	25 (7,9%)	30 (11,1%)	18 (6,2%)	18 (7,2 %)
5. Региональная инновационная система	18 (5,7%)	17 (6,3%)	26 (8,9%)	25 (10%)
6. Транспортные вопросы	17 (5,4%)	13 (4,8%)	7 (2,4 %)	19 (7,6 %)
7. Региональная политика, планирование, управление	16 (5,1%)	13 (4,8%)	16 (5,5 %)	11 (4,4%)
8. Туризм	15 (4,8%)	21 (7,7%)	11 (3,8 %)	16 (6,4 %)
9. Вопросы развития сельской местности	15 (4,8%)	12 (4,4%)	16 (5,5 %)	5 (2 %)
10. Фирмы	12 (3,8%)	22 (8,1%)	12 (4,1 %)	12 (4,8 %)
11. Вопросы природо- и водоохранные ³¹	6 (1,9%)	18 (6,6%)	10 (3,4 %)	23 (9,2 %)

всего малых и средних) и вопросам развития транспортной инфраструктуры. В методологии пространственного анализа в последнее десятилетие был сделан ряд важных прорывов, связанных с внедрением моделей новой экономической географии; методов анализа, основанных на интеграции количественной и качественной информации (социальный сетевой анализ, rough set analysis и др.); совмещенным использованием баз данных, в которых один и тот же объект исследования характеризуется с разных позиций. Тема фирм и предпринимательства присутствует на всех последних конгрессах (максимально активно – на Конгрессе в Серджи) в разных ипостасях: в аспекте рождений и передислокаций фирм, в аспекте региональных вариаций предпринимательской энергии; в увязке развития предпринимательства и регионального роста. Новизна разработки транспортных вопросов заключается теперь в том, что они все чаще рассматриваются в аспекте человеческого поведения в пространстве (например, поведение людей в дорожных пробках, как влияет введение платы за автодороги на поведение автолюбителей и др.)

Следующий аспект нашего анализа – журнальные предпочтения докладчиков основных тематических секций конгрессов. После масштабного опроса представителей

европейского регионального сообщества, который несколько лет назад провел Гюнтер Майер³⁰, стало возможно определить семь самых популярных по частоте цитирования журналов региональной науки.

Используя эти данные, для самых крупных по числу докладов тематических секций Конгресса в Серджи мы провели анализ журнальных предпочтений участников (табл. 2). В целом безусловным лидером среди журналов является *Regional Studies*. Именно на его статьи самое большое количество ссылок в докладах участников Конгресса. Он доминирует и по большинству тем, кроме секции по городскому развитию – здесь естественным лидером является журнал *Urban Studies*, который исходно обращен лицом к этим проблемам. Второе место по числу ссылок в рубрике городских проблем также естественно занимает *Journal of Urban Economics*. Разработка темы регионального роста очень часто опирается на публикации журнала *Annals of Regional Science*, который по частоте ссылок занимает второе место (после *Regional Studies*). Исследования по теме предпринимательства и фирм в регионах опираются на публикации *Papers in Regional Science* (второе место по частоте ссылок, после *Regional Studies*).

Если анализировать журнальные предпочтения по национальным секциям-участ-

Таблица 2

*Индекс журнального цитирования по докладам основных тематических секций
(Серджи, 2007 год)*

Журналы региональной науки	Города и вопросы городского развития	Региональный рост	Фирмы	Региональная инновационная система	Туризм
Regional Studies	5	35	43	23	1
Urban Studies	21	3	8	2	0
Journal of Urban Economics	18	10	3	2	0
Annals of Regional Science	0	15	8	8	0
Papers in Regional Science	1	8	15	8	1
Journal of Regional Science	3	6	5	4	0
Regional Science and Urban Economics	5	5	2	2	0

никам Конгресса в Серджи, то на фоне опять безусловного лидерства Regional Studies выявятся национальные особенности. Например, преимущественно городские по тематике журналы Urban Studies, Journal of Urban Economics, Regional Science and Urban Economics особенно популярны среди испанских участников; а более ориентированные на региональную проблематику журналы Annals of Regional Science и Journal of Regional Science – среди итальянских участников.

Еще один аспект нашего анализа состоял в определении «классиков жанра» – ученых-лидеров по числу ссылок. Естественно было начать прежде всего с самых крупных по количеству докладов секций. Для Конгресса в Володе был определен совокупный пул цитирования по нескольким самым многочисленным секциям. Под совокупным пулом цитирования понимается частота ссылок на данного автора внутри общего библиографического пространства, сформированного из ссылок авторов всех докладов данной тематической секции.

При этом нужно различать общее число докладов, авторы которых ссылаются на работы конкретного лидера региональной науки, и общее число ссылок. Понятно, что число ссылок может быть и больше числа докладов, в которых приведены сноски на работу конкретного автора. Для нас самым существенным был сам факт признания автора в научном сообществе, поэтому для рейтинга использовались прежде всего данные количества докладов (т.е. участников), которые сослались на работу автора.

Имена основных авторитетов в области городского развития для участников этой

секции на Конгрессе в Володе приведены в табл. 3. Многих из этих авторов российские ученые знают по переведенным у нас статьям и монографиям.

Учитывая новизну для нас темы региональной инновационной системы (РИС), настоятельную необходимость быстро освоить достижения мировой региональной науки в области региональной экономики знания, решено было специальное внимание при анализе уделить этой теме. Как же выглядит на конгрессах внутренняя структура этой тематической секции?

На основании анализа докладов Конгресса в Амстердаме можно выделить шесть основных рубрик внутри этой секции (табл. 4). Это связь инноваций и регионального экономического роста, разработка концепции внутри- и межрегиональных перетоков знания, анатомия инкубаторов и университетов как ядер РИС и механизмы ее поддержки, мероприятия государственной инновационной политики, количественные оценки инновационного развития и сравнение его уровней по разным регионам Европы, конкретные кейсы по развитию РИС.

Если мы определим основных классиков по частоте ссылок в секции РИС (аналогично ранее описанному алгоритму для секции городского развития), то обнаружится, что большинство этих имен для российских ученых неизвестно (табл. 5). Переведены только монографии и статьи Р.Нельсона и М.Портера. И здесь возникает важнейшая задача для российского сообщества экономико-географов и региональных экономистов: содействовать широкому узнаванию ставших уже классическими работ наших зарубежных коллег по самому прорывному, самому дина-

Таблица 3

Пул цитирования докладов по теме «Города и вопросы городского развития» на Конгрессе в Володе, 2006 год

Цитируемый автор	Число докладов на Конгрессе, в которых приведена ссылка на работы	Общее число цитирований
1. Fujita M.	7	8
2. Krugman P.	5	12
3. Hall P.	5	8
4. Glaeser E.L.	5	7
5. Taylor P.J.	4	13
6. Henderson J.V.	4	9
7. Sassen S.	4	7
8. Anas Alex	4	4
9. Castells M.	4	4
10. Camagni R.	3	10
11. Capello R.	3	5
12. Newman P.	3	4
13. Brueckner K. Jan	2	8
14. Cheshire P.	2	6

Таблица 4

Исследовательский поток внутри темы «региональная инновационная система» (по данным обзора докладов Конгресса в Амстердаме, 2005 год)

Подтема	Число докладов	Ключевое направление научной мысли
1. Инновации и региональный экономический рост/развитие	6	Ключевые специфичные местные факторы развития экономики знания. Индикаторы инновационной экономики и региональное развитие. Региональные профили инновационного процесса. ИКТ и производительность труда региональной экономики. Науко-емкие отрасли и региональное развитие
2. Перетоки знания (каналы распространения и «маршруты» нового знания)	6	Региональные типы и источники нового знания. Региональные факторы/условия перетоков знания. Патентные ссылки. Мобильность квалифицированных кадров. Институты экономических кластеров и местная инновационная система
3. Инкубаторы и университеты как мотор регионального инновационного процесса	3	Внутренние и внешние факторы роста региональных инкубаторов. Национальные программы развития инкубаторов. Институты высшего образования и региональная инновационная среда
4. Инновационная политика	3	Обособленность от промышленной политики. Исследовательская группа как ключевой игрок и получатель государственной поддержки. Сходства и различия национальной технологической политики
5. Моделирование и измерение инновационного потенциала	3	Уровень внедрения ИКТ: количество и структура Интернет-доменов. Матрица оценки инновационного потенциала регионов
6. Инновации – свидетельства из европейских регионов	4	Типовые ситуации в Финляндии, Ирландии, Португалии, Венгрии

мично развивающемуся в последние годы направлению региональных исследований: инновационному процессу внутри региона.

Европейская, американская, азиатская школы региональной науки неизбежно различаются по тематике своих исследований и применяемым методам анализа. И это хо-

рошо выявляет сопоставление тематической структуры докладов, с одной стороны, ежегодных конгрессов европейской ассоциации региональной науки (2005–2008 годов); с другой стороны, ежегодных конференций западной (тихоокеанской) ассоциации региональной науки (2004–2009 годов)³². На фоне

Таблица 5

Пул цитирования докладов по теме «Региональная инновационная система» на Конгрессе в Волосе, 2006 год

Автор	Число докладов	Общее число цитирований
1. Cooke P.	12	22
2. Anselin L.	9	10
3. Nelson R.R.	8	12
4. Lundvall B.-A.	8	11
5. Feldman M.	8	10
6. Jaffe A.B.	7	11
7. Audretsch D.B.	7	9
8. Porter M.E.	7	9
9. Boschma R.A.	6	7
10. Camagni R.	6	6
11. Capello R.	5	6
12. Asheim B.	4	6
13. Johansson B.	2	9

сходства многих разрабатываемых научных тем (рынок труда, рынок жилья, региональная инновационная система, теория размещения и др.) есть важные отличия. Например, в докладах конференций западной ассоциации есть темы, которые абсолютно отсутствуют на конгрессах европейской ассоциации:

- экономическая история регионов и моделирование региональной экономической истории (в том числе роль факторов экономической истории в легкости конвертации активов из одного вида в другой, превращении региональных активов в капитал);
- воздействие изменений климата на городскую инфраструктуру;
- пространственно-временной анализ региональных феноменов.

Тема оценки воздействия на региональную экономику экстремальных социальных и природных событий (терроризм, наводнение и др.) значительно лучше разработана в докладах конференций западной ассоциации, чем на конгрессах европейской ассоциации.

Более глубоко разрабатываются в докладах западной ассоциации вопросы развития периферийных регионов (есть специальная секция), в том числе проблемы общественной собственности, ресурсного менеджмента, институциональной динамики, инноваций и изменения мер государственной политики. Подробнее анализируются и вопросы социально-экономического развития малых юрисдикций (субнациональные малые острова, малые фирмы, малые города). Значитель-

ное число докладов ежегодных конференций посвящено развитию сектора услуг в американских штатах – закономерностям размещения фирм сектора услуг в целом и по отдельным видам (финансовые, консалтинговые, дизайнерские и другие), становлению услуг новой экономики (широкополосная связь и др.). С другой стороны, в европейских докладах сильнее акцент на роль социальных, культурных факторов в региональном развитии, региональную идентичность. Здесь меньше веры в силы рыночного саморазвития и потому сильнее разрабатываются темы региональной политики³³.

Теперь рассмотрим конкретное содержание докладов последних конгрессов европейской ассоциации региональной науки по тем направлениям, которые остаются слабо разработанными в российском сообществе: региональный экономический рост, региональная инновационная система, сетевые структуры в региональном развитии, вопросы размещения производительных сил.

Определим, по каким направлениям идет «укоренение» модели эндогенного экономического роста в исследованиях разных национальных школ европейских ученых.

В последние десять лет экономико-географами Лондонской школы экономики, прежде всего Андресом Родригесом Поузом был выполнен цикл работ по тематике факторов экономического роста в европейских регионах. Значительное внимание при этом посвящается роли институциональных факторов, прежде всего семьи. Авторы успешно применяют количественные методы к

объектам, которые еще недавно полагались абсолютно неквантифицируемыми, сугубо качественными. Они приходят к выводу, что сохраняющиеся структуры средневековой семьи воздействуют на неравенство экономического развития европейских регионов, ощутимо сказываясь на демографических, образовательных, социальных, экономических индикаторах европейских регионов. Отдача от инвестиционных проектов и трудовой мобильности в Европе может быть меньше ожидаемой ввиду значительных институциональных барьеров, связанных с глубоко укорененными структурами традиционной семьи, которые сопротивляются изменениям. Эти факторы могут иметь не меньшее влияние, чем традиционно упоминаемые причины региональных различий, как периферийность или низкий уровень человеческого капитала или неразвитая инфраструктура³⁴.

В соответствии с базовыми понятиями эндогенного экономического роста человеческий капитал является ключевым драйвером современного роста. Считается, что человеческий капитал генерирует позитивные экстерналии, которые становятся источником возрастающей отдачи и, затем, экономического роста. Однако роль человеческого капитала сказывается, начиная с определенного уровня развития, до которого «работают» привычные причины индустриального времени.

В последние годы популярной стала идея, что культурное разнообразие места может стать позитивным фактором его инновационного развития и экономического роста. Для человеческих ресурсов культурное разнообразие означает обладание качественно различным знанием, различное базовое образование. Для разработки новых идей и товарных групп особенно важны культурные различия высококвалифицированного персонала (например, в исповедуемой религии, этнических корнях и др.). Но этот позитивный потенциал может стать реальным эффектом только в случае, если иммигранты уже интегрированы в местную экономику и рынок труда³⁵. В одной из работ отмечается, что позитивное влияние культурного разнообразия человеческих ресурсов на экономический рост имеет свои пределы и при максимальном проявлении может приводить экономическую систему к нестабильности³⁶.

Европейские ученые научились находить человеческий капитал в самых неожиданных местах. Например, регулярно на конгрессах несколько докладов посвящается миграционному поведению на рынках труда университетских выпускников. В одном из докладов последних лет, в результате исследований английских студентов, сделан вывод, что выпускники, обладающие специализацией на художественных искусствах, обычно менее мобильны, чем выпускники с техническими специальностями. Женщины более мобильны внутри контура региона, где расположен сам университет, чем мужчины, которые зато более склонны к межрегиональной миграции. Увеличение возраста выпускника, его принадлежность к не-белой этнической группе, уменьшает мобильность³⁷.

Другой оригинальный прием изучения регионального человеческого капитала основан на использовании статистики домохозяйств. Изучается выбор места жительства семейных пар, в которых оба супруга имеют высшее образование. Результаты показывают, что уровень образования воздействует на выбор места жительства. Эти супруги концентрируются в метрополитенских зонах и университетских городах. За счет этого в этих зонах концентрируется и человеческий капитал³⁸.

Нередко региональный «запас» человеческого капитала и его пространственно-временная метрика анализируются в контексте его генезиса в результате мобильности высоко образованных работников технологического сектора экономики. Самая высокая мобильность характерна для работников ИКТ-сектора (доля работников, которая меняет работу внутри фирмы, составляет около 40%). По мере роста уровня образования, мобильность увеличивается. Среди молодых работников мобильность (текучесть кадров) наиболее высокая³⁹.

Воздействие человеческого капитала на экономический рост в докладах тестируется на примерах различных регионов. Например, для итальянских регионов была выполнена работа, в которой рассматривалось его действие на рост производительности труда. В промышленном секторе ни сам «запас», на процесс аккумуляции человеческого капитала не воздействует на рост производительности труда. В секторе услуг человеческий капитал оказывает значимый эффект

на рост производительности труда⁴⁰. Существенным ресурсом для регионального роста является предпринимательский капитал⁴¹.

Исследователи Ирландии и Греции провели сравнительный анализ факторов экономического роста, которое позволило выявить роль человеческого капитала. Обе страны развивались по сходным траекториям еще 20 лет назад. Однако затем приоритетом государственной политики Греции стало развитие физической инфраструктуры за счет социальной инфраструктуры. Результатом стала усиливающаяся зависимость от финансовой помощи Евросоюза. С другой стороны, в Ирландии экономические трудности 1980-х годов были расценены как проблема дефицита квалифицированной рабочей силы, что повлекло внедрение массированных программ развития человеческих ресурсов. Результатом стало возникновение нового экономического дракона в Европе⁴².

Для работ последних лет характерно постоянное расширение круга факторов, привлекаемых для объяснения экономического роста.

Голландские авторы провели изучение воздействия факторов информационно-коммуникационных технологий на рост производительности труда и экономический рост. Выяснилось, что высокое проникновение ИКТ, действительно, сопровождается высокими уровнями производительности труда. Очень сильная связь между ними наблюдается в крупных городских агломерациях Нидерландов, в пригородах и сельской местности эта связь также имеет положительное значение, но выражена слабее⁴³.

Когда в одной стране есть старопромышленные регионы и регионы поздней индустриализации, возможно проверить действие возраста индустриализации на инновационное развитие и региональный экономический рост. Анализ развития 20 итальянских регионов позволил выявить, что обрабатывающие фирмы в регионах поздней индустриализации более склонны предпринимать инновационные усилия, чтобы творчески отвечать на вызовы меняющейся внешней экономической среды. С другой стороны, старопромышленные регионы гарантии динамичного роста находят в диверсификации экономической структуры через развитие новых секторов бизнес-услуг⁴⁴.

В самое последнее время, под влиянием работ Ричарда Флориды, в которых доказы-

вается более сильное воздействие на региональный и городской рост факторов «креативного класса» – т.е. концентрации людей творческих профессий, чем факторов человеческого капитала (образованности, квалификации местного сообщества), начинают тестироваться модели «таланты-перетоки знания-региональный экономический рост». Например, на Конгрессе в Ливерпуле 2008 года была выполнена работа по роли богемы и творческих работников в функционировании немецких местных рынков труда⁴⁵.

Источники роста городов (в той же концепции эндогенного экономического роста) имеют свою специфику. Данные по Западной Германии 1977–2002 годов подтверждают, что города с более образованным населением растут быстрее, чем с менее образованным. В этом проявляется позитивный эффект первоначальной высокой доли высокообразованных работников (человеческого капитала) на последующий общий рост занятости⁴⁶.

Сравнительный размер университетского сектора является значимым фактором в объяснении различий в экономическом росте между европейскими городами⁴⁷. Другой важный фактор, который определяет рост населения городов старого ядра из 12 стран ЕС, – это вариации климата. Города с лучшей, чем в целом по стране, погодой, как правило, увеличивали свою население в последние 20 лет⁴⁸.

Новые фирмы в наукоемких секторах экономики оказывают более сильный эффект на рост занятости, чем новые фирмы в других секторах, независимо от типа региона и города, в котором они расположены. Эти выгоды особенно ощутимы в крупных метрополитенских ареалах⁴⁹.

Очень поучительны для российских исследователей доклады европейских коллег, посвященные пространственным инновационным системам (в том числе региональным). Максимальный пространственный охват обеспечило сравнительное исследование по географии инновационного процесса в США и Европе. Авторы установили, что в США генерирование инноваций обычно происходит в самодостаточных географических ячейках (например, метрополитенские ареалы, университетские города), которые имеют собственные НИОКР, расположены в комфортной социально-экономической среде и потому способны привлечь высококвалифицированных профессионалов. С другой

стороны, в странах Евросоюза этот процесс больше опирается на факторы близости к другим инновационным районам и способность регионов аккумулировать и трансформировать межрегиональные потоки знания в инновации. Мобильность человеческого капитала, ввиду существенных институциональных и культурных барьеров, в отличие от США, не имеет здесь определяющей роли. В Европе городские агломерации являются лучшим драйвером инноваций, чем высокая отраслевая специализация регионов⁵⁰.

Определение роли пространственных факторов в инновационной деятельности является темой многих докладов последних европейских конгрессов. Эта задача выполняется путем сравнительного анализа инновационных систем регионов Евросоюза и проведения их типологии⁵¹; сопоставления данных региональных инновационных индикаторов, например, удельных и абсолютных расходов на НИОКР в университетах, бизнесе и государственных учреждениях и создания в результате инновационных «профилей» европейских регионов⁵²; внутрирегионального анализа исследовательских сетей, размещения и инновационного поведения фирм традиционной (например, обрабатывающей) промышленности и новых видов деятельности (например, ИКТ-сектора). Европейские ученые очень изобретательно используют новые для нас информационные источники (например, патентную статистику); объекты анализа (например, исследовательские, соавторские, научно-производственные, межфирменные сети); плодотворно разрабатывают концепцию перетоков знания для подчеркивания влияния пространственного фактора на ход и результаты инновационного процесса. К числу наиболее изученных каналов, по которым распространяется новое экономическое знание в регионе, относятся взаимодействия (партнерства) между университетами и промышленными фирмами, а также рождение новых бизнесов.

В одном из докладов излагаются результаты исследования 109 европейских регионов во Франции, Германии, Италии, Испании и Великобритании на основе анализа исследовательских сетей (по проектам, финансируемым в рамках Пятой рамочной программы ЕС) и данным патентной статистики Европейского патентного бюро. Авторы приходят

к выводу, что новое знание создается внутри критических ядер (фирм и университетов), которые в определенных местах тяготеют друг к другу (размещаются совместно), таким образом, определяя рождение и развитие высокотехнологичных кластеров, инновационных промышленных районов, наукоёмких центров⁵³.

Другая работа посвящена анализу исследовательской сети Германии – на примере изучения перетоков знания внутри 23 немецких систем исследователей, которые объединяют почти 600 участников, и включают в себя обрабатывающие и сервисные компании, университеты, неуниверситетские исследовательские организации. Факторы пространственной близости взаимодействующих партнеров очень важны для обмена знанием (наряду с факторами сходства по культуре, по социальным параметрам)⁵⁴. Университеты в максимальной степени генерируют новую информацию и знание внутри общего инновационного процесса. А выигрывают в результате обменов знанием обрабатывающие компании.

В другом докладе исследовательские сети исследуются на материалах соавторских публикаций в восьми научных направлениях (науки о жизни и физические науки) за 1988-2004 годы. Сотрудничество исследователей, которые состоят в разных организациях (фирмы, университеты, государственные исследовательские институты) обычно географически более локализовано, чем сотрудничество между исследователями, которые работают в организациях одного типа (например, из разных университетов). Таким образом, фактор географической близости оказывается более важным для сотрудничества между академическими⁵⁵ и не-академическими организациями, чем при сотрудничестве специалистов из научно-исследовательских организаций или из разных университетов. Национальный уровень оказывается более значимым для сотрудничества между фирмами и исследовательскими организациями в университетах (или научных институтах). Для сотрудничества государственных и академических организаций региональный уровень оказывается более значимым⁵⁶.

Роль размещенческих факторов в инновационной деятельности фирм анализировалась на примере 6200 восточно-германских фирм. Подходящая местная среда оказывает

важное позитивное воздействие на инновационное поведение фирм. Для высокотехнологичных обрабатывающих фирм, «твердые» размещенческие факторы, в первую очередь, близость к университетам и межрегиональным транспортным каналам, более значимы, чем «мягкие» факторы. С другой стороны, для фирм наукоемкого (интеллектуального) сервиса мягкие размещенческие факторы имеют ключевое значение, хотя и близость к исследовательским учреждениям, наличие квалифицированной рабочей силы (как твердые факторы) тоже важны. Очень важно интенсивное сотрудничество с исследовательскими, государственными учреждениями при разработке новых товарных групп и бизнес-процессов⁵⁷.

Какие фирмы имеют более благоприятные региональные условия для инновационной деятельности – те, которые размещены в специализированных или диверсифицированных регионах? Чтобы ответить на этот вопрос, было проведено исследование фирм обрабатывающей промышленности Западной Германии, которые были основаны в 1992 году и продолжали работать спустя десять лет. Что касается не-наукоемких фирм, то они росли тем лучше, чем выше была специализация в той отрасли, в которой фирма была основана, чем меньше было число активно развивающихся отраслей и технологий в регионе. С другой стороны, у наукоемких фирм были другие факторы роста. Темпы их роста были выше, если общая диверсификация экономики в регионе была высокой. Чем больше других отраслей было размещено в регионе и чем больше различных технологий здесь использовалось, тем выше была вероятность того, что новые фирмы будут расти. Сочетание региональной специализации конкретной отрасли и диверсификации региональной промышленной структуры приводило к самым высоким темпам роста наукоемких обрабатывающих фирм⁵⁸.

Сравнение молодых и старых фирм венского ИКТ-сектора позволило выявить различия в их инновационной деятельности и основных источниках нового знания. Молодые фирмы более вовлечены в прикладные и фундаментальные исследования, и они чаще внедряют новые для рынка товары, чем более старые фирмы. Молодые фирмы чаще

используют местные университеты как источники необходимого знания, но при этом в целом они менее «прикреплены» к месту своего размещения в вопросах использования других «знаниевых» ресурсов. Они полагаются на разнообразные каналы передачи знания: неформальные контакты, мониторинг конкурентов, ярмарки и чтение научных статей, т.е. как местные, так неместные перетоки знания.

С другой стороны, более зрелые фирмы чаще полагаются на другие фирмы региона как источник знания для постепенных инноваций. Они более сильно укоренены в местную бизнес-среду с точки зрения используемых знаниевых источников. Форма местного кластера как бизнес-производственной системы оказывается более подходящей для инновационного процесса этих фирм⁵⁹.

Часть докладов конгрессов посвящена теме инноваций в регионах и не имеет явного пространственного измерения, оценки роли пространственных факторов. Например, разрабатывается тема влияния сетей знания на темпы роста университетских фирм (на примере Университета Дельфа в Голландии и Трондхейма в Норвегии). Разработанная модель включает характеристики межличностных сетей знания – размер сети, ее прочность и силу межличностных отношений, степень интеллектуального разномыслия партнеров, содержание потоков знания, пространственную близость партнеров, конкретные виды поддержки. Различия базового образования партнеров сети или формирование партнеров из разных сетей позитивно воздействуют на темпы роста «дочерних» университетских фирм. Размер сети негативно влияет на темпы их роста⁶⁰.

В другой работе анализируются сущностные различия радикальных и постепенных инноваций. Радикальные (подрывные) инновации чаще основываются на новом знании, сгенерированном в университетах и исследовательских институтах. Например, абсолютно новые для рынка товары в значительной степени появляются в результате внутренних НИОКР и патентной активности в результате сотрудничества университетов и исследовательских организаций. С другой стороны, постепенные (инкрементальные) инновации обычно рождаются от взаимодействия поставщиков и потребителей. Например, новые для фирмы товары чаще разраба-

тываются в результате ее взаимодействия с сервисными фирмами, чем с университетами или от НИОКР деятельности⁶¹.

Несмотря на значительное количество докладов на конгрессах европейской региональной науки, в которых используется концепция сетевого общества, отдельно эта тема никогда не выделяется – прежде всего потому, что конкретный объект исследования в этих сообщениях исключительно разнообразен: города, виды экономической деятельности, транспортная инфраструктура, организационные структуры и др. Сетевой подход реализуется в двух основных версиях: взаимодействующие друг с другом элементы реальных объектов (города, туристические дестинации, ядра инфраструктурных объектов – порты, аэропорты и др.); институциональные сети – невидимые коммуникационные связи взаимодействующих друг с другом субъектов экономики и созданные в результате конгломератные структуры.

В первом направлении наиболее разработана концепция межгородских сетей, городской полицентричности⁶². Европейские регионы различаются по скорости трансформации своего городского ландшафта от моноцентричных городов к полицентричной городской сети (например, мегагородам). Исследуются отношения между городской полицентричностью и региональными различиями: какая национальная структура городского расселения – моно- или полицентричная – обеспечивает меньшие межрегиональные контрасты? В результате исследований национальных городских систем 25 европейских стран был сделан неожиданный вывод, что чем более полицентрична национальная городская система, тем большие межрегиональные контрасты существуют в стране⁶³. Иногда феномен полицентричности увязывается с региональным экономическим развитием. Например, успешное развитие итальянского региона Эмилия Романа (Emilia Romagna) может быть объяснено и его ярко выраженной полицентричной городской структурой⁶⁴. Голландские авторы сопоставили внутреннюю структуру моно и полицентричных городских систем на основе суточных вариаций числа приехавших в рабочие дни недели⁶⁵.

Некоторые виды экономической деятельности, например, туризм впервые начинают рассматриваться как сетевые. Греческие ав-

торы видят возможности поверх конкурентных, построить отношения взаимодополняющего сотрудничества между приморскими греческими городами, например, в регулировании сезонной загрузки отелей. «Сетевание» (networking) приморских городов позволяет увеличить совокупный рыночный потенциал, более равномерно распределить ресурсы и уменьшить контрасты развития⁶⁶.

Во многих докладах анализируются транспортные сети и их реконфигурации в целях обеспечения большей экономичности и устойчивости. Например, предлагается новая сетевая структура для пространственной организации воздушного сообщения в отдаленных районах Норвегии⁶⁷.

Во втором направлении институциональных сетей наиболее разработана концепция коллективного управления (governance). Для городов, например, она означает переход от городского правительства к управленческим сетям, когда городской менеджмент перестает быть монополией местной власти, но становится совместной ответственностью муниципальной власти, бизнеса, структур гражданского общества. Концепция коллективного управления задействует модель сети и означает отказ от традиционных иерархических отношений между правительством, гражданами, фирмами, их вовлечение в различные переговорные схемы для разрешения комплексных социально-политических проблем. В этой новой модели нет жесткого логического подчинения одного уровня власти другим.

Такую же радикальную трансформацию в сторону сетевой парадигмы претерпевает и традиционное пространственное планирование. Иерархический подход здесь сменяется (или сочетается) на консенсусный, который предполагает вовлечение широкого круга участников из государственных, частных, общественных (некоммерческих) структур, интенсивно взаимодействующих друг с другом во время рабочих совещаний, мозговых штурмов, круглых столов, консультаций. Он более адекватен реалиям современного многоуровневого и многоакторного общества⁶⁸.

Несмотря на то, что число докладов собственно по размещенческой тематике на ежегодных конгрессах европейской ассоциации региональной науки очень невелико, их значение для развития науки, для формирования новых представлений в научном сообществе

исключительно высоко. В последние годы прорывных работ по этой теме не было. Авторы немногочисленных статей тестировали модели новой экономической географии П.Кругмана на своем эмпирическом материале, проверяли гипотезы Р.Флориды о креативном классе и выполняли рутинные исследования по размещению отдельных фирм и их кластеров, домохозяйств. Отмечу неожиданную работу итальянского автора на материалах Великобритании. Он увязывает предпринимательский риск и вопросы пространственного размещения; утверждает, что высокорисковые отрасли и фирмы, при прочих равных условиях, склонны к большей географической концентрации по сравнению с обычными. Эта гипотеза получила подтверждение в регрессионной модели на материалах предприятий обрабатывающей промышленности Великобритании⁶⁹.

Калибровка двух основополагающих гипотез НЭГ – существование центр-периферийной модели размещения и экономики на локализации (локализационного эффекта по Маршаллу) проводилась на примере регионов Евросоюза на базе индикаторов экономики знания и человеческого капитала. Углубление евроинтеграции привело к обоим феноменам, описанным в моделях НЭГ: поддержанию или усилению тенденций к концентрации в регионах – традиционных промышленных центрах Евросоюза, то есть к сохранению или усилению центр-периферийной пространственной структуры; рост экономической интеграции на рынках ЕС привел к росту степени специализации и дифференциации на региональном и национальном уровнях. Это означает наличие двух одновременных, но противоположно действующих тенденций развития: с одной стороны, к большей поляризации между севером и югом; с другой стороны, к созданию новых промышленных центров в регионах южной и восточной Европы, с одновременным закатом старых центров в историческом промышленном ядре ЕС⁷⁰.

В другой работе авторы примеряют модели НЭГ для системы взаимодействующих фирм в промышленном районе, который специализируется на производстве компонентов для микроэлектроники в окрестностях сицилийского города Катания⁷¹.

Креативность, по Р. Флориде, в городских агломерациях является размещенческим

фактором, потому что раз созданные концентрации талантов, комфортных услуг, инфраструктуры культуры притягивают к себе и интеллектуальные фирмы, и новых творческих работников. Поэтому популярными становятся исследования пространственного размещения («экономической географии», как это теперь называется в западных работах) работников сферы культуры, богемы. Работа такого плана, выполненная для Финляндии, для работников культуры, которые составляют около 4,5% всего работающего населения страны, продемонстрировала исключительно неравномерное их распределение: примерно 50% работников сферы культуры живет в метрополитенском регионе Хельсинки⁷². В этом направлении выполняются также исследования размещения «талантов» – работников интеллектуального сервиса крупных городов⁷³.

Ряд работ посвящен закономерностям пространственного размещения новых видов интеллектуальных услуг, например, колл-центров⁷⁴ и роли ИКТ-факторов в этом процессе; пространственному размещению крупных корпораций, оргструктура которых (штаб-квартиры-филиалы) усиливает центр-периферийную организацию экономического пространства.

Авторы одного из докладов анализируют размещенческие решения транснациональных фирм в 246 европейских регионах 25 стран ЕС с 1998 по 2005 годы на примере 4803 проектов с прямыми иностранными инвестициями. Они приходят к выводу, что активность ТНК в Европе могла быть дополнительным фактором, который привел к уменьшению центр-периферийного разлома между европейскими странами, но увеличению этого разлома внутри европейских стран. Политика, направленная на сокращение экономических различий, должна рассматривать размещение ТНК как дополнительный фактор, воздействующий на уровни меж- и внутристрановых различий⁷⁵.

3. Уроки для России

В новейшем развитии европейской региональной науки содержатся полезные уроки для российского сообщества экономико-географов и региональных экономистов. Они включают, но не сводятся только к исследовательским вопросам. Неочевидным, но полезным уроком являются новые технологии

научной работы, которыми уже овладели наши зарубежные коллеги.

Сравнение работ российских и зарубежных ученых выявляет существенные различия соавторского поведения. Во-первых, в российских публикациях по региональным проблемам существенно меньше сама доля соавторских работ. Во-вторых, соавторское поведение российских ученых часто не выходит за рамки одного института, одного города, одной страны. У европейских ученых соавторами очень часто выступают представители разных стран, разных исследовательских школ разных городов, институтов и регионов. В результате возникают возможности радикального интеллектуального обогащения материала усилиями малой исследовательской сети. Такие партнерства становятся возможными в связи с эффективным использованием новых электронных технологий для интенсивной коммуникации коллег по научной работе, а также существенно более частых встреч зарубежных ученых на форумах, круглых столах, симпозиумах и конференциях, открывающих возможности неформального доверительного общения.

Важно подчеркнуть, что Интернет-коммуникация ученых используется не вместо, а вместе с личным общением. В результате нового коммуникационного эффекта (позитивной экстерналии от интенсивной коммуникации всех видов) и рождаются новые продукты научного творчества, созданные панъевропейскими коллективами.

Другое новшество связано с абсолютно иной, чем ранее, ролью региональных журналов. Они перерастают рамки только публикаторской деятельности и превращаются в коммуникационные площадки научного сообщества. Региональные журналы организуют специальные сессии на научных конференциях, используют институт гостевой редакции, чтобы временно радикально изменить стиль и формат помещаемых статей, представить трибуну новым авторам, один-два раза в год готовят тематические выпуски, посвященные отдельной проблеме (например, социальный капитал; предпринимательство и региональное развитие; креативность в региональном развитии и др.).

Можно перечислить и другие фундаментальные изменения в научной работе (за рамками поверхностной компьютеризации), которые произошли в последние два десятилетия и

существенно изменили сам характер научного творчества: перерождение университетских библиотек и превращение их в мощные цифровые хранители и активные преобразователи знания, которые обладают собственными и подключены к глобальным базам данных; новые формы презентации научных результатов, с упором на визуальные виды; другая пространственная организация научной статьи и монографии – с упором на полуавтономные, модульные формы представления материала, которые могут гибко, в разных формах (не обязательно только последовательно) сочетаться друг с другом, «выниматься» из общего текста для отдельной презентации.

Технологические и сущностные преобразования, которые произошли в зарубежной региональной науке в последние два десятилетия, являются для российских исследователей настоящим вызовом. Ответить на него необходимо подготовкой учебников нового поколения, способных обеспечить конкурентоспособность выпускников по специальности региональная экономика и экономическая география на российских рынках труда в радикально изменившихся условиях страны и мира.

Что должно быть нового в этих учебниках? Конечно, модели эндогенного экономического роста П.Ромера и Р.Лукаса. Модели новой экономической географии П.Кругмана. Разворот под приоритеты экономики знания самых разных феноменов региональной экономики и регионального развития (например, внедрение концепции региональной инновационной системы, перетоков знания, определение новой экономической роли университетов в региональном развитии и др.). Это предполагает частичную интеграцию экономической географии / региональной экономики с когнитивными науками (в том числе когнитивной психологией).

Другая конструктивная линия интеграции состоит во внедрении ряда основополагающих понятий институциональной экономики в учебники по экономической географии/региональной экономике. Обязательно необходимо определить новую роль культуры как фактора регионального развития, источника творческих идей при реструктуризации старопромышленных регионов и городов и не только.

Конечно, новые учебники не могут не включать разделы по сетевым структурам

пространственного развития, реальным и виртуальным сетям, описанию того, как прежние региональные структуры теперь приобретают сетевой характер. Полезно познакомить студентов и с социальным сетевым анализом, который широко используется в работах зарубежных коллег. Очень важно привить молодому поколению региональных исследователей вкус к приемам микроанализа, использованию методов других наук (например, социологическому анализу) для проникновения внутрь черного ящика региона, региональной экономики и регионального развития.

Реалии новой региональной экономики услуг должны найти отражения в новых учебниках. Особый акцент целесообразно сделать на развитие интеллектуальных производственных услуг в российских регионах как самого быстро растущего сегмента сервисного сектора мировой экономики. Должна найти отражение и новая природа социальных и экономических различий постиндустриальной эры (известно, что старопромышленные индустриальные города являются очагами умеренного классового, но сильного гендерного неравенства; с другой

стороны, сервисные города-регионы характеризуются сильным классовым, но более слабым гендерным неравенством).

Радикальные изменения, которые происходят в демографической структуре населения Европы и России (увеличение этнического, культурного, конфессионального разнообразия, старение), в семейной структуре (увеличение разнообразия типов семьи, изменения ролей внутри семьи) и рынках труда (изменение механизмов генерирования рабочих мест ввиду новых факторов экономики знания и глобализации) неизбежно влекут за собой изменение приоритетов государственной региональной политики. И это должно найти отражение в соответствующих разделах новых учебников.

Авторы этих учебников обязаны познакомить новое поколение российских студентов с новыми концепциями региональной науки: например, территориального капитала⁷⁶, включающего в себя материальные и неосвоенные активы региона различной собственности; креативного класса; инновационной цепочки создания ценности (стоимости)⁷⁷ и другими.

Примечания

1. Изложена в монографии Кун Т. Структура научных революций. – М.: Мысль, 1969.
2. Маршалл А. Основы экономической науки. – М.: Эксмо. 2007. – 832 с. – С.286–294.
3. Thomas Morgan D. Some explanatory concepts in Regional Science. *Papers in Regional Science*. 1977. Vol. 39. P. 7–22.
4. Polese M. On the Cultural Origins and Future Directions of Regional Science: A Voice From the Periphery. *International Regional Science Review*. 1995. Vol. 17. № 3. P. 311.
5. Boyce D. A short history of the field of regional science. *Papers in Regional Science*. 2004. Vol. 83. P. 31–57. В этой статье выделен период 1939–1953 годов как пролог к последующему созданию региональной науки.
6. Isserman A. M. Intellectual leaders of regional science: a half-century citation study. *Papers in Regional Science*. 2004. Vol. 83. P. 91–126.
7. Lacour C., Puissant S. Consistency and crossbreeding in French speaking regional science: an epistemological investigation. *Papers in Regional Science*. 2003. Vol. 82. P. 501–518.
8. Isard W. Regional Science, the concept of region, and regional structure. *Papers in Regional Science*. 1956. Vol. 2. P. 13–26.
9. Любопытно, что как можно судить по публикациям первых лет, «американское знамя» в Европе первоначально подхватили Польша и Югославия, потом Нидерланды, и лишь значительно позднее – Англия, Германия, Франция.
10. Czamanski Stan. The evolving epistemology of regional science. *Papers in Regional Science*. 1976. Vol. 37. P. 7.
11. В России этот объект исследования экономической географии и региональной экономики обособляется только теперь.
12. Hirschman A.O. *The Strategy of Development*. New Haven, Conn. Yale University Press. 1958.
13. Andersson Ake. Creativity and regional development. *Papers in Regional Science*. 1985. Vol. 56. P. 4–20.
14. Markusen Ann. Two frontiers for regional science: Regional policy and interdisciplinary reach. *Papers in Regional Science*. 2002. Vol. 81. P. 279–290.
15. Markusen Ann. Two frontiers for regional science: Regional policy and interdisciplinary reach. *Papers in Regional Science*. 2002. Vol. 81. P. 279–290.

16. Это, например, со всей определенностью подтверждают доклады ежегодных европейских конгрессов региональной науки. Именно расширение Евросоюза существенно увеличило число работ, посвященных межрегиональным контрастам.
17. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Мысль. 1969.
18. Цит. по: Isserman A. The History, Status, and Future of Regional Science: An American Perspective. *International Regional Science Review*. 1995. Vol. 17. № 3. P. 249–296.
19. Cappello R., Nijkamp P. The theoretical and methodological toolbox of urban economics: from and towards where? Papers of the 43rd ERSA Congress in Juvaskula. 2003.
20. McCann Ph. On regional Science: Some Thoughts From a Recent Observer. *International Regional Science Review*. 1995. Vol. 18. № 2. P. 249–252.
21. Van Geenhuizen M., Nijkamp P. Progress in Regional Science: a European Perspective// *International Regional Science Review*. 1996. Vol. 19. № 3. P. 223–245.
22. Cappello R., Nijkamp P. The theoretical and methodological toolbox of urban economics: from and towards where? Papers of the 43rd ERSA Congress in Juvaskula. 2003.
23. Otto Anne, Fornahl Dirk. Growth determinants of young businesses in Germany – Effects of regional concentration and diversification (#382). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
24. de Vor Friso. Performance of Industrial Sites: The Case of Amsterdam (#123); Boix Rafael, Trullen Joan. Knowledge externalities and networks of cities in creative metropolis: the case of the metropolitan region of Barcelona (#240); Boschma Ron, Iammarino Simona. Related variety and regional growth in Italy (#682). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
25. Crescenzi Riccardo, Rodriguez-Pose Andres, Storper Michael. The Geographical Processes behind Innovation: A Europe-United States Comparative Analysis (#486). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
26. Jacobs Jane “The Death and Life of Great American Cities”. NY. 1961; Jacobs Jane “The Economies of the Cities”. 1969.
27. Chinitz Benjamin J. Contrasts in Agglomeration: New York and Pittsburgh. *American Economic Review*. 1961. Vol. 51. P. 279–289.
28. Yezer A. Intellectual Space for Regional Science. *International Regional Science Review*. 1995. Vol. 18. № 2. P. 153–157.
29. Pelyasov Alexander. European regional science: between economy of culture and economy of catastrophes (review of the ERSA 2005 Amsterdam Congress reports). Volos. 2006. 48p; Pelyasov Alexander. One more year of intellectual ascent of European regional science: review of the ERSA 2006 Volos Congress reports. Cergy. 2007. 64p; Pelyasov Alexander. European regional science: in search of strength in diversity (review of the ERSA 2007 Cergy Congress papers). Liverpool. 2008. 75p; European regional science in the creative age: review of the ERSA 2008 Liverpool Congress papers. Lodz. 2009. 45 p.
30. Maier Gunther. What do we think are the most important journals in regional science? Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
31. Данный перечень тем содержит примерно две трети прорецензированных докладов. К популярным темам относятся также расширение Евросоюза, рынки жилья, региональные кластеры, миграции трудовых ресурсов (экономические и социальные аспекты изучения).
32. Для сравнительного тематического анализа использованы материалы сайта WRSA, на котором приводятся названия всех докладов ежегодных конференций.
33. Polese M. On the Cultural Origins and Future Directions of Regional Science: A Voice From the Periphery. *International Regional Science Review*. 1995. Vol. 17. № 3. P. 311.
34. Duranton Gilles, Rodriguez-Pose Andres, Sandall Richard. Family types and the persistence of regional disparities in Europe (#289). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
35. Niebuhr Annekatrin. Migration and innovation - does cultural diversity matter for regional R&D activity? (#31) Papers of the 46th ERSA Congress in Volos. 2006.
36. Brouwer Aleid, Boone Christophe, de Vor Friso, van Witteloostuijn Arjen. Organizational diversity and the growth and economic performance of cities. An empirical study in Zwolle, the Netherlands, 1850-1914 (#112). Papers of the 46th ERSA Congress in Volos. 2006.
37. Faggian Alessandra, McCann Philip, Sheppard Stephen. An Analysis of Gender Differences in UK Graduate Migration Behavior (#16). Papers of the 46th ERSA Congress in Volos. 2006.
38. Jauhainen Signe. Regional concentration of highly educated couples. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
39. Makkala Kirsi. Knowledge spillovers – mobility of highly educated workers within high technology sector in Finland. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
40. Lodde Sergio. Human capital and productivity growth in the Italian regional economies. A sectoral analysis (#474). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
41. Mueller Pamela. Exploring the Knowledge Filter: How Entrepreneurship and University-Industry Relations Drive Economic Growth. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005; Kokkinou Aikaterini. Entrepreneurship, Innovation Activities and Regional Growth. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
42. Collins Patrick, Pontikakis Dimitrios. Innovation Systems in the European Periphery: the case of Ireland and Greece (#707). Papers of the 46th ERSA Congress in Volos. 2006.

43. Raspe Otto, van Oort Frank, van der Laan Lambert. ICT and Productivity: relations and dynamics in a spatial context. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
44. Quatraro Francesco. Structural Change, Economic Growth and Innovation: Evidence from Italian Regions, 1981-2001 (#48). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
45. Möller Joachim, Tubardji Annie. Testing the Impact of Bohemians and Creative workers on Local Labor Market Performance - A Micro-data Panel Study for Germany 1975-2004. № 1054. Papers of the 48th ERSA Congress in Liverpool. 2008.
46. Suedekum Jens. Human Capital Externalities and Growth of High- and Low-Skilled Jobs (#69). Papers of the 46th ERSA Congress in Volos. 2006.
47. Cheshire Paul, Magrini Stefano. European Urban Growth: throwing some economic light into the black box. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
48. Cheshire Paul, Magrini Stefano. Population Growth in European Cities: weather matters – but only nationally. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
49. Baptista Rui, Preto Miguel Torres. New Firm Formation and Employment Growth: Differences across Regions and Start-ups (#244). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
50. Crescenzi Riccardo, Rodriguez-Pose Andres, Storper Michael. The Geographical Processes behind Innovation: A Europe-United States Comparative Analysis (#486). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
51. Mikel Navarro, Juan José Gibaja, Beñat Bilbao-Osorio, Ricardo Aguado. Innovation, R&D and Economic Growth. A Typology for the EU-25 Regions and Policy Recommendations (# 1025). Papers of the 48th ERSA Congress in Liverpool. 2008.
52. Capriati Michele. Expenditure in R&D and local development: an analysis of Italian provinces. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
53. Maggioni Mario A., Nosvelli Mario, Uberti T. Erika. Space vs. networks in the geography of innovation: a European analysis (№617).
54. Kauffeld-Monz Martina. Knowledge spillovers within regional networks of innovation and the contribution made by public research. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
55. Включая сюда университеты и научно-исследовательские институты.
56. Ponds Roderik, van Oort Frank, Frenken Koen. The Geographical and Institutional Proximity of Scientific Collaboration Networks (#762). Papers of the 46th ERSA Congress in Volos. 2006.
57. Eickelpasch Alexander, Lejpras Anna, Stephan Andreas. Hard and Soft Locational Factors, Innovativeness and Firm Performance. An Empirical Test of Porter's Diamond Model at the Micro Level (#466). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
58. Otto Anne, Fornahl Dirk. Growth determinants of young businesses in Germany – Effects of regional concentration and diversification (#382). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
59. Todtling Franz, Lengauer Lukas, Trippl Michaela. Start-ups and innovation in the Vienna ICT sector: How important is the local cluster? (#76) Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
60. Soetanto Danny P., van Geenhuizen Marina. Growth of University spin-offs. A tale of two cities and different network impacts (#417). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
61. Todtling Franz, Lehner Patrick, Kaufmann Alexander. Do Different Types of Innovation Require Specific Kinds of Knowledge Interactions? (#513) Papers of the 46th ERSA Congress in Volos. 2006.
62. Van Eck Jan Ritsema, Daalhuizen Femke. The Randstad as a Network City; Cheng Jianquan, Le Clercq Frank, Bertolini Luca. Understanding urban networks through accessibility; Meijers Evert. High-level consumer services in polycentric urban regions: hospital care and higher education between duplication and complementarity; Romein Arie. The contribution of leisure and entertainment to the evolving polycentric urban network on regional scale: towards a new research agenda, et als. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
63. Meijers Evert, Sandberg Krister. Polycentric development to combat regional disparities? The relation between polycentricity and regional disparities in European countries (#287). Papers of the 46th ERSA Congress in Volos. 2006.
64. Cirilli Andrea, Veneri Paolo. Urban and regional development in Emilia Romagna (#351). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
65. Zandvliet Robbert, Dijst Martin. Breaking Down the Daily Use of Places A Space-Time Typology of Temporary Populations in the Netherlands. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
66. Economou Dimitrios, Vrassida Maria. Urban dynamics and networking in coastal cities: the case of tourism. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
67. Jon Inge Lian. Network dependency and airline competition –consequences for remote areas in Norway. #284. Papers of the 48th ERSA Congress in Liverpool. 2008.
68. Immers L.H., Duijn M. The use and value of hierarchical modeling in infrastructure network planning. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.
69. Picchizzolu Roberto. Entrepreneurial Risk and the Geographical Concentration of Industries: Evidence from the UK Manufacturing Sector (#743). Papers of the 47th ERSA Congress in Cergy. 2007.
70. Caraveli H., Darzentas J. Centre-Periphery and specialization in the EU: An analysis from a New Economic Geography Perspective (#258). Papers of the 46th ERSA Congress in Volos. 2006.
71. Ruggiero Alessia. Paul Krugman and the NEG: as assessment in the light of the dynamics of a "real world" local system of firms. Papers of the 45th ERSA Congress in Amsterdam. 2005.

72. Penttinen Riikka. Where art thou? Regional distribution of culture workers in Finland (#175). Papers of the 46th ERSА Congress in Volos. 2006.
73. Hogni Hansen, Lars Winther. The Spatial Division of Talent in City Regions: Location Dynamics of Business Services in Copenhagen. (#830). Papers of the 48th ERSА Congress in Liverpool. 2008.
74. Ebru Seckin. Call Centers and Economic Development in Less Developed Regions in Turkey. (# 49). Papers of the 48th ERSА Congress in Liverpool. 2008.
75. Alegriay Rodrigo. Countries, Regions and Multinational Firms: Location Determinants in the European Union (#143). Papers of the 46th ERSА Congress in Volos. 2006.
76. Camagni Roberto. Towards a Concept of Territorial Capital (#987). Papers of the 47th ERSА Congress in Cergy. 2007.
77. James H Love, Stephen Roper, Nola Hewitt-Dundas. Service Innovation, Embeddedness and Business Performance: UK Regional Evidence. (# 657). Papers of the 48th ERSА Congress in Liverpool. 2008.

М.Д. Шарыгин
(г. Пермь)

ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Sharygin M.D. (Perm)

TENDENCIES AND MAIN SPHERES OF THE DEVELOPMENT OF THE SOCIOECONOMIC GEOGRAPHY AND THEIR REFLECTION IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Аннотация. В статье анализируются основные тенденции развития социально-экономической географии, главной из которых является её трансформация в общественную географию. Основным объектом изучения общественной географии становятся территориальные общественные системы (ТОС).

Abstract. The article provides the analysis of the main tendencies of the development of the socioeconomic geography, the most important tendency reflects the transformation of this science into social geography. The main object of social geography is formed by social territory systems.

Ключевые слова: общественная география, территориальные общественные системы, модернизация географического образования.

Key words: social geography, social territory systems, modernization of the geographical education.

Развитие любой науки происходит под влиянием двух групп факторов: внешних и внутренних. Среди внешних факторов ведущее место занимает социальный заказ общества на те или иные исследования, на подготовку высококвалифицированных специалистов. Внутренние факторы включают научный и образовательный потенциал научных школ, способность к его реализации, творческая деятельность лидеров – генераторов идей и всего коллектива. Влияние этих факторов проявляется в развитии отечественной социально-экономической географии, прошедшей длительный исторический путь и оптимистично нацеленный в будущее. Об этом свидетельствуют повышающаяся активность и результативность экономико-

географических исследований, конструктивные изменения в образовательном процессе высшей и средней школы, наметившиеся тенденции развития самой науки.

Главной тенденцией развития социально-экономической географии является ее трансформация в общественную географию. Эта тенденция становится логическим продолжением эволюционной трансформации отечественной экономической географии в социально-экономическую, а потом – в экономическую, социальную и политическую, ставшую базисом общественной географии.

Общественная география – это не сумма, входящих в ее состав научных направлений (экономико-, социально-, политико-, культурно-, рекреационно-, поведенческо-

географические и др.). Эта новая нацеленная в будущее наука, которая синтезирует данные направления, позиционирует и делимитирует границы своей деятельности, сохраняет исторически накопленные знания.

Предметную сущность и структурное строение общественной географии впервые рассмотрел ведущий отечественный географ В.М. Гохман [5]. В качестве основного предмета познания предлагалось рассматривать территориально-общественные системы, функционирующие в составе интегральных геосистем. Внутреннее строение общественной географии было предложено рассматривать в форме взаимосвязанных генеральных направлений: социальной, экономической и культурной географии. При этом была выявлена тенденция интегрирующей дифференциации, которая проявляется и в настоящее время.

Интегрирующая дифференциация проявляется в диалектическом единстве двух разнополюсных процессов – интеграции и дифференциации системы общественно-географических наук. Интегрирующим началом является единая предметная сущность науки, пространственный аспект исследования, формирование теоретической общественной географии. Интеграция частных дисциплин в единую общественную географию повышает ее способность решать проблемы совершенствования пространственно-временной организации общества, научно обеспечивать разработку концепций, прогнозов, целевых программ перспективного развития страны и ее регионов. Целостная общественная география становится фундаментальной наукой, в арсенале которой уже имеются концептуальная модель социально-экономического пространства и поля, пространственно-временная парадигма, учения о регионах, территориально-производственных комплексах, территориальных социально-экономических системах, территориально-общественных системах, городах, сельской местности, образе жизни населения и др.

Основным предметом познания общественной географии становятся территориальные общественные системы (ТОС) – синтезированные пространственные образования, в которых протекает повседневная жизнедеятельность людей. Они отличаются целостностью и открытостью, обладают си-

нергетическими свойствами и новыми качественными характеристиками по отношению к входящим в их состав этническим, социальным, экономическим, природным, культурным, политическим, духовным и другим компонентам. Территориальные общественные системы являются концептуальными и содержательными моделями стран, регионов, муниципалитетов.

Знаменательным событием высшей школы становится отражение в учебном процессе теоретических достижений общественной географии. Теоретические основы науки стали излагаться в таких учебных курсах, как «Экономическая, социальная и политическая география», «Территориальная организация общества», «Экономико-географическое районирование», «Современные проблемы экономической и социальной географии» и др. В ходе межпредметного взаимодействия теоретические идеи проникают в смежные дисциплины: «Экономическая и социальная география России», «Экономическая и социальная география зарубежных стран», «География мирового хозяйства» и др. Обогащение образовательного процесса теоретическими знаниями способствует подготовке географа – творческого мыслителя, обладающего широким мировоззрением, географической культурой, пространственным мышлением.

На фоне фундаментализации общественной географии не теряют своего значения прикладные исследования. Особенно востребованными являются изыскания пространственных процессов расселения населения, размещения объектов социэкономки, инфраструктурного обустройства, формирования туристско-рекреационных систем и т.д. Остаются актуальными региональные исследования аналитического, оценочного и диагностического характера.

Результаты прикладных исследований, как правило, находят отражение в учебных дисциплинах высшей школы. Более того, в университетах страны читаются такие курсы, как «Территориальное управление и планирование», «Основы региональной политики», «Основы региональной экономики», «Стратегическое планирование», «Основы районной планировки», «Основы территориального маркетинга» и др. Введение этих курсов заметно углубляет профессиональную подготовку экономистов-географов, что

позволяет им легче найти место работы в современных условиях.

Фундаментализация образования в сочетании с практической его направленностью требует совершенствования материально-технической базы и более полного обеспечения учебно-методической литературой. Наряду с имеющимися изданиями [1, 2, 3, 6, 16, 20, 21, 22 и др.], крайне необходимы новые пособия, раскрывающие теоретические и прикладные аспекты общественной географии.

Эффективность функционирования общественной географии во многом зависит от действенности и надежности ее методологических основ. Методология, разрабатывая принципы, подходы и методы познания, ориентирует общественно-географические исследования на изучение и конструирование ТОС разного масштаба и профиля. Она базируется на дидактических принципах познания, совокупности научных подходов и методов.

Наиболее влиятельными являются принципы хорологизма, системности, комплексности, антропоцентризма, размерности, синергизма, эмерджентности, перспективности и др.

Совокупность научных подходов включает системно-диалектический, территориальный, антропоцентрический, исторический (временной), ноосферный, этногенетический, воспроизводственный, проблемный и др.

Варсенале общественной географии имеется совокупность методов исследования, включающая картографический, графоаналитический, сравнительно-объяснительный, районирования, типизации, математико-географические, энергопроизводственных циклов, кластерный и т.д. [см. 8, 16, 19, 20, 21 и др.].

Методологические основы общественной географии свидетельствуют о ее способности решать современные задачи развития и пространственной организации жизнедеятельности людей, взаимодействия общества и природной среды, совершенствования территориального управления и местного самоуправления.

Формирование общественной географии, осуществляемое на обновленной теоретико-методологической базе, происходит по следующим направлениям: экономизации, гуманизации, экологизации, политизации и географизации.

Экономизация общественной географии является закономерным процессом, так как экономика является жизнеобеспечивающим ресурсом человеческого бытия, основой социально-культурного развития общества. Крупный ученый Ю.Г. Саушкин отмечал, что не может быть ни одной отрасли экономической географии, в которой бы определяющим не был экономический процесс, будь то география населения или политическая география [16]. Базисное положение экономики во всех сферах жизнедеятельности людей настоятельно требует активного познания процессов функционирования экономики на разных территориальных уровнях.

В орбиту географического изучения вовлечены не только процессы размещения и территориальной организации производительных сил, но и экономические отношения по поводу производства, распределения, обмена, потребления материальных благ и услуг. Особое внимание стало уделяться изучению особенностей функционирования хозяйственных объектов разных форм собственности в рыночных реалиях. Формирование рыночной экономики в нашей стране существенно влияет на систему территориального разделения труда и создание межнациональных корпораций. В результате трансформировались мирохозяйственные связи, усилились процессы экономической глобализации, расширилась сфера влияния Всемирной торговой организации.

В последние годы резко возросла глубина экономико-географических исследований особенностей и закономерностей развития мирового хозяйства, что находит отражение в учебном процессе [см. 13]. Особое внимание стало уделяться процессам интеграции и регионализации экономики, формирования межнациональных систем типа АТР, ЕС, НАФТА, СНГ и др.

Экономизация социально-экономической географии получила заметный импульс в ходе становления нового научного направления «Пространственная экономика» [см. 17]. Пространственная экономика представляет собой мировую экономическую систему, объединяющую национальные и региональные хозяйства, а также транснациональные и межнациональные корпорации и международные экономические организации. Она обладает свойствами континуальности (непрерывности) и дискретности

(прерывности). Свойство прерывности послужило одной из причин формирования региональной экономики – новой научной дисциплины, формирующейся на стыке социально-экономической географии и экономики. Региональная экономика возникла в ходе интеграции процессов экономизации социально-экономической географии и географизации экономики [см. 6]. Региональная экономика изучает производительные силы и производственные отношения в их конкретном региональном измерении.

Развитие научного направления «Региональная экономика» опирается на учение о ТПК, заложенное крупным отечественным географом Н.Н. Колосовским [11]. Идеи территориально-комплексной организации хозяйства были основополагающими в экономической и социальной географии в течение всего XX столетия. Не потеряли они своего значения и в рыночной экономике, адаптируясь к современной ситуации. Структурные образования ТПК – энергопроизводственные циклы стали прообразом производственных кластеров.

В XXI столетии общественная география существенно обогащается знаниями о региональном имущественном комплексе, региональных рынках, финансовой системе, региональном управлении и местном самоуправлении. В орбиту общественно-географических исследований все шире вовлекаются процессы устойчивого развития региональной экономики с учетом сохранения окружающей природной среды, становления региональных рынков средств производства, недвижимости, труда, капитала, продовольствия и др. Особое значение приобрело занимать изучение финансовых потоков, региональных и местных бюджетов, межбюджетных отношений, региональной экономической политики. Повышается интерес к исследованию территориальных инвестиционных потоков, регионального инвестиционного климата, конкурентоспособности регионов и муниципальных образований, системного маркетинга и менеджмента организации производства.

Научные достижения в области региональной экономики существенно обогащают современный образовательный процесс. В университетах страны читаются учебные курсы «Основы региональной экономики», обеспеченные поливариантными

учебно-методическими пособиями. Обилие литературы, написанной с разных методологических позиций, требует от преподавателей квалифицированной оценки степени географичности излагаемого материала и его сопряженности с циклом общественно-географических дисциплин.

Экономизация образовательного процесса происходит также по линии секторных (отраслевых) географических дисциплин. Существенно экономизируются такие учебные дисциплины, как «География промышленности», «География сельского хозяйства», «География транспорта», «География сервиса». Синтез географических и экономических знаний существенно повышает уровень профессиональной подготовки экономистов-географов и расширяет их экономический кругозор.

Тенденция гуманизации социально-экономической географии стала проявляться в конце XX столетия и набрала темпы в современных условиях. Наиболее ярко гуманизация реализуется в целевой постановке научных исследований, ориентированной на повышение уровня и качества жизни людей. В зависимости от цели отбираются подходы и методы изучения, которые часто основаны на синтезе географии и социологии, географии и истории, географии и психологии, географии и культурологии. Гуманная цель и общественно-гуманистическая методология изучения ТОС или их подсистем приводят к социально-ориентированным результатам, отвечающим потребностям цивилизационного развития общества.

Гуманизация социально-экономической географии наиболее конструктивно осуществляется путем формирования особой научной дисциплины – социальной географии. Развитие современной социальной географии во многом стимулируется мощным развитием процессов социализации всех сфер жизнедеятельности людей. Самым заметным стимулом стало формирование социальноориентированной рыночной экономики. Социализации подверглась и территория, воплотившая в себе природный, экономический, социальный, демографический, интеллектуальный и другие потенциалы.

Познание процессов социализации территории логично привело исследователей к открытию нового феномена – «территориальной общности людей» (ТОЛ). ТОЛ, как

пространственно-временная социальная система, представляет собой социально-организованную совокупность людей, объединенную межличностными отношениями и совместным проживанием на конкретной территории. Одной из форм ТОЛ является этнос (по Л.Н. Гумилеву), отличающийся единством целей, стереотипом поведения и отношений к «кормящему ландшафту».

Изучение иерархически организованных ТОЛ позволяет глубже познать условия, уровень и качество жизни населения, выявить пространственные различия в образе и стиле жизнедеятельности людей. Социально-географические исследования вышли на конструктивный уровень познания ТОЛ путем разработки концепций, прогнозов и программ социального развития стран и регионов.

Заметные успехи социально-географических исследований, к сожалению, слабо реализуются в образовательном процессе. До сих пор отсутствует учебная литература по социальной географии, да и одноименный курс читается не во всех университетах страны.

В структуре социальной географии стали формироваться новые научные направления: поведенческая география, география образа жизни, география науки и образования, география восприятия и др. Гуманизация социально-экономической географии проявляется также по линии формирования и развития культурной географии (географической культуры), которая изучает закономерности и особенности развития территориальной организации культуры в разных странах и регионах [7, 12].

Важную гуманистическую функцию несет рекреационная география, предметом изучения которой являются территориальные рекреационно-специализированные объекты, предназначенные для отдыха людей [14]. Они включают рекреантов, природные и культурные ландшафты, развлекательные учреждения, историко-культурное наследие, материально-бытовую, техническую и социальную инфраструктуру, обслуживающий персонал и др.

В процессе развития рекреационной географии сформировалась новая отрасль научного знания – география туризма. Она изучает территориальные туристские системы, особенности отдыха в процессе путешествий

и походов людей, их духовного и физического обогащения.

Традиционные связи географии и истории существенно обогатились в процессе формирования истории географии и исторической географии. История географии изучает эволюционные и революционные процессы становления и развития науки, деятельности ученых. Историческая география исследует цивилизационный путь развития природы, населения, хозяйства, культуры, политики в разных странах и регионах.

Гуманизация социально-экономической географии также осуществляется путем исследования духовного мира, физического, социального и психологического здоровья людей. В последние годы в отечественной науке стали активно формироваться поведенческая география, конфессиональная география, география социально-патологических явлений и др. Расширяются исследования в области медицинской географии и социальной экологии.

Наряду с формированием новых научных направлений гуманистического профиля и соответствующих учебных дисциплин, социально-экономическая география существенно обогащается социологическими, историческими, психологическими подходами и методами исследования процессов пространственно-временной организации общества, функционирования ТОС и их подсистем. В общественно-географических исследованиях широко используются социологический опрос населения, интервью, социальный мониторинг, ментальное картографирование и др.

Гуманизация экономической и социальной географии стала мощным катализатором процессов ее экологизации. Это не исключает того факта, что географизация и экологизация экономической географии имеют многовековую историю. Но только в последние годы обострились проблемы природопользования, охраны природы, сохранения благоприятной среды жизни, производства экологически чистой продукции, благополучия и здоровья людей. Современные масштабы деградации природы приводят к уничтожению не только ландшафтов, но и населения, проживающего на экологически загрязненной территории.

В последние годы стали формироваться новое научное направление и адекват-

ная учебная дисциплина – геоэкология, в рамках которого формируется теоретико-методологический базис познания территориальных процессов взаимодействия общества и окружающей среды, формирования эколого-экономических районов. Территориальная дискретность процессов взаимодействия общества и природы проявляется благодаря их разнообразию, которое учитывается в ходе работ по эколого-экономическому районированию. Потребность выделения эколого-экономических районов с разной степенью обострения экологической ситуации стимулировала географические исследования процессов территориальной адаптации, пространственной диффузии инноваций, формирования разнообразных природно-хозяйственных сочетаний.

Наиболее продуктивные процессы экологизации социально-экономической географии протекают в области эколого-экономического районирования и изучения выделенных эколого-экономических районов. Эколого-экономическое районирование опирается на систему принципов, характерных для всех видов географического районирования. Например, принципов полной делимости, качественного своеобразия и др. В то же время используются специально выработанные принципы: социально-экологической приоритетности, примата природы и социального регулирования процессов энергомассообмена, природно-хозяйственной целостности, относительной неоднородности, иерархии, экологической безопасности и др.

Выделяемые природно-общественные сочетания нацелены на совершенствование взаимосвязей между природой – хозяйством – населением, улучшение экологической ситуации, сохранение экологического равновесия между хозяйством и природно-ресурсным районом, человеком и средой его проживания. Протекающие в них процессы ассимиляции естественных ресурсов, превращению их в готовую продукцию, потреблению и возврату в трансформированном виде в природную среду регламентируются и регулируются человеком. Поэтому важная роль принадлежит разумному человеку – главной движущей силе ноосферогенеза.

Эколого-экономические районы как территориальные экосистемы включают в свой состав «хозяина» – население и его хозяйственную деятельность и «дом» – окружаю-

щую природную среду. Отношения между «хозяином» и «домом» проявляются по «каналам» природопользования, повышения комфортности окружающей среды, улучшения геоэкологической ситуации.

Экологизация экономической и социальной географии протекает также по линии формирования нового направления – социальной экологии. Основным предметом изучения социальной экологии являются территориальные социально-экологические системы, «хозяином» в которых является ТОЛ, а «домом» – окружающая среда, включающая природное, экономическое, социальное, рекреационное, духовное окружение. Формирование таких систем нацелено на повышение благополучия населения, реализуемого в уровне и качестве жизни людей.

Гуманизация и экологизация социально-экономической географии тесно связаны с ее политизацией. Процессы политизации происходят по следующим направлениям:

- формирование новой научной и учебной дисциплины – политической географии;
- возрождение геополитики;
- общественно-географические исследования государственного управления и планирования;
- познание процессов территориального управления и планирования;
- формирование новой региональной политики;
- появление электоральной географии и др.

Совокупность этих направлений образует мощный блок геополитических дисциплин, которые входят в состав общественной географии. Политическая география изучает пространственную организацию политической жизни общества (границы, политико-территориальное деление и т.п.) и территориальные сочетания политических сил в их обусловленности специфическими сочетаниями многообразных социально-экономических факторов [10, 18].

В рамках политической географии развивается геополитика, изучающая отношения между центрами политических сил в мире, динамику расстановки сил на планете Земли. В орбиту ее исследования входит также определение влияния географического положения на национальные интересы и внешнюю политику государства.

Политизация социально-экономической географии происходит также через политическое страноведение и географическое государствоведение, изучающие политическую жизнь государств, политико-географическое положение стран, отношения между соседями и др. Географическое государствоведение концентрирует внимание на форме правления изучаемых стран. Для более глубокого познания государственного строя исследуются формы административно-государственного устройства страны. Обычно различают унитарную, федеративную и конфедеративную формы.

Одним из актуальных направлений политизации социально-экономической географии является становление политической географии океана. Она изучает акваториальную дифференциацию политических явлений, размещение военно-морских сил, конфигурацию политических границ и др.

Наиболее активно процесс политизации происходит по линии формирования новой региональной политики. Региональная политика представляет собой конструктивную деятельность управленческих органов всех уровней по созданию условий для повышения уровня и качества жизни населения на основе устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития территорий в едином политическом пространстве страны. Она осуществляется на нескольких пространственных уровнях: федеральном, региональном, муниципальном. Долгосрочной целью региональной политики является высококачественная жизнь всего населения, его благополучие, физическое, социальное и психическое здоровье.

Для достижения долгосрочной цели важную роль играет общественно-географический подход к исследованию пространственно-временной организации общества. Он предполагает территориальную дифференциацию жизнедеятельности людей в виде ареализации, зонирования, районирования, типологии, классификации. Территориальная дифференциация материальных, социальных, культурных, политических и других компонентов жизнедеятельности людей осуществляется с целью совершенствования регионального управления и местного самоуправления, что отражается на эффективности региональной политики.

Важным направлением политизации социально-экономической географии является формирование электоральной географии. В ее основе лежит территориальный анализ и диагностика политических ориентаций взрослого населения, выявляемых в результате выборов в различные органы государственной и муниципальной власти. В круг ее интересов входит нарезка мажоритарных округов, изучение факторов, влияющих на результаты голосования, анализ деятельности выборных органов. Электоральная география расширяет границы общественно-географических исследований и вносит новые компоненты в политическую географию.

Политизация социально-экономической географии находит отражение в образовательном процессе высшей школы. Почти во всех университетах страны введены учебные дисциплины «Политическая география», «Геополитика», вполне обеспеченные литературой.

Мощное развитие общественного блока в составе социально-экономической географии заметно обостряет проблему ее интеграции с естественным блоком и, в частности, с физической географией. Длительная дискуссия о единстве географии постепенно затихла, не достигнув логического завершения. До сих пор остались нерешенными вопросы об объединяющих началах этих двух наук, формировании теоретической географии, объектно-предметной сущности общей географии. Сдерживающим моментом в углублении взаимодействия остаются идеологические догмы, согласно которым природа и общества развиваются по собственным законам, смешение которых недопустимо. Отсюда вытекает тезис о раздельном развитии физической и социально-экономической географии и, как результат, неприятие общей географии.

Другим сдерживающим моментом является своеобразное толкование понятия «интеграция», согласно которому происходит превращение одной науки в служебную дисциплину другой. В реальности же интеграция подразумевает формирование общей географии с сохранением физической и социально-экономической географии. К этому следует добавить, что многие географы (и особенно не географы), занимающиеся решением частных проблем, остаются пассивными по отношению к методологическим вопросам географии.

Несмотря на объективные и субъективные сложности процесс объединения двух наук продолжается, о чем свидетельствуют научные исследования, отраженные в монографической [18] и особенно учебной литературе [4, 9, 15]. Появление учебников и учебно-методических пособий по курсу «Теория и методология географической науки» знаменует новый этап в развитии науки и подготовки профессиональных географов.

Для дальнейшего развития теоретико-методологических основ географии желательно углубленное исследование ее объектно-предметной сущности, а также процессов формирования метагеографии и теоретической географии как мощных интеграторов частных географических дисциплин. Не теряют своей актуальности поисковые исследования пространственно-временных систем, общегеографических законов, подходов, принципов и методов.

Не менее важным направлением является совершенствование географического образования путем включения в учебный процесс общегеографических дисциплин, начиная с 1-го курса («Введение в географию») и заканчивая последним курсом («Теория и методология географической науки», «Современные проблемы географии»).

Модернизация географического образования тесно связана с процессами углубления географического мышления. Географическое мышление имеет характерную черту, заключающуюся в том, что оно одновременно охватывает все околоземное пространство и «привязано» к территории. Глобальность географического мышления органично сочетается с региональными и локальными реалиями.

Географическое мышление вырабатывает способность воспринимать реальный мир в форме пространственных образов и понятий, что имеет огромное значение в учебном процессе. Повышение роли географии и, особенно общественной географии, в образовании позволяет формировать человека-мыслителя, обладающего целостным мировоззрением, навыками и приемами созидательной деятельности. Обладание человеком необходимым багажом общественно-географических знаний, умение организовать социально-экономические, природные, культурные, экологические, политические и другие процессы в пространстве, умение предвидеть результаты своих решений позволяют географу (и специалистам, обладающим географическими знаниями) мыслить здраво, многовариантно и многомерно.

Библиографический список

1. Анимича Е.Г., Власова Н.Ю. Градоведение: учеб. пособие. – Екатеринбург, 2006.
2. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики: учебник. – М., 1998.
3. Голубчик М.М., Файбусович Э.Л., Носонов А.М., Макаре С.В. Экономическая и социальная география. Основы науки: учебник. – М., 2003.
4. Голубчик М.М., Евдокимов С.П., Максимов Г.Н., Носонов А.М. Теория и методология географической науки: учеб. пособие. – М., 2005.
5. Гохман В.М. Общественная география, ее сущность, структура // Вопросы географии. – 1984. – № 122–123.
6. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник. – М., 2000.
7. Дружинин А.Г. Теоретические основы географии культуры. – Ростов-н/Д., 1999.
8. Дьяконов К.Н., Касимов Н.С., Тикунов В.С. Современные методы географических исследований. – М., 1996.
9. Исаченко А.Г. Теория и методологии географической науки: учебник. – М., 2004.
10. Колосов В.А. Политическая география. Проблемы и методы. – Л., 1988.
11. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. – М., 1958.
12. Макасовский В.П. Географическая культура: учеб. пособие. – М., 1998.
13. Мироненко Н.С. Введение в географию мирового хозяйства: учеб. пособие. – М., 2007.
14. Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т. Рекреационная география. – М., 1981.
15. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. – М., 1976.
16. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М., 1973.
17. Сурнина Н.М. Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики. – Екатеринбург, 2003.
18. Трофимов А.М., Шарыгин М.Д. Общая география (вопросы теории и методологии). – Пермь, 2007.
19. Туровский Р.Ф. Политическая география: учеб. пособие. – М.-Смоленск, 1999.
20. Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Экономическая и социальная география: новый этап. – Л., 1990.
21. Шарыгин М.Д. Современные проблемы экономической и социальной географии: учеб. пособие. – Пермь, 2007.
22. Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Введение в экономическую и социальную географию: учеб. пособие. – М., 2007.

Е.А. Машурова
(г. Смоленск)

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

Mashurova E.A. (Smolensk)

INTERREGIONAL COOPERATION: POLITICAL ASPECT

Аннотация. Статья посвящена изучению основных характеристик политической интеграции в межрегиональном сотрудничестве государств. Особое внимание уделяется рассмотрению механизмов осуществления и связанных с этим проблем политической интеграции.

Abstract. The article is devoted to the studies of the main characteristics of the political integration in the interregional state cooperation. Special attention is paid to the mechanisms of implementation and problems of political integration.

Ключевые слова: политическая интеграция, межрегиональное сотрудничество, глобализация, политическая культура, политическое пространство.

Key words: political integration, interregional cooperation, globalization, political culture, political space.

Сотрудничество государств является важной частью системы современных международных отношений, которая складывается под влиянием мощного фактора – глобализации. В узком смысле, глобализация – это «этап развития человечества после холодной войны, основанный на достижениях информационно-коммуникационной и технологической революции, а также на такой модели безопасности мира, которая базируется на компромиссном мышлении»¹. В широком смысле, под глобализацией подразумевают интеграционный процесс, отражающий взаимозависимость государств на международной арене во всех сферах их деятельности: экономической, политической, социальной, культурной, информационной и т.д. Современные глобализационные процессы противоречивы: с одной стороны они отражают рост научно-технических достижений, которые позволяют увеличивать объемы производства и делают жизнь людей более комфортной. С другой стороны глобализация приводит к росту социальных противоречий: увеличивается благополучие одних стран и усиливается бедность других. Еще одной существенной чертой современной глобализации является характер угроз в сфере безопасности, экологии, экономики и т.д. Решение глобальных проблем возможно лишь при объединении усилий всех субъектов мировой политики, что в свою очередь значительно расширило сферы многостороннего сотрудничества, однако наиболее важ-

ным направлением, по-прежнему, остается политическое сотрудничество. По мнению экспертов, особое значение в современных условиях приобретают вопросы политической интеграции, которая тесно связана с экономической интеграцией, но не сводится к ней и не представляет собой явление «вторичного» или «надстроечного» порядка². С этой точки зрения глобализация способствует развитию интеграционных процессов, как на региональном уровне (ЕС, НАТО, СНГ, АТЭС, Союзное Государство России и Беларуси), так и на глобальном (ООН).

В структурном плане глобализация способствовала появлению на мировой арене новых субъектов международных отношений или «акторов вне суверенитета». Помимо национальных государств самостоятельными акторами становятся разнообразные международные организации и интеграционные объединения. Учитывая это обстоятельство, эксперты также отмечают утрату государством его прежней роли на мировой арене, уменьшение значения баланса сил как регулятора международных отношений; а также стирание границ между внутренней и международной политикой³.

Воздействие глобализационных процессов на современную систему международных отношений привело к постепенному возникновению нового явления – транснационализации или «тенденции, при которой приходится решать многие задачи посредством институтов и инструментов,

выходящих за рамки национального государства, при одновременном создании центров принятия и имплементации принятых решений»⁴. Иными словами, транснационализации означает потерю национальными государствами их монопольного права на международное представительство интересов своих граждан. В этой связи значительное место в развитии современной системы международных отношений играют процессы сближения национальных государств и их участие в формировании целостных региональных сообществ.

Автор полагает, что изучение вопросов межгосударственного многостороннего сотрудничества невозможно без рассмотрения сущности и основных функций современных интеграционных процессов. Под «интеграцией» в самом широком смысле понимается создание новой, единой общности из отдельных частей. Как отмечает Н.Е. Овчаренко, термин «интеграция», появился в 20-х гг. XX в. и был предложен немецкими учеными Р. Шмедом, Д. Шиндлером. Исследователи рассматривали это понятие как объединение людей, особенно государств, в некую социально-политическую общность⁵. Более узкое понятие «политическая интеграция» вошло в политическую и научную терминологию с конца 40-х — начала 50-х гг. XX в.⁶

Сложный характер интеграционных процессов в политической сфере привел к появлению разных научных подходов к их изучению, как среди зарубежных, так и среди отечественных ученых. Так, неофункционалист А. Этциони определяет интеграцию как сообщество или систему, обладающую интеграционными механизмами и способную поддерживать себя саму в результате воздействия и влияния как внутренних, так и внешних изменений. В качестве основных элементов интеграции исследователь выделяет: 1) эффективный контроль за использованием принудительных мер воздействия; 2) наличие единого центра, принимающего решения и следящего за их исполнением; 3) политическое единство основной массы политически активного населения⁷. Другой представитель этого научно-исследовательского направления, Э. Хаас, рассматривает интеграцию как процесс возникновения нового центра политического влияния, притягивающего к себе главных действующих лиц национального масштаба⁸.

К. Дойч с позиции теории коммуникации определяет интеграцию как реальную возможность обеспечить мирное сосуществование государств, что может быть достигнуто посредством таких мер, как расширение торговли, свободное перемещение людей, развитие культурного обмена, активное проведение политических консультаций и т. п.⁹

Определения политической интеграции, предложенные отечественными исследователями, делают основной акцент на цели интеграции и получаемые результаты. Так, Ю. Лепешков определяет политическую интеграцию в качестве «процесса, посредством которого отдельные государства передают часть своих суверенных прав в пользу создаваемой и единой для них всех институциональной структуры с тем, чтобы обеспечить учет и реализацию их общих интересов»¹⁰. В результате политической интеграции, по мнению В.Г. Барановского, между государствами формируется единый комплекс на уровне их политических систем¹¹.

Автор разделяет определение политической интеграции, предложенное Е.И. Пивоваром, в котором политическая интеграция понимается как процесс слияния двух или более независимых (суверенных) единиц, национальных государств в широкую общность, обладающую межгосударственными и надгосударственными органами, которым передается часть суверенных прав и полномочий¹². Такой подход позволяет рассматривать интеграцию не только как формы экономического или политического сотрудничества, но и объяснять появление и деятельность таких международных структур как ЕС, НАТО, СНГ, и т.д.

Теоретико-методологической основой изучения интеграционных процессов в данной статье послужил анализ теоретических моделей европейской интеграции, которые с одной стороны, учитывают множество различных аспектов этого процесса, а с другой имеют значительную практическую базу, так как были опробованы в ходе создания ЕС или применяются для его дальнейшего развития. Сущность интеграционных процессов подверглась детальному изучению представителями разных научных школ. Так, в рамках федерализма, основными представителями которого являются А. Спинелли, Э. Уистрич и др. интеграция подразумевает создание некоего наднационального органа, независи-

мого от влияния отдельных государств. Это обстоятельство позволяет федералистам не считать интеграционным объединение, функционирующее только на основе межгосударственного сотрудничества. Важное место в теории федерализма занимает проблема взаимоотношения властей разного уровня. Согласно А. Спинелли ни одна из властей соответствующего уровня не должна располагать какими-либо преимуществами, а полномочия местных, региональных, национальных органов и органов европейского масштаба должны сочетаться и дополнять друг друга¹³.

Основными признаками интеграции в рамках федерализма выступают: 1) наличие централизованного управления (в практике ЕС это явление называют коммунитарным принципом); 2) «федеральный принцип» или метод разделения властей таким образом, чтобы общие (центральные) и региональные (местные) правительства в каждой отдельной сфере являлись скоординированными и независимыми¹⁴; 3) принцип субсидиарности, т. е. федерализм подразумевает децентрализацию власти, где это необходимо.

Согласно *функционализму*, развитие интеграционных процессов приводит к появлению функциональных организаций, которые государства наделяют определенными полномочиями. Основной целью интеграции является образование «функциональной системы, элементы которой могут начать работать и без общей политической надстройки...»¹⁵. В рамках данного направления международная интеграция предполагает постепенный переход от традиционной межгосударственной системы отношений к функциональному сообществу и перераспределение властных полномочий отдельных государств в пользу создаваемой надгосударственной структуры, обладающей функциональной эффективностью.

Согласно *теории «сообщества безопасности»*, основателем которой является К. Дойч, основной целью интеграции выступает создание «сообщества безопасности» или «группы государств, достигших значительного уровня интеграции друг с другом и осознавших необходимость определенной общности (единства)»¹⁶. Интеграционные процессы обусловлены прагматическими интересами. «Люди рано или поздно обнаруживают, что в конкурентной игре экономики

и политики они могут лучше отстаивать свои интересы, если образуют коалиции»¹⁷. В политике и экономике такие коалиции будут в значительной степени зависеть от социальной коммуникации и культуры, структуры личности, коммуникационных привычек участников.

Представители школы *неофункционалистов* (С. Хоффман, Р. Инглхарт, К. Фридрих, Э. Хаас, У. Райкер, У. Фишер) рассматривают интеграцию как явление, которое способствует удовлетворению определенных потребностей разных социальных групп. Взаимосвязь разных сфер жизни общества обуславливает «перелив» («spillover») процесса интеграции из одной сферы в другую (например, из экономики в политику и т.д.). Э. Хаас определяет политическую интеграцию как «процесс, в ходе которого участники политической жизни нескольких отдельных национальных систем склоняются к тому, чтобы переориентировать свою лояльность, цели и политическую деятельность в сторону нового центра, институты которого обладают юрисдикцией или претендуют на ее распространение по отношению к существующим национальным государствам»¹⁸. Политическая интеграция подразумевает, что национальные государства делегируют наднациональным органам исполнительные полномочия без передачи государственного суверенитета.

Таким образом, наличие разных подходов, обусловлено, по мнению автора, сложностью интеграционных процессов, в которых осуществляются разнообразные контакты между отдельными личностями, социальными группами, целыми государствами, а также выделением фактора или нескольких факторов, оказывающих наиболее значимое влияние на достижение интеграционных целей.

Многоаспектность и комплексный характер политической интеграции раскрывается через совокупность основных особенностей этого явления. Во-первых, политическая интеграция обладает рядом характерных признаков, среди которых: наличие институциональной системы, основанной на добровольном ограничении суверенитета государств-участников, единые нормы и принципы, регулирующие отношения, введение института гражданства интеграционного объединения, формирование единого экономического, гуманитарного, культурного пространства¹⁹.

Во-вторых, согласно экономико-теоретическому подходу, политическая интеграция является наивысшей формой интеграции и тесно взаимосвязана с экономической интеграцией, которая подразумевает последовательное достижение определенных ступеней: создания зоны свободной торговли, таможенного союза, единого внутреннего рынка, экономического и валютного союза. Ю.В. Шишков определяет экономическую интеграцию как «сращивание национальных рынков товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и формирование целостного рыночного пространства с единой валютно-финансовой системой, единой в основном правовой системой и теснейшей координацией внутри- и внешнеэкономической политики»²⁰.

В-третьих, механизм политической интеграции является совокупностью политико-правовых инструментов и методов, посредством которых осуществляется процесс политического сближения. Этот механизм состоит из формальных и неформальных правил и процедур, институциональных структур, организаций национального и наднационального уровней. Механизм политической интеграции реализуется через совокупность межэлитных коммуникаций, институционализацию участников, политизацию процесса принятия решений, создание политических объединений, поддерживающих за интеграционное сближение.

В-четвертых, деятельность политических интеграционных объединений осуществляется с опорой на определенные принципы их организации. Анализ работ современных отечественных исследователей (И. Бусыгиной, О. Буториной, Е. Пивовара, М. Стрежневой, и др.) позволяет выделить следующие принципы: 1) принцип диалогового обсуждения разрабатываемых и принимаемых решений в общих наднациональных органах; 2) принцип правового равенства государств-членов интеграционного объединения; 3) принцип координации (согласование действий государств и наднациональных структур) и субординации (поведение участников согласно установленному порядку); 4) принцип разграничения предметов ведения и полномочий между национальным и наднациональным уровнем.

По мнению автора, важную роль в политической интеграции также играют учет

особенностей геополитического положения и внутривнутриполитических условий государств-участников, передача властных полномочий наднациональным структурам, выгодность принимаемых решений для всех сторон; гармонизация правовых норм, регулирующих деятельность участников интеграционного объединения на национальном и наднациональном уровнях.

В-пятых, ключевым элементом интеграционного образования является интеграционная культура, которая определяет поведение интеграционных агентов. Как отмечают эксперты, наиболее эффективной моделью распространения и воспроизведения политической культуры является процесс «вовлечения» или непосредственной адаптации к новой институциональной среде и участия интеграционных агентов в процессе формирования политической культуры. «Вовлечение» в европейском интеграционном контексте подразумевает освоение акторами европейского стиля ведения политики, который характеризуется, по мнению экспертов, изменчивым институциональным контекстом, открытостью, сетевой основой, приверженностью континентальной правовой традиции, профессионально-отраслевому принципу организации²¹.

В-шестых, политическая интеграция подразумевает создание некоего социально-политического пространства, деятельность которого регулируется совокупностью политических правил и институтов. Так, П. Бурдые определяет социальное (в том числе политическое) пространство, «как поле сил, точнее как совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем, кто входит в это поле, и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к непосредственным взаимодействиям между ними»²². Понятие пространства шире понятия территория, так как позволяет исследовать в полном объеме отношения между индивидами и группами с одной стороны и политическими институтами с другой, особенно когда их деятельность не ограничена форматом национальной государственности и систематически преодолевает государственные границы²³. Такое понимание пространства, позволяет говорить о единых пространствах применительно к отношениям между странами СНГ или сотрудничеству России с ЕС.

Таким образом, политическая интеграция занимает одно из наиболее важных мест в развитии межрегиональных интеграционных процессов. Данный вид интеграционной активности подвергается активному влиянию со стороны современ-

ных глобализационных процессов, отражая необходимость консолидирования сил государств как при реализации объема их национально-государственных интересов, так и при решении совокупности глобальных проблем.

Примечания

1. Михеев В.В. Глобализация, регионализация и региональная интеграция // Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений.: под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО, 2002. – С. 62.
2. Цыганков П. Политическая социология международных отношений. – Москва, Радикс, 1994. – С. 159.
3. Торкунов А.В. Современные международные отношения – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 584 с.
4. Стрежнева М. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // «Международные процессы». – 2007. – № 1 (13). – Т. 5.
5. Овчаренко Н.Е. Модели современных интеграционных процессов. – М., 2001. – С. 34.
6. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI в. Почему не интегрируются страны СНГ – М.: III тысячелетие, 2001. – С. 15.
7. Etzioni A. Political unification: a comparative study of leaders and forces. – New York: Rinehart, 1965. – P. 329.
8. Harrison R. Europe in question: theories of regional international integration. – London: George Allen & Unwin Ltd., 1974. – P. 21.
9. Jacob P., Toscano J. The integration of political Communities. – Philadelphia: Lippincott, 1964. – P. 83.
10. Лепешков Ю. Межгосударственная интеграция в рамках Европейского Союза: некоторые вопросы теории // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – Минск, 2001. – №1.
11. Барановский В.Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1983. – С. 94.
12. Пивовар Е.И. Постсоветское пространство. Альтернативы интеграции / Е.И. Пивовар. – СПб.: Алетейя, 2008.
13. Fontaine P. Europe in ten points, 2nd ed. – Luxembourg: Office for official publications of the European Communities, 1995. – P. 5.
14. Барановский В.Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1983. – С. 81.
15. Mitrany D. A working peace system. – Chicago: Quadrangle Books, 1966. – P. 97.
16. Deutsch K. Political community at the international level: problems of definition and measurement. Princeton, New Jersey: Princeton University, 1953. – P. 31.
17. Барановский В.Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1983. – С. 94.
18. Haas, E. The Uniting Europe: Political, Social and Economical Forces. 1950–1957. – L., 1958. – P. 16.
19. Пивовар Е.И. Постсоветское пространство. Альтернативы интеграции / Е.И. Пивовар. – СПб.: Алетейя, 2008.
20. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI в. Почему не интегрируются страны СНГ – М.: III тысячелетие, 2001. – С. 15.
21. Bulmer Simon and Burch Martin. The 'Europeanization' of Central Government: the UK and Germany in Historical Institutional Perspective // The Rules of Integration / M. Aspinwall and G. Schneiders (eds.). – Manchester, 2000.
22. Бурдые П. Социальное пространство и «генезис» классов // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – С. 17.
23. Стрежнева М. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // «Международные процессы». – 2007. – № 1 (13). – Т. 5.

М.С. Оборин
(г. Пермь)

СИСТЕМНО-ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ (СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД) КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРОРТНО-РЕКРЕАЦИОННЫХ СИСТЕМ РАЗНОГО ИЕРАРХИЧЕСКОГО УРОВНЯ

Oborin M.S. (Perm)

SYSTEMATIC AND DIALECTICAL METHODOLOGY (SYSTEMATIC APPROACH) AS A RESEARCH INSTRUMENT OF HEALTH RESORTS RECREATIONAL SYSTEMS OF DIFFERENT HIERARCHICAL LEVELS

Аннотация. В статье рассмотрена возможность применения системного подхода для исследования курортных и рекреационных систем различного уровня. Представлены основные элементы системы: социум, окружающая человека среда и общественное производство, объединенные связями различного уровня. Выявлены особенности применения системной методологии для анализа сложных социально-экономических и производственных процессов.

Abstract. The article is devoted to the possibility of the application of the systematic approach to the research of health resorts recreational systems of different levels. The author singles out the main elements of the system: social encirclement, environment and social production joined up by the ties of different levels. The article also reveals the peculiarities of systematic methodology applied to the analysis of complex socioeconomic and industrial processes.

Ключевые слова: системно-диалектическая методология, системный подход, курортно-рекреационная система.

Key words: systematic and dialectical methodology, systematic approach, resorts recreational systems.

Постановка проблемы. Понятия «системный подход», «системное решение», «системное моделирование» используются не только в области научных исследований, но и в сфере обсуждения и принятия управленческо-организационных и политических решений. Однако употребление терминов «система» или «системность» ещё не означает применения такого способа решения проблем, который обеспечивал бы его убедительность, надёжность, достоверность полученных результатов.

Поэтому необходимо разобраться в сущности системной методологии, а также оценить условия и особенности её применения в исследованиях, связанных с географической, социально-экономической, в том числе – экологической и природоохранной тематикой.

В этом случае можно определить необходимое направление исследования, гарантирующее решение задач и при увеличении информации, и при изменении внешних условий. Все это в полной мере относится и к разработке программ реализации различных мероприятий, например, в области при-

родоохранной деятельности, экологических (гео-, гидро- и т.п.) исследований и т.д.

Применение абстрактного методологического инструментария конкретной науки предполагает соблюдение двух основных условий: 1) этот инструментарий должен быть в принципе пригоден для любой конкретной науки и 2) любой метод предполагает некоторое «приготовление» того объекта, к которому этот метод собираются применять. Таким образом, выбранный для исследования объект должен обладать наиболее возможной сложностью, а метод исследования – стремиться к универсальности [1–4].

На разных этапах развития науки знание интерпретировалось различным образом, поэтому и системность понималась по-разному – от нерасчлененного целостного представления о природе до попыток конструирования теоретических систем, содержащих упорядоченную определенным образом информацию о естественных объектах.

Системная методология применяется как к материальным объектам (например, территория), так и к процессам (например, движение водной массы) и имеет всеобщий

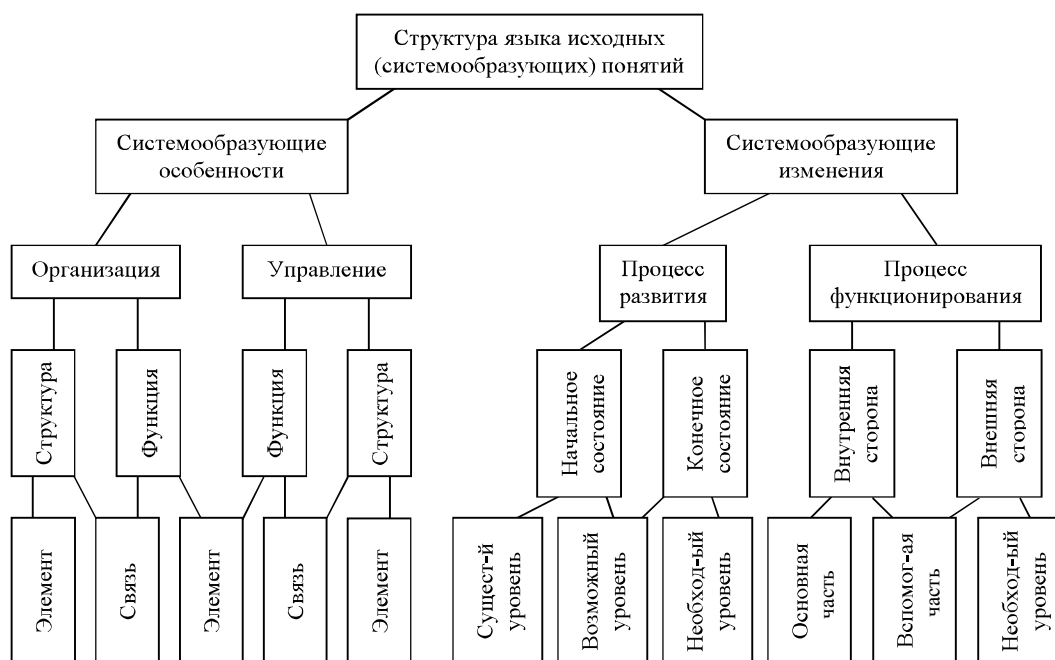

Рис. 1. Структурно-функциональная схема языка исходных (системообразующих) понятий системы общеметодологического знания [4]

характер. Эта методология отражает общие законы диалектики и представляет выражение принципов и законов в виде однозначного механизма их применения от постановки задачи до ее решения, при этом дает возможность более обоснованного применения математического системного анализа.

Данное направление разрабатывают применительно к производственным и техническим процессам Б.В. Ряшко [4], гидролого-экологическим и инженерно-геоэкологическим – Т.П. Девяткова [1], природоохранным и туристско-рекреационным – М.С. Оборин [3] и биологическим – К.А. Куркин [2], которое стало развиваться только в последние 10–20 лет.

Для целей решения поставленных задач и с учетом имеющейся информации по характеру разнородных процессов наиболее приемлемым способом изучения систем является системно-диалектическая методология (СДМ).

Механизм системно-диалектической методологии. Санаторно-курортная и туристско-рекреационная системы в силу своей специфики требует разработки особых принципов организации, стратегий развития и функционирования, так как она связана, с одной стороны, с эксплуатацией природных

лечебных ресурсов, а, с другой стороны – с организацией лечебного процесса.

Полная информация о системе должна представлять совокупность представлений о ее структуре, функционировании и развитии (рис. 1, 2).

Структура выражает способ связи внутренних частей, элементов, сторон системы. Элементы связи могут иметь как материальное, так и организационное содержание. Связь между элементами выражается в существовании зависимостей. Взаимодействие между элементами обеспечивается понятием организация.

Систему понятий, характеризующих изменения системообразующих свойств иерархически целостной системы общеметодологического знания представляет пара функционирование – развитие.

Функционирование выражает циклически (или периодически) повторяющийся процесс взаимодействия частей объекта в условиях неизменной (или заданной) структуры его внутреннего содержания. Процесс функционирования характеризуется взаимодействием частей: основной, непосредственно выражающей функцию всей системы; вспомогательной и обеспечивающей их взаимодействие.

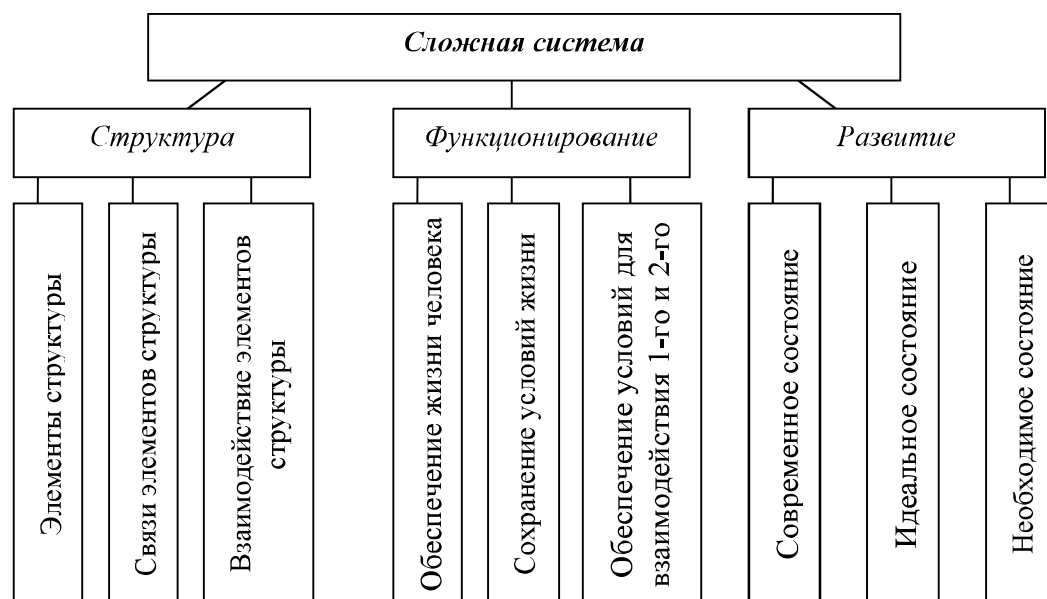

Рис. 2. Необходимая триада частей сложной системы

Развитие – процесс взаимодействия частей, сторон, элементов системы в ходе изменения внутреннего содержания структуры. Процесс развития отражается взаимодействием состояний функционирования: исходного, идеального (принципиально возможного) и необходимого (практически осуществимого).

Особого внимания заслуживает понятие об идеальном, принципиально возможном состоянии системы, поскольку в зависимости от характера изменений (саморегулирование или результат управления человеком) сущность и роль «идеала» изменяется. В случае саморегулирующихся природных систем «идеал», очевидно, и представляет устойчивое функционирование системы с определенной структурой – при неизменных внешних условиях среды [1, 3].

Отсюда применение СДМ представляет постановку, выделение и решение трех типов задач:

1) определение структуры элементов объекта (процесса, явления) на основании представлений о функционировании объекта в определенных условиях;

2) создание представлений об «идеальных» возможностях функционирования объекта с заданной или предварительно определенной структурой;

3) формирование представлений о функционировании в условиях: а) ограничения развития, б) ограничения функционирования и в) с реально существующей и известной структурой.

Решение первой из выделенных задач требует определения состава элементов системы и структуры объекта в процессе его функционирования на исходном уровне, т.е. на уровне современной изученности объекта (явления).

Вторая задача наиболее сложна, так как ее решение требует учета внутренних возможностей системы, внешних взаимодействий (а это автоматически связано с решением первой задачи для системы более общего уровня), а также представлений о некой «идеальной» структуре, удовлетворяющей какой-либо поставленной цели.

Решение третьей задачи зависит от решения второй. Таким образом, применение системно-диалектической методологии – процесс длительный и сложный, требующий усилий многих участников, овладевших знанием о разработке механизма системного метода.

Структура системного исследования для Усть-Качкинской курортно-рекреационной зоны (УКРЗ). Санаторно-курортное лечение основано на применении

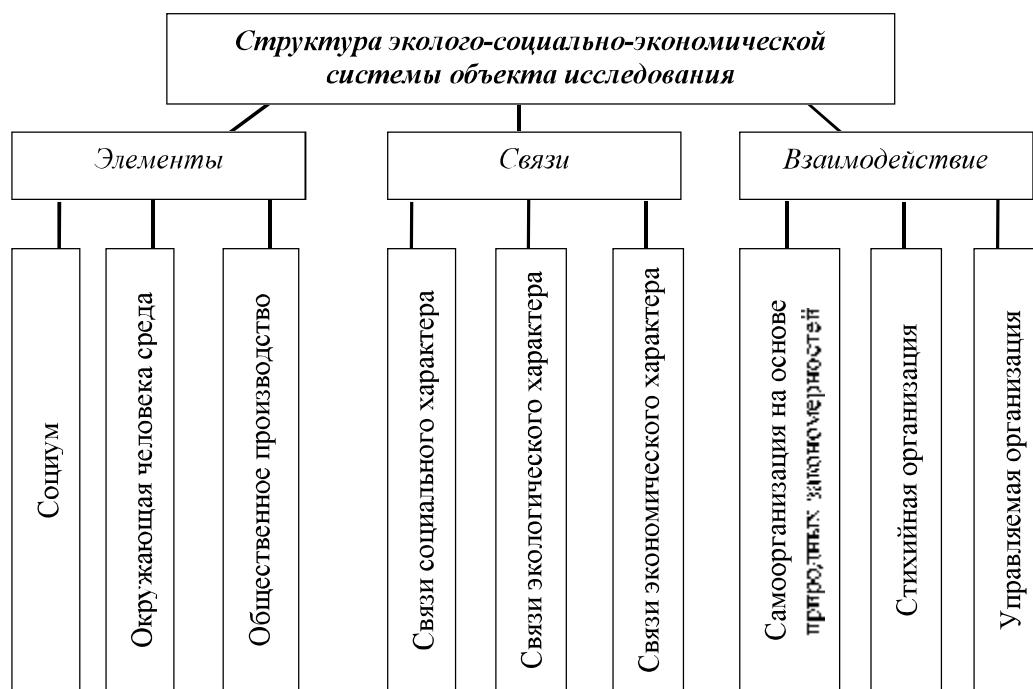

Рис. 3. Системная структуризация ЭСЭС

природных лечебных ресурсов в сочетании с физиотерапевтическими и медикаментозными методами, причем природным ресурсам, к которым относятся ландшафты, биоклимат (особенности микроклимата), гидроминеральные ресурсы (минеральные воды и лечебные грязи), отводится главенствующая роль.

Кроме того, курорт представляет собой сложную социальную систему, состоящую из курортников (отдыхающих), обслуживающего и управленческого персонала, которые взаимодействуют между собой на основе связей различного уровня. Следовательно, при создании механизма исследования нельзя рассматривать экологические, экономические и социальные особенности объектов изолированно. Они должны быть представлены в виде эколого-социально-экономической системы (ЭСЭС), которая состоит из логически взаимосвязанных между собой блок-схем.

Системно-диалектическая методология была использована при разработке общей схемы эколого-социально-экономической системы (ЭСЭС), представленной тремя блоками (подсистемами): структура, функционирование и развитие (рис. 3). Взаимодействие этих частей системы характеризует процесс функционирования.

Она имеет следующий вид:

Функционирование – это процесс взаимодействия частей системы в условиях заданной структуры ее внутреннего содержания. Процесс функционирования характеризуется взаимодействием основной, вспомогательной и обеспечивающей функций. Функцию всей курортно-рекреационной зоны выражает основная часть, которая рассматривает цели обеспечения жизни людей: отдыхающих (рекреантов), обслуживающего персонала и местного населения.

На территории Усть-Качкинской курортно-рекреационной зоны тесно взаимодействуют социальные сферы курорта (доминирует) и села Усть-Качка. Курорт является «градообразующим» предприятием, где одновременно отдыхают до 2500 человек, при этом число обслуживающего персонала составляет примерно 2200, при общем количестве проживающих в поселке 6119 людей, то есть представляет сложную социосистему.

Определение особенностей функционирования Усть-Качкинской курортно-рекреационной зоны с присущей ей структурой позволит перейти к решению проблем экологического, экономического и социального характера и выбору направлений дальнейшего развития, что, в конечном счете, должно

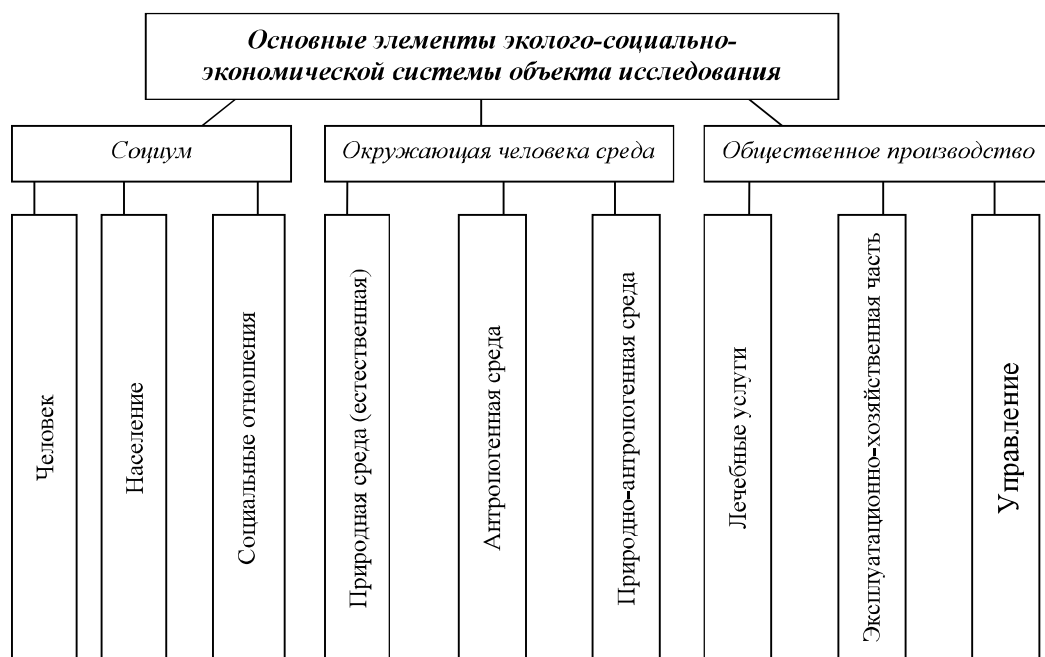

Рис. 4. Система структуры основных элементов УКРЗ

Рис. 5. Структура взаимосвязанных элементов УКРЗ

быть отражено в системе изучения объекта.

Процесс развития проявляется во взаимодействии состояния функционирования:

- исходного (современного), характеризующегося тенденциями сокращения
- природно-ресурсного потенциала, социальным расслоением и развитием негативных последствий;
- идеального (принципиально возможного – цель развития);

Таблица 1

Функциональные элементы структуры «(курлякской) человек среда»

Природно-антропогенная среда	охрана санитарной охраны	режим природопользования
		степень рекреационной нагрузки
		зоны санитарной охраны
	ландшафтные комплексы курортно-рекреационной зоны	разнообразие
		привлекательность
		доступность
	урбанизир. территория	культурные ландшафты
		архитектурные решения
		особенности планировки
Антропогенная (артприродная) среда	культурная среда	воспитание
		эстетическое отображение
		научное познание
	селитебная среда	подсобное хозяйство
		средства жизнедеятельности
		жилые помещения
	производст. среда	уровень используемых технологий
		средства производства
		место производства
Природная среда	частично преобразов. среда	воз-ть использования ресурсов
		регионального характера
		локального характера
	квази-природная среда	регулирование водного режима
		ландшафтный дизайн (благоуст-во)
		создание продукции естественной
	естественно-природная среда	природно-ресурсный потенциал
		природные ресурсы
		природные условия

- необходимого (практически осуществимого).

Структура определяется наличием элементов, их свойств и может быть представлена как совокупность трех блоков: «элемент» (рис. 3–5), «связь» и «взаимодействие».

Характеристика структуры элемента «Социум» (табл. 1) включает в себя три логически взаимосвязанных части – «человек», «население» и «коммуникативные отношения», которые в свою очередь также состоят из трех подсистем с разным уровнем детерминантности и значимости.

Рассмотрение структуры элемента «Окружающая человека среда» (табл. 2) содержит в себе три взаимосвязанных между собой блока: природная среда как совокупность естественных и частично измененных деятельностью людей абиотических и биотических факторов, которые оказывают влияние на функционирование рассматриваемой системы; антропогенная (артеприродная) среда – это целенаправленно измененная человеком часть природной среды, не обладающая свойством самоподдержания и саморегуляции и природно-антропогенная среда, которая обладает вышеперечисленными свойствами, но только при корректирующей деятельности человека.

Третий (обеспечивающий) элемент структуры – «Общественное производство» включает в качестве основных частей «создание продукции», «потребление продукции» и «перемещение», которые могут быть структурированы более детально в зависимости от специфики рассматриваемого объекта. Этот элемент структуры по существу представляет процессы, виды и способы природопользования на исследуемой территории.

Сегодня курорт «Усть-Качка» – это многопрофильная здравница, расположенная на площади почти 200 га. На территории курорта функционируют 6 санаториев: «Русь», «Уральский», «Прикамские Нивы», «Малахит», «Кама» и «Европейский».

Всего в 2009 году на курорте «Усть-Качка» отдохнуло и пролечилось 33197 человек, что на 906 человек больше по сравнению с 2008 г.

География отдыхающих поступивших на курорт в 2009 году такова. На 1 месте лидирует Пермская область – 17 426 человек, второе место принадлежит Свердловской области – 12 800 человек, третье место получил Тюменский север – 1 321 человек, четвертое

место за челябинцами – 316 человек, пятое место занимает Москва – 217 человек. Всего отдохнули в 2006 году представители 92 регионов России, ближнего и дальнего зарубежья, в том числе из Якутия (Россия) и Австралии.

За последние 5 лет произошли значительные изменения в структуре потребителей продукта курорта – санаторных путевок. Снижение объема продаж путевок фондом социального страхования, связанное с ограниченностью их финансирования, привело к значительному росту продаж путевок физическим лицам, а значит, к зависимости курорта от покупательной способности населения. Несмотря на указанные негативные факторы, заполняемость курорта в последние годы остается стабильной на уровне 85–90% в среднем за год.

Большая часть населения трудоспособного возраста работает на курорте «Усть-Качка». Руководство здравницы полностью обеспечивает социальную защиту и помощь своих работников.

Функционирование курортно-рекреационной системы в общем виде складывается из следующих составляющих:

1. Обеспечение жизни человека и человечества;
2. Сохранение среды обитания, как условий жизни;
3. Обеспечение условий для устойчивого взаимодействия 1-го и 2-го.

На сегодняшний день можно говорить о формировании территориальной рекреационной системы Усть-Качка со сложившейся системой взаимодействия природной и антропогенной составляющих.

Территория Усть-Качкинской курортно-рекреационной зоны используется в различных целях, как рекреационных, так и хозяйственных. Она представляет собой антропогенно-природную систему смешанного типа, которая включает рекреационные нооценозы и агробиоценозы.

Сегодня можно выделить три направления развития Усть-Качкинской курортно-рекреационной зоны.

1. Санаторно-курортное лечение и организованный отдых.
2. Садоводческий отдых и деловой туризм.
3. Массовый туризм и отдых (неорганизованный).

Библиографический список:

1. Девяткова Т.П. Системно-методологический подход к планированию природоохранной деятельности / Т.П. Девяткова // Юг России: экология, развитие. – № 4. Дагестан, 2006. – С. 19–27.
2. Куркин К.А. Системный подход в экологическом исследовании // Системные исследования. – М.: Наука, 1977. – С.195–210.
3. Обороин М.С. Усть-Качкинская курортно-рекреационная зона как эколого-социально-экономическая система. Дис...канд. географических наук. – Пермь, 2007. – 225 с.
4. Ряшко Б.В. О разработке системно-диалектической методологии / Б.В. Ряшко // «ERGO...Проблемы методологии междисциплинарных исследований и комплексного обеспечения научно-исследовательской деятельности». – Екатеринбург: УИФ Наука, Вып. 2., 1995. – С. 56–78.

Т.И. Горкина
(г. Москва)

УСТОЙЧИВАЯ ЭНЕРГЕТИКА

Gorkina T.I. (Moscow)
SUSTAINABLE ENERGY

Аннотация. Рассматриваются такие аспекты развития мировой энергетики как устойчивость, значение энергетики для социального развития и энергобезопасность. Сделана типология стран по степени устойчивости энергетики, основанная на методике Всемирного банка.

Abstract. The article is devoted to the factors of stability of world energy. Special attention is paid to the problems of total consumption energy per capita. The author provides the typology of the countries based on the level of energy stability according to the World Bank methodology.

Ключевые слова: душевое потребление энергии, устойчивая энергетика, экономический рост, Всемирный банк, Международное энергетическое агентство.

Key words: Consumption of energy, consumption of energy per capita, energy resource, stability of the world energy, World Bank, International Energy Agency.

К началу XXI в. в мире сложилась энергетическая система, которую можно определить как систему, состоящую из совокупности энергетических ресурсов всех видов, методов их получения (добычи), преобразования, распределения и использования, а также технических средств и организационных комплексов, обеспечивающих снабжение потребителей всеми видами энергии. Эта система имеет иерархическую структуру, уровнями которой являются страна, район, крупный промышленный, транспортный или сельскохозяйственный узел, отдельное предприятие. В качестве ее составляющих входят следующие подсистемы: теплоснабжающие и электроэнергетические системы, системы нефтяной, газовой и угольной промышленности и ядерной энергетики. Все это можно также назвать топливно-энергетическим комплексом (ТЭК), где время от времени происходит взаимозаменяемость различных видов энергии и энергоресурсов на основе их сбалансирования.

Значение ТЭК для хозяйства любой страны заключается главным образом в том, что на его основе и в зависимости от его состояния формируются основные экономические параметры. На его развитие экономически развитые страны затрачивают около 30% своих бюджетов, в нем занято до 20% самодельного населения. Развитие и функционирование энергетики тесно связаны с научно-техническим прогрессом, с ее влиянием на социальные и политические процессы как внутри страны, так и на международные отношения, на размещение промышленности и населения, на состояние природной среды.

Развитие энергетики как глобальной системы особенно проявляется в социальном плане. Для этого рассмотрим показатель «потребление энергии на душу населения». В 1980 г. крупнейшие по этому показателю страны потребляли энергии в 23 раза больше беднейших, сейчас – в 9 раз. В таблице 1 представлены пять крупнейших и пять бед-

Таблица 1
Крупнейшие и беднейшие по потреблению энергии на душу населения страны
в 1980 г. и 2006 г., т н.э.

Крупнейшие		Беднейшие	
1980 г.	2006 г.	1980 г.	2006 г.
1. Катар – 23,1 2. Бруней – 11,1 3. Бахрейн – 9,9 4. Канада – 9,9 5. Люксембург – 9,8	1. Катар – 25,6 2. Бахрейн – 17,4 3. ОАЭ – 14,5 4. Исландия – 14,2 5. Бруней – 12,1	1. Бутан – 0,002 2. Камбоджа – 0,005 3. Бурунди – 0,01 4. Непал – 0,02 5. Руанда – 0,02	1. Чад – 0,01 2. Афганистан – 0,02 3. Камбоджа – 0,02 4. Бурунди – 0,03 5. Мали – 0,03

Составлено по [4].

Таблица 2
Потребление энергии на душу населения по регионам в 1980-2006 гг., т н.э.

Регион	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2006 г.
Северная Америка	7,1	6,9	7,1	6,9
Латинская Америка	1,0	1,0	1,2	1,3
Европа	3,4	3,4	3,5	3,6
Евразия	4,4	5,3	3,5	4,0
Ближний Восток	1,6	2,1	2,6	3,2
Африка	0,3	0,4	0,4	0,4
Азия и Океания	0,5	0,6	0,8	1,1
Среднее значение по миру	1,6	1,7	1,7	1,8

Составлено по [4].

нейших по потреблению энергии на душу стран. Данные о душевом потреблении энергии по основным энергетическим рынкам представлены в таблице 2.

Разрыв между развитыми и развивающимися странами как в целом по потреблению энергии, так и по его душевому показателю, постепенно сокращается. Развитые страны снижают потребление энергии за счет энергосберегающих технологий примерно на 1–2% за пятилетие, в то время как развивающиеся его постоянно наращивают. Эти две противоположно действующие тенденции могут привести к тому, что в XXI в. удвоение в потреблении энергии будет происходить не каждые 45–50 лет, что было характерным для предыдущего века, а через 80–90 лет. Этому будет также способствовать и научно-технический прогресс, который позволит увеличить коэффициент использования энергии в течение нынешнего столетия в 2–3 раза. Все это может привести к тому, что потребление энергии на человека в среднем по миру составит приблизительно 2,5 т н.э., не сильно отличаясь по основным регионам. Также это приведет к тому, что в XXI в. рост душевого потребления энергии и рост ВВП на душу населения будут примерно одинаковыми. По расчетам профессора Ю.

Плакиркина, советника Минтопэнерго РФ, в XX в. на каждые 10% роста душевого ВВП приходилось 7–8% душевого потребления энергии, в настоящее время из-за роста коэффициента использования энергии на каждые 10% роста душевого ВВП приходится 10–15% душевого потребления энергии. [2] В основных экономически развитых странах высокий ВВП соответствует и высокому душевому энергопотреблению, который в США составляет 8 т н.э./чел., в европейских странах – в среднем 3,6 т н.э.

Доля затрат на энергию в ВВП заметно меняется со временем. Если она в мировом ВВП превышает 10%, то в мировой экономике начинают происходить кризисные явления, как было в 1970–1980-е гг. Рост цен на энергию для промышленно развитых стран (ПРС), спровоцированный нефтедобывающими странами, привел к энергокризису и обострению политической обстановки в мире. В настоящее время волатильность цен на энергию зависит в основном от двух факторов: высоких темпов роста потребления энергии в развивающихся странах (РС) и странах новой индустриализации и ухудшением сырьевой энергетической базы в ряде стран. При росте цен на энергию усиливается неустойчивость мировой энергетики и

мировой экономики, поэтому сейчас на глобальном уровне принимаются меры самого разного характера для предотвращения ситуаций, которые могли бы привести мир к энергетическому кризису нового типа – глобальному.

Недостаток энергии может существенно сдерживать экономический рост, поэтому основной задачей на современном этапе стало создание устойчивой энергетики, которая должна удовлетворять потребности нынешнего общества без ущерба для будущих поколений. Страны мира находятся на разных стадиях по состоянию их ТЭК. Их можно разделить следующим образом. На первой, высшей стадии находятся экономически развитые страны, где ввод нового промышленного или энергетического объекта, как правило, сопровождается закрытием старого. Потребление энергии увеличивается за счет роста населения и экономики, но в то же время оно компенсируется благодаря структурным изменениям, введением энергосберегающих технологий и модернизации ТЭК. На второй стадии – страны, где в результате индустриализации происходит бурный рост промышленности и где рост потребления энергии пропорционален росту ВВП (Китай, страны Юго-Восточной Азии и др.). На третьей – большинство стран Африки и Южной Азии, где население только сейчас получает доступ к современному энергоснабжению.

Международные организации, как энергетические так и финансовые, придают движению за устойчивую энергетику большое значение. Всемирный банк (ВБ) в понятие «устойчивая энергетика» включает следующее: надежность и доступность энергоснабжения, потенциальная емкость экологической системы, управление ресурсами, энергобезопасность, устранение рисков при эксплуатации АЭС, повышение эффективности использования энергии. Доступность энергетических услуг всему населению на основе современных технологий и энергосбережение не должно привести к загрязнению природной среды, превышающему критические пределы или уровни закисления почв, эвтрофикации*, нарушению озонового слоя и глобальному изменению климата.

*Эвтрофикация – процесс ухудшения качества воды в водоемах из-за избыточного поступления биогенных элементов и сброса коммунальных и сельскохозяйственных стоков.

В 1992 г. на энергетическом форуме в Рио-де-Жанейро была также создана первая неправительственная организация, получившая название «Международная сеть устойчивой энергетики (INFORSE)». В ее состав вошли представители из более 150 стран, в т.ч. все европейские страны и страны бывшего СССР. Эта организация ставит перед собой более кардинальные задачи: 1) создание мира, в котором энергетические услуги, востребованные человеческой цивилизацией, представляются сбалансированным образом за счет использования возобновляемой (ВИЭ) и нетрадиционной (НИЭ) энергии; 2) защита окружающей среды и борьба с изменением климата; 3) отказ от ядерного и традиционных видов топлива; 4) равный доступ всего населения мира к энергии; 5) повышение уровня энергоэффективности мировой экономики. Эта организация предполагает, что к 2050 г. все энергетические потребности человечества будут покрываться только за счет ВИЭ и НИЭ, что на наш взгляд маловероятно.

Ведущие международные организации – ВБ, ООН и др. пытаются создать системы показателей для характеристики устойчивости энергетики. Для этого используются показатели по цепи энергетика – экономика – экология. Данные исследования далеки от завершения. В этой статье сделана попытка провести типологию стран по устойчивости энергетики по методике ВБ. Суть методики состоит в агрегировании индексов и на их основе путем нахождения среднего арифметического определяется вес по каждой проблеме (элементу).

Исходные данные были взяты из справочника по мировой энергетике, издающегося в США – Energy Information Administration. International Energy Annual, в котором наиболее полно представлены основные показатели мировой энергетики. По этим данным были рассчитаны средние значения основных энергетических показателей мировой экономики в 1980–2006 гг., представленные в таблице 3. В расчетах были учтены все страны, где душевое потребление энергии составляет не менее 30 млн. БТЕ – всего 110 стран. В это число вошли Индия, Индонезия и Нигерия, где душевое потребление ниже заявленного уровня (соответственно 16, 18 и 8 млн. БТЕ), но они оказывают определенное влияние на мировую энергосистему – как растущие эко-

Таблица 3

*Средние значения основных энергетических показателей мировой экономики
в 1980–2006 годах*

Показатель	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2006 г.
Потребление энергии на доллар ВВП, БТЕ/тыс. долл.	34	33	31	24
Потребление энергии на душу населения, млн. БТЕ/чел.	105	114	110	117
Потребление электроэнергии на душу населения, тыс. кВт час/чел.	2,6	3,2	3,7	3,9
Производство энергии на душу населения, млн. БТЕ/чел.	151	142	155	147
Доля импорта энергии в потреблении энергии, %	12	13	11	14
Выбросы углекислого газа при сжигании топлива на душу населения, т угольного эквивалента/чел.	2	2	2	2
Выбросы углекислого газа при сжигании топлива на доллар ВВП, т угольного эквивалента/тыс.долл.	0,5	0,5	0,4	0,4

Рассчитано по данным [4].

номики, одна из которых высокими темпами наращивает потребление энергии, другие стали ее крупными поставщиками на мировой рынок. В то же время не учитывались такие страны как Тринидад, Гуам, Гибралтар и т.п., где душевое потребление выше среднемирового на порядок, но не за счет использования энергии местным населением, а по другим причинам – нахождением здесь или крупной военной базы, или НПЗ регионального значения и т.п.

Проведенные расчеты очень близки по своим значениям к расчетам, приведенным как пример в методике ВБ, сделанными для России. ВБ использовал следующие показатели: ВВП на единицу использованной энергии, потребление энергии на душу населения, чистый импорт энергии, потребление электроэнергии на душу населения и доля ВИЭ и НИЭ в общем потреблении энергии. Мы исключили последний показатель, поскольку его значения крайне незначительны в большинстве рассматриваемых стран. Однако включили показатели, характеризующие состояние окружающей среды – выбросы углекислого газа на душу населения и на доллар ВВП, а также производство энергии на душу населения, т.к. в последние годы усилилось значение энергопроизводящих стран. В справочнике данные об энергии приводятся в британских тепловых единицах (БТЕ), где 40 млн. БТЕ равно 1 т нефтяного эквивалента, а стоимостные показатели – в долларах США 2000 г.

На основе проведенных расчетов были выделены три типа стран, имеющих разную степень устойчивости энергетики. К первому типу относятся страны, основные показатели

которых выше средних значений. Второй тип – это страны где эти показатели ниже средних на 1–20%, третий тип – ниже среднего от 21% и более. За рассматриваемый 25-летний период изменения произошли в основном в первой группе и во второй группе. К числу стран с наиболее устойчивыми показателями прибавились в 1990 г. Швеция и Ливия, в 2006 г. – Дания и Азербайджан. Причины вхождения в эту группу у этих стран разные: Швеция и Дания усилили свои позиции за счет активного внедрения ВИЭ и НИЭ, Азербайджан и Ливия – за счет увеличения добычи углеводородов. В ПРС этой группы, как правило, ниже средних значений такой показатель как «выбросы углекислого газа на долл. ВВП», что говорит о более экологичной энергетике в этих странах. В то же время растет зависимость от импорта энергии, прежде всего нефти и ПГ, в США, Чехии, Дании, Нидерландах, Швеции и Великобритании, что в будущем может в какой-то мере негативно сказаться на энергобезопасности этих стран. В 2006 г. в эту группу входили Канада, США, Чехия, Нидерланды, Норвегия, Великобритания, Казахстан, Россия, Бахрейн, Катар, Кувейт, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Австралия. Практически все члены этой группы имеют значительные собственные энергоресурсы, на базе которых были созданы ТЭК, которые в своем развитии адаптируются к современным технологиям. Страны, входящие в ОЭСР, активно развивают нетрадиционную энергетику, доля которой в них в среднем составляет (в %): в Северной Америке – 2,6; в Европе – 4,9; Японии – 5,7; Австралии – 1,4; при среднемировом показателе в 2,3%.

Во вторую группу вошло большинство европейских стран и стран бывшего СССР (кроме обозначенных в первой группе), страны Латинской Америки, Северной Африки, ЮАР, Ирак, Ливан, Сирия, Израиль, Новая Зеландия, страны Юго-Восточной Азии и бывшие азиатские социалистические страны (включая Китай). Показатели устойчивости в ряде стран этой группы за рассматриваемый период возросли по ряду позиций. Например, на средний уровень по душевому потреблению электроэнергии вышли Венгрия, Словакия, Греция, Португалия, Израиль, Гонконг, Республика Корея. По душевому потреблению энергии – страны Южной Европы, Китай, Египет, Венесуэла, Польша, Белоруссия и Эстония. Однако в большинстве этих стран растет зависимость от импорта энергии, а выбросы углекислого газа на доллар ВВП растут пропорционально росту ВВП, что говорит об использовании устаревших энергетических установок и технологий. По мере роста ВВП ряд стран этой группы имеют шансы на переход в первую группу. В первую очередь можно отметить такие страны как Мексика, Бразилия, Аргентина, ЮАР, Турция, а также вошедшие с начала 1990-х гг. Польша, Республика Корея и Китай. Все эти страны имеют достаточно высокие темпы роста своих экономик и значительные энергоресурсы. Исключения составляют Турция, которая повышает собственную энергобезопасность за счет усиления своей роли в транзите энергетических потоков, а не за счет вовлечения в оборот собственных энергоресурсов, и Республика Корея, в энергетике которой высокая доля атомной энергии.

Третья группа представлена РС с низким уровнем жизни – большинство стран Африки и Океании, Йемен, Индия, Индонезия, Парагвай. По данным ВБ почти 2,4 млрд. человек в этих странах используют для приготовления пищи и отопления топливо, получаемое из биомассы (дрова, отходы сельского хозяйства и т.п.), приблизительно 1,6 млрд. не имеют доступа к электроэнергии. В сельскохозяйственных районах Африки и Южной Азии доступ к электроэнергии имеет лишь пятая часть населения, соответственно 27% (526 млн. чел.) и 40% (800 млн. чел.). В таких странах размеры душевого потребления современных энергоносителей достигают лишь 5% от значения стран с высоким уровнем дохода и современным ТЭК. Энер-

гоуслуги стали важным фактором поддержания общего уровня развития экономики, т.к. прослеживается сильная корреляция, как уже отмечалось, между объемами потребленной энергии и ВВП. [3]. Изменение значений рассматриваемых показателей происходит неравномерно. Они меняются как в сторону повышения, так и понижения. Предполагается, что показатели будут возрастать в соответствии с снижением уровня бедности, хотя из-за роста населения этот процесс идет очень медленно, несмотря на усилия, прилагаемые международными организациями, в частности Всемирным банком. Наиболее тяжелое положение сложилось в Йемене, который по душевому потреблению энергии находится на последнем месте в мире в течение всего рассматриваемого периода.

На оценку устойчивости отдельных стран все больше влияют геополитические, этнические и этические факторы, из-за которых возрастает неустойчивость современной энергетики. Так, в 2005 г. в мире произошло более 300 террористических нападений на нефтяные и газовые объекты в Ираке, Пакистане, Грузии, Индии, Нигерии и др. странах. Этнические волнения, например, в Нигерии срывают поставки нефти за границу. Здесь выгоднее морская добыча на платформах и вывоз нефти непосредственно с них, т.к. их удаленность от районов конфликтов обеспечивает большую безопасность поставок. Соблюдение этических принципов приводит к усилению мер по защите окружающей среды. Из-за высокой капиталоемкости основных фондов сокращаются резервные мощности по добыче, особенно заметно это в нефтяной промышленности. Оптимальная доля резервных мощностей в 15-20% снижается с начала 1980-х гг. В 1990-е гг. она снизилась до 5%, в последние годы – практически до нуля. Такое положение также способствует росту неустойчивости в отрасли, поскольку нефть остается ведущим видом энергии. Для оценки устойчивости энергетики ключевое значение приобрели геополитические вопросы, позволяющие решать многие противоречия между производителями и потребителями энергии с учетом интересов стран-транзитеров. Рост числа энергопоставляющих стран и стран-транзитеров энергии ведет к созданию новых правовых механизмов обеспечения мировой энергобезопасности.

Нехватка энергии может существенно сдерживать экономический рост. В то же время рост в отрасли требует не только крупных инвестиций, но и отчуждения значительных земельных ресурсов и т.п., что может оказывать негативное влияние на экономический рост в целом. Так, в России под различными объектами ТЭК находится почти 10% территории страны, на их нужды идет почти четверть потребляемой в стране воды. На долю ТЭК приходится до 70% теплового загрязнения окружающей среды и почти 50% вредных выбросов в атмосферу. Для решения этой проблемы страны идут в основном двумя путями. Первый путь – это наращивание добычи энергоресурсов и строительство новых энергообъектов, что характерно для новых игроков энергетического рынка. Второй путь менее затратный, по которому идут экономически развитые страны – повышение эффективности использования энергоресурсов. Наибольший эффект может быть достигнут путем синтеза этих двух тенденций с приоритетов второго пути. Это особенно важно для России, которая одновременно является крупным производителем и крупным потребителем энергии, потери которой при ее использовании достигают 35%.

Прогнозы развития энергетики во многом зависят от роста населения в мире, который будет определять и рост мирового ТЭК. По крайней мере еще в течение нескольких десятилетий рост населения будет значительным, особенно в урбанизированных районах, где основным видом энергии является электроэнергия, структура производства которой сейчас такова (в %): ископаемое топливо – 65; АЭС – 15; ГЭС и ВИЭ – 19; прочие – 1. Маловероятно, что в ближайшие десятилетия до 2030-2050 гг. это соотношение кардинально изменится. Среднегодовые темпы роста энергопотребления до 2020 г. по регионам будут иметь такие значения (в %): Северная Америка – 0,6; Европа – 0,8; бывший СССР – 1,3; Латинская Америка – 2,2; Африка – 2,0; Ближний Восток – 1,9; РС Азии – 3,2; ПРС Азии – 0,9. [1]. В среднем по миру этот показатель составит предположительно 1,6%. В настоящее время нефть является энергоносителем мирового значения, ПГ – регионального, а уголь – локального значения. Предполагается, что в ближайшие десятилетия энергоносителем № 1 в мире станет природный газ, удельный вес ВИЭ до-

стигнет 9% при снижении доли АЭС до 5%. Однако большинство экспертов подвергают сомнению последние цифры. Рассмотрим те виды энергии, которые играют или предположительно будут играть существенную роль в будущем.

Уголь. Благодаря своим огромным ресурсам и широкому распространению их по континентам, для многих стран он стал ведущим топливом для электростанций и сохранит свое значение в будущем. Для уменьшения загрязнения окружающей среды угольными ТЭС предпринимаются различные меры, в т.ч. разрабатываются технологии «чистого угля», которые по стоимости в 74 раз выше обычных («чистый уголь» – 2,98 ц/ кВт.ч; уголь – 0,04 ц/ кВт.ч, АЭС – 0,16 ц/ кВт.ч). [6]. Широкое внедрение таких технологий станет возможным только при снижении их стоимости до конкурентного уровня с электроэнергией, получаемой на АЭС. Однако из-за глобального потепления, одним из виновников которого называются ТЭС, все чаще уголь рассматривается в будущем как и химическое сырье, а не только в качестве топлива для ТЭС.

Атомная энергия. По мнению ученых, работающих в этой области, если бы вся современная энергетика базировалась на атомной энергии, то даже с учетом ее большой инвестиционной составляющей, доля энергии в ВВП не превышала бы 6%. Ее ресурсная база (уран, торий, плутоний) огромна, при любых масштабах развития ее должно хватить на тысячелетия. Внедрение реакторов на быстрых нейтронах позволит отнести АЭС к ВИЭ, т.к. в таких реакторах уран-235 практически обновляет себя. Если же в них использовать уран-235 вкупе с плутонием-239, то эта система будет работать бесконечно. Кроме этого, устойчивости этому виду энергии придают также огромные запасы тория как энергоносителя [6]. Расходы Международного энергетического агентства (МЭА) в НИОКР на быстрых нейтронах представлены в таблице 4. Крупные аварии на АЭС в США и СССР и аварийные остановки и ситуации на АЭС в Юго-Восточной Азии породили негативное отношение к ядерной энергетике в мире и замедление темпов НИОКР в этой отрасли, что выразилось в снижении финансирования НИОКР более чем в 2 раза. Однако развитие этого направления становится очень актуальным, т.к. все большее

Таблица 4

Финансирование МЭА НИОКР на быстрых нейтронах, млн. долл.

Год	Великобритания	Франция	Япония	США	Прочие страны МЭА	Всего, МЭА
1980	714	—	2 098	2 410	1 160	6 794
1990	253	555	2 298	737	356	4 199
2000	—	666	2 393	39	308	3 406
2005	4	...	2 398	171	...	3 168

Рассчитано по данным [6].

Таблица 5

Субсидии МЭА на развитие ВИЭ для ряда европейских стран в 2001 г. и 2010 г., млн. евро/год

Страна	2001 г.	2010 г (прогноз)
Италия	1 067	2 493
ФРГ	1 047	3 326
Испания	323	1 537
Дания	273	499
Австрия	122	702
Франция	112	814
Швеция	100	220
Великобритания	96	547
Нидерланды	59	679
Бельгия	27	55

Рассчитано по данным [6].

число стран предполагает возродить ядерную энергетику как одну из составляющих устойчивости отрасли.

Возобновляемые и нетрадиционные виды энергии. Эти виды имеют очень диффузный характер, что делает их ненадежными для поставок в больших масштабах, как того требуется мировой экономике. По расчетам Д. Маккея Европа, особенно страны с малой территорией, не могут существовать только за счет ВИЭ и НИЭ.

Он приводит такие цифры для Великобритании. Внедрение ветровых станций потребует территорию, аналогичную площади Уэльса, солнечные станции займут 75% территории страны. Если всю территорию Земли занять ВИЭ, то потребление энергии на одного человека будет 8 кВт/сутки при современном уровне этого показателя в 250 кВт для США и 125 кВт для Европы [5]. В России стоимость электроэнергии, вырабатываемой на ветряных станциях, в 2 раза выше, чем на АЭС и в 6 раз выше, чем на газовых ТЭС. По данным МЭА особенно большое внимание развитию ВИЭ придают европейские страны. В Дании до 30% электроэнергии вырабатывается ветряными станциями. Для европейских стран этот показатель в среднем составляет 4,9% при среднем мировом уровне

в 2,3%. В странах, обладающих значительными запасами традиционных энергоресурсов, многие из которых испытывают еще и недостаточное финансирование энергетики, использование ВИЭ и НИЭ не превышает 1%. В таблице 5 приведены данные о субсидиях МЭА, предоставляемых европейским государствам, которые в своих энергетических программах уделяют большое внимание развитию ВИЭ и НИЭ.

Приводимые сведения относятся только к странам-членам МЭА*, которые в основном определяют энергетическую политику и являются крупнейшими потребителями энергии. В таблице 6 приводятся данные о финансировании НИОКР этой организацией в целом по отрасли.

Сокращение расходов на НИОКР обычных видов энергии происходит на фоне увеличения субсидирования исследований по новым видам энергии, в частности такими как НИЭ и водородная энергетика, которые

* В настоящее время членами МЭА являются 26 стран: Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Чехия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Ирландия, Италия, Япония, Республика Корея, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция, Швейцария, Турция, Великобритания и США.

Таблица 6

Расходы на НИОКР по странам-членам МЭА в 1980–2005 гг., млн. долл.

Вид энергии	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2005 г.
Всего	15 034	9 394	9 070	9 586
В т.ч. ядерная энергия	8 015	5 254	4 299	715
ВИЭ	1 914	563	773	1 113
ископаемые виды энергии	2 564	1 793	612	1 007
Прочие	2 541	1 784	3 386	6 751

Рассчитано по данным [6].

находятся на ранних стадиях использования. Помимо МЭА финансирование НИОКР происходит также по линии национальных государств и частных компаний. Наиболее активен этот процесс в экономически развитых странах. Во Франции и Японии акцент делается на работах в области ядерной энергетике, в других странах – на ВИЭ и НИЭ.

Наращение неопределенности мирового развития, вызываемое обычно кризисами, приводит к росту неустойчивости энергетических систем. Так, финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., привел к сокращению потребления топлива. Глобальный спрос на энергию в 2008 г. снизился на 0,2%, в 2009 г. предполагаемое снижение составит почти 3%. Оживление, наметившееся в мировой экономике, не только восстановит спрос на энергию, но и усилит конкуренцию на энергетическом рынке между США, ЕС и Китаем. Особенно это будет касаться углеводородного сырья. По прогнозам МЭА на

период до 2030 г. доля ископаемых видов топлива останется практически такой же как и сейчас – порядка 80%. Именно они будут способствовать устойчивости национальных ТЭК при снижении политической напряженности в энергетической политике и соблюдении интересов всех участников мирового энергетического рынка. Для создания устойчивого функционирования этого рынка, по оценке МЭА, предположительно потребуется до 2030 г. более 20 трлн. долл., половина из которых должна пойти на модернизацию существующих объектов. На международных финансовых рынках есть такие средства у частных инвесторов. Мобилизация таких капиталов на приоритетных направлениях будет зависеть от уровня доходности вложений для компенсации рисков. Для этого государства, претендующие на такие инвестиции, должны создать в рамках частно-государственного партнерства привлекательные инвестиционные условия кредиторам.

Библиографический список

1. Мировая экономика: прогноз до 2020 г. – М.: Магистр, 2007. – 429 с.
2. Призрак энергетической революции: в XXI в. она может перевернуть мир. // www.civilg8.ru
3. Проблемы энергетической бедности и действия стран «Большой восьмерки» // Всемирный банк. – М.-Вашингтон, 2006.
4. Energy Information Adm. International Energy Annual 2009.
5. Mackay D. Sustainable Energy – without the hot air. – London, 2009.
6. World Nuclear Association 2009.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

А.Б. Карачурина (г. Москва)

Н.В. Мкртчян (Москва)

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РФ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЙНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ (1989–2002 гг.)*

Karachurina L.B. (Moscow)

Mkhrtchyan N.V. (Moscow)

THE DYNAMICS OF THE QUANTITY OF THE POPULATION IN MUNICIPAL AREAS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE REFLECTION OF THE CENTER-PERIPHERY CONCEPTION OF SPATIAL DEVELOPMENT

Аннотация. В статье анализируются различия в демографической динамике для поселений и районов разного типа в контексте положений центрo-периферийной концепции. Подвергается проверке выдвину-тая гипотеза о том, что в современных условиях усиливается концентрация населения в региональных центрах и ближайших к ним районах; внутрирегиональные различия в динамике численности населения (и ее составляющих) по отдельным административно-территориальным единицам не менее сильны, чем межрегиональные; между периферийными территориями разных регионов меньше различий, чем между региональными центрами, и именно эти различия определяют межрегиональную социально-экономическую дифференциацию. Отдельно рассматривается динамика численности населения городов, райцентров и сельских поселений в зависимости от удаленности от региональных центров.

Abstract. The article analyses the differences in demographic dynamics for settlements and areas of different types viewed from the perspective of the center-periphery conception. The author verifies the hypothesis that in modern conditions the concentration of the population increases in regional centers and adjacent areas, the regional dynamics of the population in certain administrative and territory units is as strong as the interregional one. The periphery territories of different regions have fewer differences compared with regional centers. This factor forms the interregional socioeconomic differentiation. The article also provides the dynamics of the population in cities, towns and rural areas depending on their remoteness from the regional center.

Ключевые слова: центр, периферия, регион, расстояние, население, административно-террито-риальные единицы, демографическая динамика, миграция.

Немного о постановке вопроса: центрo-периферийные градиенты в пространстве

Начиная с работ Й. фон Тюнена¹ и до нашего времени, центры и окружающая их территория неизменно рассматриваются как взаимодополняющие, но, безусловно, различные категории. Эти различия проявляются буквально во всем: ментальном, экономическом, социальном, инфраструктурном укладе. Повсеместно в мире действует одна и та

же заданная физическими законами схема – кристаллизация массы вокруг ядра приводит к расплыванию границ ядра и усилению его силы (мощности). Классическая теория Дж. Фридмана «Центр – периферия»² постулировала, что неравномерность экономического роста и процесс пространственной поляризации неизбежно порождают диспропорции между центром и периферией (тоже внутренне неоднородной и делящейся на ближнюю и

* Статья подготовлена при поддержке гранта Фонда факультета экономики ГУ ВШЭ (2009–2010 гг.) и гранта РГНФ, проект 08-02-00120а «Реформа местного самоуправления и трансформация расселения населения в современной России»

дальнюю). Центр является «мотором» развития системы (за счет постоянной качественной трансформации вследствие генерирования, внедрения и диффузии нововведений) и одновременно «пылесосом», выкачивающим все виды ресурсов, в том числе человеческий потенциал, из периферии. Концепция, таким образом, является, по сути, объяснительной теорией межрегионального неравенства в широком смысле слова. Теория пользуется огромной популярностью, её состоятельность в мировой практике сегодня не вызывает сомнений.

В СССР концепция Фридмана была воспринята с настороженностью, объясняемой огромными по масштабу перераспределительными потоками, которые отчасти нивелировали различия по линии «центр – периферия», а также бытовавшими планами всемерного рассредоточения деятельности по огромной территории. Тем не менее, работа О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиша «Центр и периферия в региональном развитии»³ отчасти базируется и на советском эмпирическом материале. Несмотря на партийные установки, реальные контрасты типа «центр – периферия», учитывая изначально низкую интенсивность и просто плотность деятельности и расселения, а также специфику быстрой (догоняющей) урбанизации, были велики.

Они усилились под воздействием системного кризиса 1990-х гг., когда «слабые стали еще слабее, а сильные – сильнее». В работах, выполненных в 1990-е гг. А.И. Трейвишем, Т.Г. Нефедовой, Н.В. Зубаревич⁴ и некоторыми другими исследователями, показывается, что «слабость» – результат не только периферийности. На российском пространстве действует ряд дихотомий: север – юг, края и области – этнические регионы, староосвоенный запад – слабоосвоенный пионерный восток. Однако, по-прежнему, центр-периферийные градиенты, оказываются универсальными – и на севере, и на юге; и в неэтнических, и в этнических регионах; и на разных уровнях – от федеральных округов до муниципалитетов. Однако, на этом – самом нижнем, но самом «реальном» этаже, исследований почти не ведется. Исключением – для общероссийского уровня – является лишь упоминавшаяся выше работа Т.Г. Нефедовой⁵, которая построена на анализе, в том числе административных районов европей-

ской части страны. Некоторое внимание этой проблеме уделено в книге А.И. Трейвиша⁶.

И в советское время, и ныне, существующие контрасты воспринимаются исключительно как аномалии или дефекты. При этом забывается и об общемировой объективной распространенности сюжета, и, главное, – о позитивной инновационной трансформации ядер этой системы, в том числе за счет периферии. Внимание, на наш взгляд, следовало бы сосредоточить не на вновь обозначенном желании «всё заселить» и «везде производить», а на реалиях конкретных мест. Для одних – возрождение уже совершенно невозможно, для других – и не нужно, для третьих – целесообразно при наличии «политической воли» и набора объективных факторов успеха. Один из них – наличие или отсутствие населения, его демографические и социальные характеристики. Впрочем, этот «фактор» можно одновременно рассматривать и как следствие наличия центр-периферийных различий: населения нет (есть) – потому что произошло его «вымывание» из экономически и социально забытой и неразвитой периферии, случился своеобразный «отрицательный естественный отбор», когда в самых глубинных сельских районах остаются только самые старые и немобильные.

Глубинные трансформационные изменения рубежа 1990–2000-х гг., совпавшие с серьезнейшими демографическими переменами, ведут к усилению дихотомии между фокусными точками и провинцией. «Ценность» для жителя столицы не обязательно может быть отнесена «к ценности» жителем провинции. Политические свободы, демократию, свободу передвижений, ориентацию на достижительность успеха, по данным всероссийских опросов, относит к «ценностям» значительная часть жителей столичных и, в меньшей степени – крупных городов, тогда как в иерархии ценностей жителей малых городов, а особенно сел, эти ценности или не значатся, или находятся не на первых позициях⁷. Центры и периферия по-прежнему, и даже в большей степени, чем в советское время, живут в разном «социальном времени». По В.Л. Каганскому, в центрах доминирует работа со знаками и символами (политика, массмедиа), на периферии – с вещами (производство, натуральное хозяйство)⁸ или по А.И. Трей-

вишу, Т.Г. Нефедовой – «тут жизнь зависит от курса доллара, там – от погоды и урожая картошки»⁹. Значит, в условиях качественной и количественной нехватки центры будут усиливать желание «выкачивать» из периферии разного рода ресурсы, в том числе, – человеческие, что также будет усиливать и закреплять различия между ними, ослабляя периферию. Отсюда отправная точка нашей гипотезы: в современных условиях усиливается концентрация населения в региональных центрах и ближайших к ним районах, остальные территории, если только они живут не благодаря ренте местоположения или добычи, будут быстро пустеть. При депопуляции сохранять, и тем более увеличивать численность населения способны только динамично развивающиеся территории; основным двигателем перераспределения является дефицитность локальных рынков труда. Насколько выражена зависимость динамики численности населения от расстояния до регионального центра (в км); ранга соседства по отношению к региональной столице (нулевой ранг – центр региона и административный район, в которой «вписан» центр; первый – окружение «нулевого» ранга и т.д.); типа местности (для начала в простейших координатах «город – село»); людности; административного статуса поселений (влияет ли тренды динамики статус «райцентра» населенного пункта, верификации разных гипотез изменения численности населения населенных пунктов (удаленности от центров соответствующих субъектов, положения по отношению субрегиональным центрам (т.н. «вторым городам»); наличия административных функций у поселений, их размеров и т.д.) – таков набор проверяемых локальных гипотез.

Много причин делает необходимость подобного анализа насущной исследовательской задачей, главная из которых – почти полное отсутствие комплексных – для всей страны, а не её отдельных частей¹⁰ – социально-демографических исследований на микротерриториальном уровне. Но еще больше фактов, крайне затрудняют дело. О них – речь впереди.

Информационная база и комментарии к используемым данным

Информационной базой исследования являлись опубликованные результаты переписи

сей населения 1989 и 2002 гг. по городам и административным районам России, то есть по так называемым малым территориям. Всего были проанализированы данные по 2341 низовым административно-территориальным единицам (АТЕ) ранга городов и районов. Отдельно анализировались данные по городам краевого (республиканского, областного) подчинения; по другим городам (входящим в состав административных районов); по райцентрам и городам районного подчинения; сельской местности.

При подготовке статистической базы для анализа динамики численности населения между датами переписей 1989 и 2002 гг. пришлось столкнуться с несколькими трудностями:

1. В 1994 г., получили названия ранее закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО)¹¹. С 1994 г. Росстат (тогда – Госкомстат России) стал публиковать численность их населения, соответственно, данные Всероссийской переписи населения 2002 г. их тоже включают. Между тем в опубликованных результатах переписи населения 1989 г. сведения о численности населения ЗАТО не содержатся. Оно включалось в население других административно-территориальных образований, причем методика распределения населения, по понятным причинам, не известна. По словам специалистов Росстата, население ЗАТО старались «прятать» таким образом, чтобы расхождения численности населения с реальной были невелики; население могло быть «спрятано» даже в другом субъекте Российской Федерации. Вследствие этих методологических и статистических нестыковок, нам не удалось проследить динамику численности населения 33 ЗАТО, находящихся на территории 18 субъектов Российской Федерации.

Предполагаем, что чаще всего население ЗАТО приписывалось к населению крупных городов, в т.ч. региональных центров. Например, при пересчете данных по итогам переписи населения 2002 г. по Архангельской области отчетливо видно, что население города Мирный в 1989 г. было учтено в региональном центре (Архангельске).

В целом, наше предположение о приписанности во время переписи 1989 г. населения ЗАТО в основном центральным городам областей (краев, республик) означает, что в это время население региональных центров

было выше, чем в действительности, и в реальности сокращения численности населения за межпереписной период 1989-2002 гг. не было или оно было меньшим, чем показывает статистика.

2. В пределах регионов за межпереписной период происходили значимые административно-территориальные преобразования¹², в том числе с изменением границ низовых АТЕ. Если в советский период для маленького поселка было выгодно и престижно перейти в разряд городских, то в кризисные 1990-е гг. (для использования выгод от приватизации более значительных участков земли в сельской местности, льгот в налогообложении, разнице в стоимости электроэнергии и др.¹³) полезным стало прямо противоположное. Многочисленные административные преобразования, безусловно, нарушают сопоставимость данных по отдельным городам и районам. Поэтому в целях корректности сопоставлений нам приходилось в соответствующих случаях объединять данные АТЕ при анализе.

3. Не рассматривались данные за межпереписной период по четырем субъектам Российской Федерации: республикам - Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чеченской (суммарно – 97 низовых АТЕ). Исследовательские оценки показали, что в этих регионах имели место серьезные искажения численности населения по результатам переписи населения 2002 г.; суммарно они достигли около 1 млн. человек¹⁴, что делает бессмысленным динамическое сравнение и, кроме того, способно исказить результаты на агрегированном уровне.

4. В работе также не анализируются данные по Москве и Санкт-Петербургу, а также поселениям, находящимся в их подчинении (разумеется, не имеются ввиду Московская и Ленинградская области). Учитывая, что население только Москвы увеличилось за период 1989–2002 гг. на 1252 тыс. человек, или на 14,1%, эти данные в агрегированных итогах способны изменить динамику численности населения центров весьма существенным образом. Изучение проблем роста населения российских столиц представляется отдельной исследовательской проблематикой. Кроме того, к данным Всероссийской переписи населения 2002 г. в этих городах, особенно по Москве, также имеется ряд вопросов.

Методика исследования

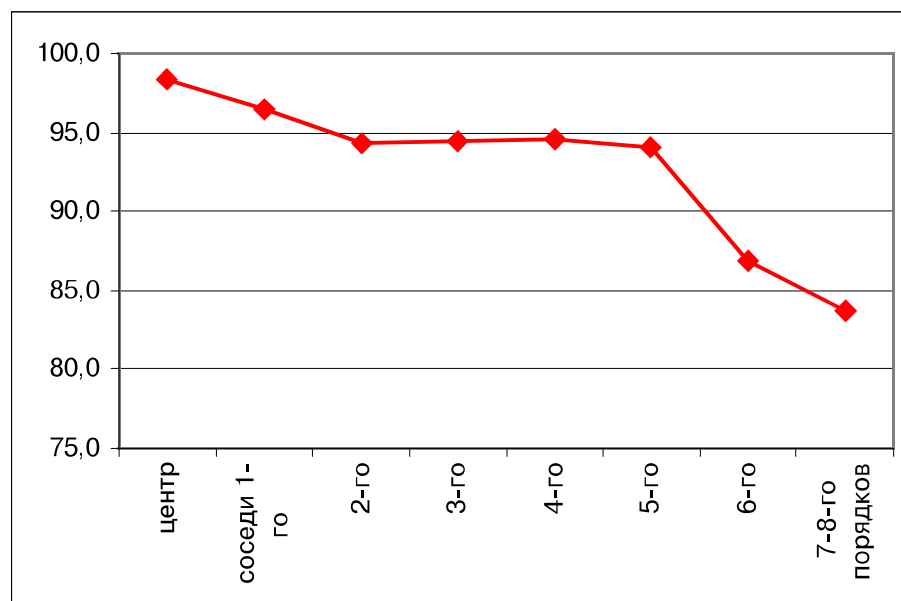
В целях анализа динамики численности населения за межпереписной период 1989–2002 низовые АТЕ делились на:

1) Условно принадлежащие к региональному центру – непосредственно областной (республиканский, краевой) центр с принадлежащими ему населенными пунктами, а также «центральный» район. В случае, если территория регионального центра граничит непосредственно не с одним, а с двумя – тремя административными районами, все они были отнесены к центру. Целесообразность отнесения к центральному городу близлежащего района объясняется существованием в каждом случае фактически единого локального рынка труда; в пределах данной территории совершается большой объем маятниковых поездок. Зачастую, особенно в случае формирования городских агломераций, данные АТЕ и формируют агломерационное пространство. Кроме того, в межпереписной период между региональным центром и близлежащим районом совершались административно-территориальные преобразования.

Особого подхода требовали Московская и Ленинградская области, в них к центру относились все АТЕ, граничащие с официально делимитированной территорией Москвы и Санкт-Петербурга, которые в анализ не включались.

2) Периферию, которая подразделялась на несколько зон удаленности от центра – соседей 1-го, 2-го ... 8-го порядков. Ближайшие к центру региона города и районы – 1-го порядка – условно можно назвать полупериферией. Средняя удаленность центров административных районов первого порядка от региональных центров составляет 30–50 км, что предполагает наличие по российским меркам неплохой связности с центром, достаточно интенсивных маятниковых, рекреационных поездок и социально-трудовых связей. В регионах Севера и Востока страны соседи первого порядка, как правило, уже достаточно сильно удалены от регионального центра – на 100 и более километров, что предопределяет их слабую связь с ним. Чем дальше от центра располагается город или район, тем к более дальней периферии, в данной терминологии, он принадлежит.

Для характеристики центрo-периферийных отношений использовался также крите-

* не включая АТЕ Республик Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня.

Рис. 1. Изменение численности населения низовых АТЕ в зависимости от удаленности от регионального центра, Россия, 2002 г. к 1989 г., в %

рий удаленности (физического расстояния) центров низовых АТЕ от региональной столицы, выраженный в километрах¹⁵. Такая группировка дополняет вышеописанную, так как критерий удаленности – более точный измеритель. Он не зависит от различий в размере и конфигурации низовых АТЕ в густо- и редконаселенных частях страны, позволяет производить более дробные группировки.

Основные результаты исследования

Центро-периферийный градиент и динамика численности населения

Группировка низовых единиц АТЕ по удаленности от регионального центра демонстрирует достаточно однозначную зависимость: чем дальше от регионального центра, тем более интенсивно сокращалось население за межпереписной период 1989–2002 гг. (рис. 1). Особенно значим градиент между центром и АТЕ 1 и 2-го поясов удаленности, а также между группой АТЕ 5 и 6-го рангов. На уровне страны практически нет различий в динамике численности населения по периферийным регионам 2–5-го пояса удаленности от регионального центра.

Выявленная зависимость для России имеет свои особенности для низовых АТЕ отдельных федеральных округов (табл. 1).

Особенно четко она прослеживается в Центральном, Северо-Западном и Сибирском округах: здесь, чем дальше АТЕ располагалась относительно регионального центра, тем интенсивнее она теряла население. Специфичность Приволжского и Уральского округов проявилась в том, что в них центры теряли население интенсивнее, чем их соседи 1-го порядка, причем в Уральском округе ближайшие к центру АТЕ демонстрировали, в отличие от центров, позитивную динамику населения. Возможно, это – результат присоединения в 1989 г. к населению ряда центров населения ряда крупных ЗАТО (например, Сарова, Заречного, Новоуральска, Озерска и др.), что ослабило их позиции в сравнении с 2002 г., когда ЗАТО выделили в самостоятельные единицы. Кроме того, в Приволжье – единственной группой АТЕ, где за межпереписной период отмечался рост населения, оказалась дальняя периферия, соседи 4-го порядка. В итоге в ПФО нет выраженной зависимости динамики населения низовых АТЕ от их удаленности от региональных центров.

В Южном федеральном округе рост населения отмечен во всех группах АТЕ, кроме соседей 6–7 порядков, да и то по причине очень малой наполненности типа. Региональ-

Таблица 1

Изменение численности населения низовых АТЕ по федеральным округам в зависимости от удаленности от регионального центра, прирост/убыль, 2002 г. к 1989 г., в %

Ранг соседства	Федеральные округа						
	Центральный	Северо-Западный	Южный*	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Всего	-4,9	-99,7	6,8	-2,5	-3,8	-6,3	-16,7
центр	-2,2	-4,0	7,1	-2,8	-2,6	-1,4	-7,7
соседи 1-го	-3,6	-8,1	6,5	-0,4	2,3	-6,6	-21,6
2-го	-6,5	-11,1	8,2	-5,7	-5,5	-9,1	-22,6
3-го	-6,3	-15,4	6,0	-3,2	-10,5	-10,4	-22,6
4-го	-9,7	-15,2	6,4	0,2	-10,7	-7,3	-24,2
5-го	-4,8	-19,3	1,9	-0,7	-6,1	-9,7	-22,6
6-го	-12,1	-37,2	-5,3	-0,9	-5,7	-10,9	-28,0
7-8-го порядков	-21,2	—	-6,3	—	-11,9	-17,9	-5,7

* не включая АТЕ Республик Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня

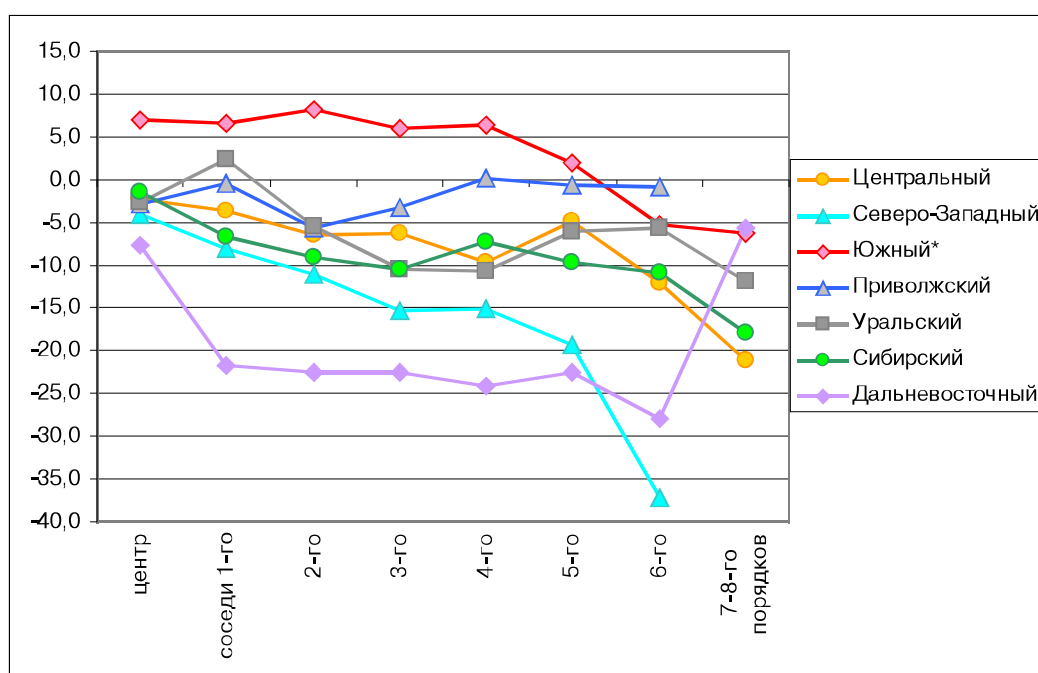

Рисунок 2. Изменение численности населения низовых АТЕ по федеральным округам в зависимости от удаленности от регионального центра, 2002 г. к 1989 г., в %

ные центры не отличались от соседей 1–4-го порядков. Напротив, в Дальневосточном округе интенсивное сокращение населения отмечалось везде, но в центрах гораздо меньше, чем на периферии.

Динамика населения низовых АТЕ зависит и от общерегиональных тенденций.

Так, в Дальневосточном и Северо-Западном округах с наиболее интенсивным сокращением населения за последний межпереписной период сильной негативной динамикой характеризовалось прежде всего население региональной периферии. Межокружная дифференциация в динамике численности

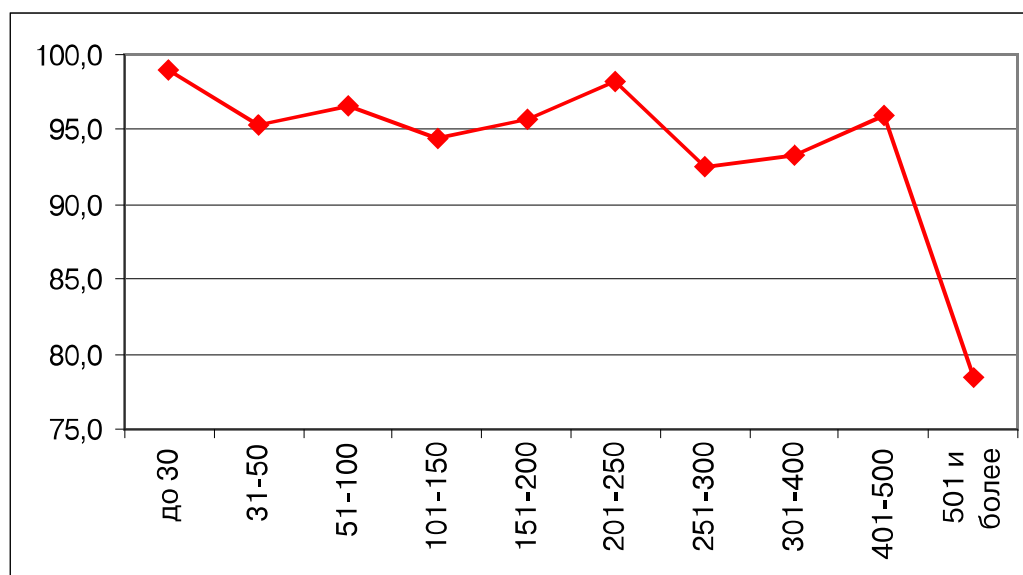

Рисунок 3. Изменение численности населения низовых АТЕ в зависимости от удаленности от регионального центра в км, Россия, 2002 г. к 1989 г., в %

населения центров ниже, чем периферии (рис. 2).

Хорошие (сравнительно с периферией) показатели динамики населения региональных центров обеспечиваются внутрирегиональной миграцией, во многих регионах имеющей выраженную центростремительную направленность¹⁶. Особенно привлекательны региональные центры для молодежи: по оценке, основанной на данных по 19 регионам страны, в 1990-е гг. миграционный прирост обеспечивал в региональных центрах увеличение численности молодежи в возрастах 15–19 и 20–24 лет на 25–30%¹⁷. Такая роль центров достигается благодаря концентрации в них учреждений среднего и высшего профессионального образования.

Группировка низовых АТЕ по расстоянию до региональных столиц (в км) демонстрирует несколько иную картину зависимости динамики численности населения по центрo-периферийному градиенту (ср. рис. 1 и 3). Наиболее резко нарастают потери населения при переходе от самого ядра центра к группе АТЕ, удаленных на 30–50 км, а также после 250 км и 500 км. При этом, с удалением от 150 до 250 км от центров потери населения сокращаются, равно как и с удалением на 300–500 км. Наиболее интенсивное сокращение населения отмечено в самой дальней периферии, на расстоянии, превышающем 500 км от центров.

Резкое падение численности населения в самой дальней периферии объясняется в первую очередь тем, что такая отдаленная периферия наличествует только в трех округах: Дальневосточном, Сибирском и Северо-Западном, наиболее интенсивно теряющих население за счет миграции в 1990-е гг. (в рамках так называемого «западного дрейфа»)¹⁸. Эта самая дальняя, наименее населенная (5,7 млн. человек в 1989 г. и 4,4 млн. в 2002 г.), но самая большая по площади территория, потеряла за последний межпереписной период почти четверть своего населения, а самая дальняя периферия Дальневосточного округа – и того больше – около трети населения (табл. 2).

Как и при выделении центра и периферии методом соседства, здесь также заметно наличие зависимости динамики численности населения от удаленности от центра в Центральном, Северо-Западном и Сибирском округах. Скачкообразно интенсивность сокращения населения в Центральном округе растет на самом ближнем удалении от центров, в Северо-Западном – при удалении на 150 и более км. На Дальнем Востоке значительный градиент наблюдается уже при удалении от центров на 30 км, а также в самой дальней периферии. В Приволжье зависимости сокращения численности населения от расстояния от региональных центров не выявляется и при данном способе расчета.

Таблица 2

Изменение численности населения низовых АТЕ по федеральным округам в зависимости от удаленности от регионального центра в км, прирост/убыль к 1989 г, в %

Удаленность от регионального центра	Федеральные округа						
	Центральный	Северо-Западный	Южный*	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Всего	-4,9	-9,7	6,8	-2,5	-3,8	-6,3	-16,6
до 30	-1,5	-3,0	7,7	-2,4	-2,0	-1,1	-6,4
31-50	-4,3	-7,8	3,1	-4,9	-6,1	-3,3	-21,3
51-100	-6,0	-5,3	6,1	-0,8	-6,2	-6,5	-19,8
101-150	-9,0	-6,0	8,3	-5,2	-9,1	-9,3	-10,1
151-200	-9,0	-14,4	7,0	-4,9	-5,4	-5,7	-9,2
201-250	-9,3	-19,4	8,8	0,6	3,4	-8,9	-18,0
251-300	-7,0	-22,1	0,2	-0,4	-15,5	-10,9	-19,2
301-400	-8,0	-14,9	4,9	-2,0	-5,7	-10,8	-15,2
401-500	-19,8	-16,5	6,5	5,0	-2,5	-4,2	-20,1
501 и более	-	-22,7	-	-5,3	-2,0	-16,4	-33,4

* не включая АТЕ Республик Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня

Что на периферии дает размер, статус города и/или райцентра?

Чем еще, кроме удаленности от регионального центра, может объясняться неравномерная динамика численности населения низовых АТЕ за межпереписной период 1989–2002 гг.? В поисках ответа на этот вопрос мы произвели некоторую кластеризацию данных, среди малых территорий были выделены:

А) города, исключая сами региональные центры. Следует оговориться, что в их число не попали ЗАТО;

В) райцентры, в их число не присутствуют те райцентры, которые одновременно являются городами республиканского, краевого, областного подчинения – они все формируют группу городов. Райцентры представлены не только городами, но и поселками городского типа, а также сельскими населенными пунктами, поэтому АТЕ этого типа нельзя сколько-нибудь однозначно отнести к городским или сельским;

С) сельское население сельских районов (включая села и поселки-райцентры), а также в составе иных АТЕ.

Отдельно не анализировалась динамика численности населения еще одного вида по-

селений – поселков городского типа (ПГТ). ПГТ – самый неустойчивый и «невнятный» тип населенных пунктов за межпереписной период. За 1989–2002 гг. число ПГТ в России сократилось с 2193 до 1842, то есть на 16%, а численность проживающих в них – с 13509 до 10513 (на 22%)¹⁹, в основном за счет преобразования ПГТ в сельские населенные пункты. Разумеется, подобные переустройства искажают также и численность сельского населения, но в гораздо меньшей степени. Часть ПГТ попали в аналитическую разработку, так как имели административный статус райцентров.

Все вышеуказанные группы АТЕ были распределены по удаленности от регионального центра (рис. 4). Получается, что гипотеза о влиянии близости/удаленности низовых АТЕ от регионального центра на динамику численности населения не работает применительно к городам.

При том, что население всех городов (исключая региональные центры) сократилось на 3%, на удаленности от центра в 200–250 км население городов увеличивалось. Анализ на уровне федеральных округов показал, что на таком удалении от центра рост населения отмечался в городах Приволжского (на 4,6%),

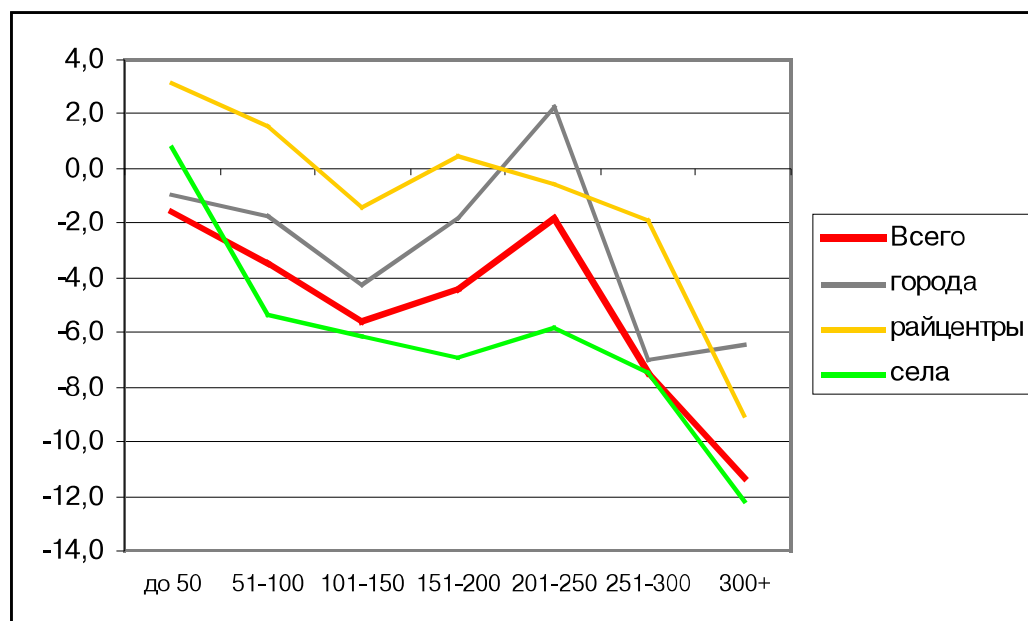

Рис. 4. Изменение численности населения городов, райцентров и сельской местности в зависимости от удаленности от регионального центра в км, Россия, 2002 г. к 1989 г., в %

Уральского (на 2,4%) и Центрального (на 0,9%) федеральных округов. В Приволжье прирастало население нескольких средних и крупных городов Татарстана и Башкортостана (Белебей, Салават, Мелеуз, Елабуга, Нефтекамск, Нижнекамск), а также небольших – Янаула и Нурлата. В Уральском округе быстро росли нефтяные Пыть-Ях, Нефтеюганск, Лянтор и Сургут. В центре – Старый Оскол.

Причины роста населения названных городов – разные. Уральские увеличивают населения за счет нефтяной экономики и притока населения со всей страны, их рост никак не связан с положением относительно центров регионов. Города Татарстана и Башкирии, видимо, – яркий пример формирования центров притяжения второго порядка. Преимущества этих городов – в устойчивой экономике, большом удалении от региональных центров, и собственной периферии со сравнительно более молодым и растущим населением. Играет роль и «наследие прошлого» – во времена спешащей советской индустриализации многие средние и некоторые малые города росли быстро и характеризовались повышенной долей молодого населения. В 1990-е гг. это обеспечило им более позитивную динамику естественного движения населения.

Однако, рассмотрение отдельно групп городов по размеру показывает, что динамика

населения малых городов все же зависит от удаленности от регионального центра (табл. 3). Не зависит от положения относительно региональных центров динамика численности населения крупных (с населением свыше 100 тыс. человек) и средних (от 50 до 100 тыс. жителей) городов. Именно эти города, обладая большой численностью населения, и вносят возмущения в центр-периферийный тренд динамики численности населения.

Подавляющая часть растущих городов расположена в Южном и Приволжском округах (табл. 4). Здесь действует еще один фактор: на динамику численности населения средних и крупных городов оказывает влияние не их положение в системе центр-периферийных координат, а общий фон изменений численности населения макрорегионов. Меньшие потери населения за счет естественной убыли обеспечивают бОльший потенциал миграции в эти города из ближайшей к ним периферии, в частности, за счет селско-городских передвижений. Росту населения способствовала также общая высокая привлекательность южных регионов страны для международных мигрантов.

За 1989–2002 гг. на большой удаленности от региональных центров положительная динамика численности населения отмечалась только у четверти малых городов, более чем у трети средних и у 43% крупных. Чем круп-

Таблица 3

Доля городов с приростом населения, в зависимости от их людности и удаленности от регионального центра, Россия, 1989–2002 гг., в % от общего числа городов в данной группе

Численность населения города в 1989 г., тыс. человек	Расстояние от центра, км		
	менее 50	50–100	100 и более
менее 50	49,5	36,4	26,7
от 50 до 100	33,3	26,9	37,1
более 100	52,6	15,8	43,1

Таблица 4

Города разной людности с растущей численностью населения, расположенные на удалении более 100 км от регионального центра, 1989–2002 гг.

	менее 50 тыс. человек		от 50 до 100 тыс. человек		более 100 тыс. человек	
	Число городов	в %	Число городов	в %	Число городов	в %
Центральный	12	18,2	3	20,0	1	25,0
Северо-Западный	14	19,4	3	23,1	1	25,0
Южный	27	69,2	13	86,7	6	85,7
Приволжский	34	38,2	14	66,7	11	78,6
Уральский	12	22,2	3	23,1	1	16,7
Сибирский	13	18,1	0	0,0	1	7,7
Дальневосточный	3	7,7	0	0,0	1	33,3
Всего	115	26,7	36	37,1	22	43,1

нее город, тем больше у него возможностей в условиях депопуляции сохранить или увеличить численность населения, вне зависимости от положения в центре или на периферии региона.

Динамика численности населения райцентров и сельского населения зависит от удаленности от региональных центров. При этом, на определенном удалении от столиц регионов отмечается сокращение потерь населения: для райцентров – на удалении 150–250 км, для сельского населения – 200–250 км. Анализ по округам показывает, что в основном этот «перелом» тенденции отмечен в Приволжском, Южном и Уральском округах (табл. 5).

Отдельно следует отметить рост численности населения, проживающего в райцентрах, в Приволжском округе. В противоположность другим округам (за исключением Южного, где рост населения отмечался по всем видам поселений), здесь росло население всех райцентров, вне зависимости от их удаленности от региональных столиц. По-видимому, рост райцентров, как и периферийных городов в Приволжье, был достигнут в результате сохраняющейся относительно неплохой демографической динамики в отдельных ключевых для округа

регионах (Татарстане, Башкортостане, Чувашской Республике)²⁰ и сохранения сельско-городских миграций, направленных не только в региональные центры, но и в небольшие по размерам города и поселки. Данная тенденция уже отмечалась в одной из работ по отдельным регионам округа²¹.

Сельское население, напротив, сокращалось повсеместно (табл. 5). Чтобы избежать возможных искажений, связанных с сильно различающимися размерами регионов и представленностью особо удаленной периферии (например, в Центральном округе доля сельского населения, проживающего на удалении более 300 км от региональных центров составляла в 1989 г. менее 3%, а в Сибири – 33% соответственно), динамика численности сельского населения отдельно проанализирована в зависимости от удаленности от центров регионов, определяемую по порядку соседства (рис. 5).

Полученные результаты не имеют серьезных отличий от расчетов по удаленности, рассчитываемой в км. Повсеместно резкие отличия в динамике численности населения отмечаются уже в районах, непосредственных соседях центра (1-го порядка), растет убыль населения и у соседей 2-го порядка. В более удаленных районах (3-го и более по-

Таблица 5

Изменение численности населения городов, райцентров и сельского населения по федеральным округам в зависимости от удаленности от регионального центра в км, прирост/убыль к 1989 г, в %

Города								
Удаленность от центра, км	Всего	Центральный	Северо-Западный	Южный	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
до 50	-0,9	-1,0	-3,6	9,5	-2,2	-4,3	-2,3	-16,5
51-100	-1,7	-4,8	2,0	3,8	3,6	-1,6	-6,9	-24,8
101-150	-4,2	-5,9	-4,3	13,7	-3,0	-9,3	-12,5	-5,7
151-200	-1,8	-1,2	-15,2	6,6	-0,9	0,9	-5,5	-12,0
201-250	2,2	0,9	-15,2	9,7	4,6	2,4	-8,8	-17,1
251-300	-7,0	-8,6	-16,9	4,5	-1,0	-14,8	-10,2	-15,9
более 300	-6,5	-2,2	-13,5	9,2	0,4	1,1	-9,8	-17,2
Райцентры								
Удаленность от центра, км	Всего	Центральный	Северо-Западный	Южный	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
до 50	3,1	1,2	5,1	13,6	2,9	3,9	4,9	-24,3
51-100	1,5	-1,5	1,4	11,7	1,7	0,6	0,4	-11,9
101-150	-1,4	-5,6	-4,4	9,8	2,5	-6,3	-3,7	-7,1
151-200	0,5	-7,9	-8,4	7,2	7,0	-2,6	-0,3	-0,1
201-250	-0,6	-2,6	-12,0	9,9	7,0	-3,7	-4,3	-19,9
251-300	-1,9	-6,3	-7,8	6,1	1,4	-11,5	-6,6	-8,3
более 300	-9,1	-6,2	-11,0	15,5	3,6	-2,7	-8,0	-27,1
Сельское население								
Удаленность от центра, км	Всего	Центральный	Северо-Западный	Южный	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
до 50	0,8	-2,7	-1,2	12,0	-0,7	0,0	5,6	-13,4
51-100	-5,4	-11,1	-11,6	8,8	-5,8	-5,0	-6,2	-9,9
101-150	-6,1	-13,5	-6,8	8,4	-6,8	-5,5	-6,1	-14,4
151-200	-6,9	-15,5	-14,6	7,7	-9,1	-13,0	-6,9	-3,6
201-250	-5,9	-15,3	-20,9	11,0	-5,0	-6,9	-8,2	-18,8
251-300	-7,4	-9,1	-12,2	-1,9	-1,4	-15,2	-11,8	-21,7
более 300	-12,2	-11,7	-17,3	3,8	-2,3	-7,9	-12,1	-31,8

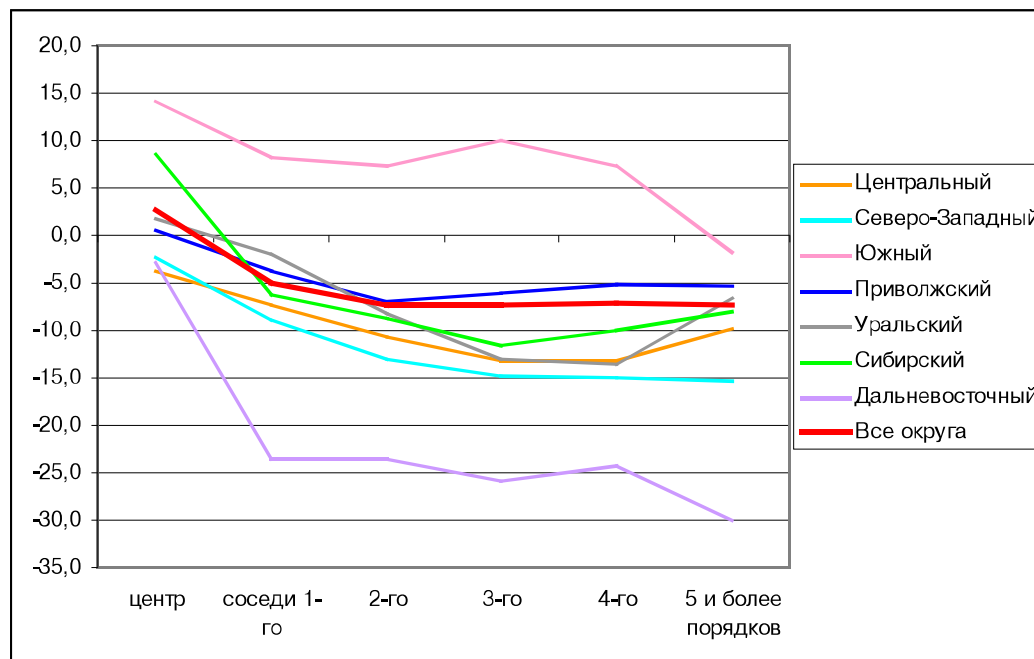

Рис. 5. Изменение численности сельского населения по федеральным округам в зависимости от удаленности от регионального центра, прирост/убыль к 1989 г., в %

рядков) потери населения перестают нарастать, а в отдельных округах (Южный, Приволжский) снижаются.

При том, что сельское население регионов России (по рассматриваемой совокупности регионов, об исключении говорилось выше в тексте) сократилось за 1989–2002 гг. на 5,8%, ближайшее к региональным центрам село имело прирост населения. Согласно нашим расчетам, сельское население в отдалении от центров менее чем на 50 км увеличилось за указанный промежуток времени на 0,8%, а сельское население районов, непосредственно примыкающих к региональным центрам – на 2,7%. Уже у соседей 1-го порядка спад численности населения составил 5%, а у более удаленных районов – около 7%. Этот спад населения тем более серьезен, что в 1990-е гг. российское село имело прирост населения за счет административно-территориальных преобразований, благодаря преобразованию пгт в сельские поселения. Кроме того, в 1990-е гг. сельское население прирастало за счет международной миграции.

Максимальные потери сельского населения отмечены у регионов Дальнего Востока, причем даже у районов, соседствующих с центром, они составляли около 25% насе-

ления. Потери сельского населения Центрального и Северо-Западного округов, начиная с районов – соседей 2-го порядка, или с удаленности свыше 50 км. от региональных центров, превышали 10% населения.

Основные выводы

Следует констатировать, что внутрирегиональные различия в динамике численности населения (и ее составляющих) по отдельным административно-территориальным единицам не менее сильны, чем межрегиональные. Между периферийными территориями разных регионов различий меньше, чем между региональными центрами, и именно эти различия определяют межрегиональную социально-экономическую дифференциацию.

Зависимость динамики численности населения малых территорий за межпереписной период 1989–2002 гг. от их удаленности от региональных столиц существует, но она не повсеместна. Сильнее всего центро-периферийные контрасты выражены в Центральном, Северо-Западном и Сибирском округах. Здесь внутрирегиональная периферия наиболее сильно подверглась влиянию депопуляции, а значимость международной миграции в 1990-е гг. была не столь велика, как в Южном и Приволжском округах. При этом региональные центры (в Центральном

округе – еще и Москва) настолько сильны, что распространяют свое притягивающее воздействие на достаточно большое расстояние. Кроме того, в Центре мало полюсов притяжения второго порядка (городов с населением более 100 тыс. человек), то есть внутрирегиональная полупериферия, дублирующие центры притяжения слабы или отсутствуют.

В регионах Дальнего Востока, Европейского Севера и в какой-то мере Сибири сильно сказывалось воздействие общестранового миграционного тренда – западного дрейфа, миграционный отток за пределы регионов, дальние миграции здесь служили главным компонентом негативной динамики населения. Сохранить население удалось только региональным центрам, в редких случаях они были способны даже расти (например, Красноярск).

Периферия оказалась вполне жизнеспособной на территории Южного и Приволжского федеральных округов. Стабилизация и даже небольшой рост населения обеспечивался лучшей демографической структурой сельского населения и сравнительно хорошими показателями естественного движения населения. Не в меньшей мере в этих округах сказалось влияние миграционного притока из постсоветских стран, который в 1990-е гг. был значительным. В остальных регионах население периферийных районов сокращается существенно более быстрыми темпами, чем центральных, что ведет к усилению внутрирегиональной населенческой поляризации, активизации центростремительных тенденций. И все-таки базовая тестируемая гипотеза о том, что с удалением от региональных центров нарастает обезлюдение, оказалась справедливой частично. Предположим несколько причин, которые могли вызывать «возмущения» в «гладкой» модели относительно равномерного снижения численности населения от центров к периферии:

- миграционный прирост России в обмене со странами СНГ, полученный в течение межпереписного периода 1989–2002 гг., был, во-первых, весьма весомым, во-вторых, по-разному распространился по территории страны. В силу экономической специфики кризисного периода, ментальности «советского человека», для которого всегда было чрезвычайно важно иметь

собственное жилье, а также государственной политики поощрения компактного и одиночного расселения в сельской местности, именно сельская местность приобрела основную часть миграционного прироста, в ряде регионов (например, в центральных областях) компенсировав естественную убыль населения. Если это предположение верно, и именно миграционный прирост сельской местности внес коррективы в модель снижения численности от центра к периферии, то в нынешний межпереписной период – 2002–2010 гг., когда зарегистрированный миграционный прирост стал существенно более низким и «городским», изначально выдвинутая гипотеза работает лучше;

- огромность пространств и разреженный характер расселенческой сети, на который ссылаются все работы, анализирующие социально-экономическую динамику, не позволяет выстраивать центрально-периферийные градиенты от центров к периферии однозначно строго. Горизонтальная связанность территории в России низка, периферия одного региона с периферией другого, хотя бы соседнего, взаимодействуют крайне слабо и сила такой связанности не росла в реформенный период. Известный российский путешественник географ-теоретик Б.Б. Родоман отмечает, что «до середины XX в. в Подмосковье из каждой деревни отходили три-четыре грунтовые дороги в соседние селения; к концу XX в. личные связи между жителями близлежащих деревень оборвались, бытовые связи направились по перпендикуляру на ближайшую твердую автодорогу, связывающие село со своим райцентром, а через него с Москвой. Прежние проселочные дороги на полях были распаханы, а в лесах сохранились в виде широких, но почти не проезжих пеших троп.»²². Притягивающая роль вторых-третьих городов в регионах (расположенных в 3–5-м кольцах от центра) для более дальней периферии в условиях фрагментарности расселения, могла оказаться тоже малозначимой;

■ качественные параметры населения, остающегося жить на периферии, таковы, что их устраивает сложившийся образ жизни. Те самые ценности и измерители жизни, выраженные через «картошку», на которые мы ссылались выше, могут предопределять низкую миграционную мобильность в средней и большой удаленности от региональных центров. В 1990-е гг. социально-экономическая ситуация здесь в подавляющем большинстве случаев была плохой²³, рынок труда узким, эффективность производства низкая (в частности, по расчетам К.Р. Гончар, средняя производительность труда в расчете на одного занятого в России падает с уменьшением размера поселения²⁴), но не катастрофично плохой, чтобы массово «вымывать» ментально полуаграрное – полугородское население. Застойную ситуацию усиливала повсеместно низкая инфраструктурная обеспеченность территории.

Таким образом, миграционная компонента динамики численности населения могла здесь не иметь большого значения, а естественные процессы по мере прохождения через рубежи первого демографического перехода населенчески дифференцируют пространство всё в меньшей степени.

Динамика численности населения крупных и средних городов, в отдельных частях страны (Приволжье, юг) – и райцентров, мало зависела от их положения относительно центров регионов. Эти поселения сами являлись малыми, локальными центрами, что давало им возможность получать подпитку за счет миграции. Таким образом, центр-периферийные взаимодействия в регионах усложняются наличием центров второго-третьего порядков, но в целом градиент работает. Четко прослеживается зависимость динамики численности населения от удаленности от региональных столиц у сельского населения, населения малых городов, и, учитывая вышеназванное исключение – у райцентров.

Примечания

1. Thünen I. Die isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie. – Berlin., 1826–1863.
2. Friedmann J. Regional development policy. – Boston: Mass. Inst. Techn., 1966. – 317 p.
3. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Тревиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991.
4. Тревиш А.И. Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. – М.: УРСС, 2001. С. 3-9, 39–66; Тревиш А.И., Нефедова Т.Г. Районы России и других европейских стран с переходной экономикой. Сер. «Россия 90-х: проблемы регионального развития». Вып. 1. – М.: ИГ РАН, 1994; Тревиш А.И., Нефедова Т.Г. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – М.: МГУ, 2002; Зубаревич Н.В. Регион как субъект политики и общественных отношений (ред.). – М.: МОНФ, 2000; Зубаревич Н.В. Изменения сельского образа жизни в кризисный период // Социально-экономические и экологические проблемы развития сельской местности. Матер. Межд. Науч. Конф. Часть 1. – Саранск, 2000; Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: УРСС, 2003; Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003; Нефедова Т.Г., Иоффе Г.В. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 6. и др.
5. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.
6. Тревиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф, 2009. – С. 274–279.
7. Хамзина Г.Р. Социальное время перемен: взгляд из региона // Социс. – 2004. – № 9.
8. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 251.
9. Нефедова Т.Г., Тревиш А.И. Между городом и деревней // Мир России. – 2002. – № 4. – С. 63.
10. Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 1: Приволжский федеральный округ / Под ред. С. Артоболевского и Ж. Зайончковской. – М., 2004. – 212 с.; Тревиш А.И., Нефедова Т.Г., Махрова А.Г. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: «Новый хронограф», 2008, 344 с.
11. Распоряжение Правительства РФ от 4 января 1994 г. № 3-р (без названия).

12. Всероссийская перепись населения 2002 г. Т.1. Численность и размещение населения Приложение 1: Изменения в административно-территориальном устройстве субъектов Российской Федерации за 1989–2002 годы.
13. Бородина Т.Л. Региональные особенности динамики населения и её компонентов во второй половине XX века // Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. – М.: О.Г.И., 2005. – С. 268.
14. Мкртчян Н. Перепись населения на юге России: откуда взялся лишний миллион населения? // Демоскоп Weekly № 155-156, 19 апреля – 2 мая 2004 г. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/analit04.php>; Максудов С. Население Чечни: права ли перепись? // Население и общество. Бюллетень ЦДЭЧ №96, декабрь 2005 г. <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps96.pdf>; Богоявленский Д. Все ли российские народы верно посчитали: // Демоскоп Weekly №319-320, 4-17 февраля 2008 г. <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php>
15. РСФСР: административно-территориальное деление на 1 января 1986 г. Статистический справочник. – М.: Президиум ВС РСФСР, 1986. 512 с. В необходимых случаях использовались данные открытых Интернет-источников.
16. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграционная ситуация в староосвоенных регионах России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: МАКС Пресс, 2006. С. 535–559; Мкртчян Н.В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации) // Региональные исследования. – 2008. – № 2. – С. 21–38.
17. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989–2002 годы) // Экономико-географическое положение и территориальные структуры: проблемы изучения. Под ред. П.М. Поляна, А.И. Трейвиша (в печати).
18. Мкртчян Н. Миграция в России: западный дрейф // Демоскоп Weekly. №185-186. 10–23 января 2005 г. <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema01.php>
19. Население России 2003-2004. Одиннадцатый-двенадцатый демографический доклад /Под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Наука, 2006. – С. 30.
20. В этих регионах и сельское хозяйство весьма жизнеспособно. Подробнее См.: Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003. – С. 142–146.
21. Артоболевский С.С., Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Современные миграционные процессы в ПФО // Миграционная ситуация в регионах России. Вып.1 Приволжский федеральный округ. Под ред. С. Артоболевского и Ж. Зайончковской. – М., 2004. – С. 31–72.
22. Родоман Б.Б. Морфология и динамика российского пространства / Поляризованная биосфера: Сборник статей. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – С. 315–316.
23. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: УРСС, 2003. С. 152–157.
24. Гончар К. Промышленность на выселках. Интервью Онекс.ру. 29 апреля 2010 г. <http://oneks.ru/1245752.html>

Т.Ф. Крейденко, М.Н. Миронова
(г. Москва)

СОВРЕМЕННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Kredencko T.F., Mironova M.N. (Moscow)

MODERN REGIONAL FEATURES OF SMALL BUSINESS DEVELOPMENT IN RUSSIA

Аннотация. В статье рассмотрены особенности развития российского малого предпринимательства в контексте международных сравнений. Проанализированы региональные диспропорции малого предпринимательства в России. Выполнен анализ динамики отраслевой структуры малого бизнеса в региональном аспекте.

Abstract. The article focuses on regional peculiarities of Russian small businesses development in the context of international comparisons. Regional disparities of small business in Russia have been analyzed in the article and the author provides the analysis of the dynamics of small business branch structure in the regional context.

Ключевые слова: малое предпринимательство, региональные особенности развития малого бизнеса, уровень занятости в малом бизнесе, отраслевая структура малого бизнеса.

Key words: small business, regional peculiarities of small business development, level of employment in small business, branch structure of small business.

Развитие малого предпринимательства обеспечивает экономике страны необходимую гибкость и адаптивность, решает проблемы реструктуризации экономики, формирования и насыщения рынка потребительских товаров, формирует средний класс, и тем самым создает условия для обеспечения политической стабильности в обществе. Высокоразвитый малый бизнес создает новые рабочие места, смягчает последствия безработицы, рационализует структуру экономики.

В экономически развитых странах на долю малого предпринимательства приходится 99% от всех субъектов экономики, более 50% производимого ВВП, 50-70% занятого населения, производство около 30% экспортной продукции. [2,7] Однако, в современной России уровень его развития низкий. В РФ малый бизнес в 2000-е гг. обеспечивает рабочими местами менее 17% работающего населения, производит 13-17% ВВП страны и менее 5% продукции на экспорт (в 3-4 раза ниже, чем в экономически развитых странах) [2].

Существуют объективные барьеры для развития малого предпринимательства в России: относительно недавние традиции в организации своего дела и ведении бизнеса, низкий уровень накопления капитала большинства населения страны, неурегули-

рованная правовая база развития и налогообложения, недостаточное государственное стимулирование его развития, ограниченный доступ к недвижимости и финансовым ресурсам, слабая консультационная и инфраструктурная база, пр. Важную роль играют именно институциональные барьеры; среди них есть не только общие для всей страны, но и дифференцированные по регионам, поэтому число малых предприятий и уровень занятости в малом бизнесе могут служить индикаторами предпринимательского климата. [6] В региональном аспекте на развитие малого бизнеса в РФ оказывает также влияние потребительский спрос на его товары и услуги, который зависит от доходов населения и уровня урбанизации, степени развития крупного бизнеса, др. Условия для развития бизнеса в стране крайне различны, активность функционирования малого предпринимательства и его особенности имеют серьезные диспропорции.

Для анализа состояния малого бизнеса в регионах доступны данные только по малым предприятиям без учета предпринимателей без образования юридического лица (ПБО-ЮЛ) и крестьянских (фермерских) хозяйств. Однако анализ даже одних малых предприятий позволил отразить общую картину и выделить географические особенности раз-

вития малого бизнеса в России. Основными показателями развития малого предпринимательства в России, доступными и возможными для регионального анализа, являются число малых предприятий на 1000 чел., доля занятых в малом бизнесе в общей численности занятых в экономике и отраслевая структура малого предпринимательства.

Обеспеченность малыми предприятиями. По числу малых предприятий на 1000 чел. Россия занимает одно из последних мест среди развитых стран мира и стран с динамично развивающимися экономика – среднероссийское значение показателя составляет 9,5 предприятий на 1000 чел. в 2008 г. [4]. Для сравнения в странах Европы данный показатель равен 45 предприятиям, в США – 74,2, Японии – 49,6 [8].

Однако, за период 2000–2008 гг., характеризовавшийся общим подъемом экономики, обеспеченность малыми предприятиями в стране увеличилась в 1,6 раз. При этом следует отметить крайнюю региональную неравномерность и разнонаправленность роста данного показателя. В 2000 г. 83% субъектов России были обеспечены предприятиями малого бизнеса ниже среднего показателя по стране (6 предприятий на 1000 жителей). Разрыв между максимальной и минимальной обеспеченностью превышал 33 раз: в г. Санкт-Петербург – 23,2 предприятий на 1000 жителей, в республике Ингушетия – 0,7. За исследуемый период самый значительный рост показателя отмечен в субъектах Приволжского округа (в среднем по округу – в 2 раза, в том числе, в Нижегородской области – 3,7 раза, Чувашии, Кировской области – 3,5 раза). Максимальный рост показателя отмечается в республике Ингушетия – почти в 5 раз (связанный с так называемым «эффектом низкого старта»). Рост показателя в Белгородской, Курской, Смоленской области связан со значительным сокращением численности населения (на 10 % за исследуемый период) при продолжающемся росте количества предприятий. В тоже время сократились его значения в республиках Северной Осетии и Калмыкии (вызванное максимальным сокращением количества предприятий в стране – на 50% за исследуемый период), Ямало-Ненецком автономном округе, Сахалинской и Магаданской областях (в связи с сильными позициями крупного бизнеса в регионах с добывающей промышленностью,

ориентированной на экспорт). К 2008 г. из группы лидеров также вышли и Московская и Ленинградская области, вызванное, по видимому, более медленными темпами роста показателя при уже сложившейся структуре малого предпринимательства в регионе.

В 2008 г. обеспеченность малыми предприятиями в большинстве регионов страны (86%) продолжает оставаться ниже среднероссийской. Однако, региональные различия по данному показателю резко сократились и стали 15-кратными: максимальные показатели характерны для регионов Северо-Западного и Центрального федеральных округов (самое высокое в Санкт-Петербурге – 22,7 предприятий на 1000 жителей), минимальные – Южного (Республика Дагестан – 1,5).

Лишь 12 субъектов Российской Федерации отличаются более высоким, чем среднее значение в стране, показателем числа малых предприятий на 1000 жителей. Это – Санкт-Петербург, Калининградская область, Москва, Новосибирская область, Приморский край, Самарская область, Красноярский край, Ярославская область, Республика Удмуртия, Волгоградская область, многие из которых – ведущие по социально-экономическим показателям регионы России. Самые низкие значения показателя характерны преимущественно для ряда субъектов Южного, Дальневосточного и Сибирского федеральных округов (Дагестан, Калмыкия, Чеченская республика, Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чукотский АО, Хакасия, Якутия, Тыва, Еврейская автономная область). Данные регионы характеризуют наиболее низкий уровень социально-экономического развития, преимущественно сельский образ жизни населения, не нуждающегося в большинстве товаров и услуг, предоставляемым малым предпринимательством страны, отсутствие на территории крупных городов и городских агломераций, а также часто теневой характер малого предпринимательства, искажающий данные статистичности (рис. 1).

Уровень занятости в малом бизнесе. В среднем по России за 2000–2008 гг. доля занятых малым бизнесом в общей численности занятых выросла на 6,5 процентных пунктов и составила 16,7%. Это обусловлено общим увеличением среднедушевых доходов населения и активизацией развития

Рис. 1. Число малых предприятий в расчете на 1000 чел. в регионах России (2008 г.) [4]

отраслей, ориентированных на внутренний спрос, в связи с ростом экономики страны, сменившим годы спада 1990-х годов. Максимальную занятость демонстрируют Центральный и Северо-Западный федеральные округа (выше, чем в среднем по России), обладающие наиболее активным «столичным» населением. Но наиболее быстро росла доля занятых малым бизнесом в Приволжском федеральном округе (Татарстан и Башкортостан увеличили долю занятых с 2002 г. к 2008 г. более чем в 3 раза). Это связано, в первую очередь с региональной поддержкой развития малого бизнеса в этих субъектах. По данным Всемирного банка, например, к 2009 г. Казань заняла первое место среди крупнейших городов России по возможности организации малого и среднего бизнеса [1].

К 2008 г. в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации (76%) уровень занятости в малом бизнесе колебался от 10% до 20% от общей численности занятых в регионе. Межрегиональные различия в показателе достигали 12,5 раз: максимальное значение – в г. Москва (30,1%), минимальное – в Чеченской республике (2,4 %). Лишь несколько регионов страны выделялись повышенными значениями показателя. Лидирующее положение занимали «федеральные» города с быстро растущим сектором услуг.

По мнению Зубаревич Н.В., в регионах с относительно развитым малым бизнесом заметно влияние объективных факторов местоположения – наличия или соседства крупнейших городов (Татарстан, Башкортостан, Нижегородская, Самарская, Волгоградская, Московская области), приграничного положения (Калининградская, Ленинградская области), хотя на развитие влияли и субъективные факторы, например, налоговые льготы, полученные от федеральных властей [6].

Российские регионы с низким уровнем занятости в малом бизнесе представляют собой две основные группы регионов. Для регионов со слабо развитым малым бизнесом более значимы институциональные ограничения – консервативный тип политического режима, доминирование теневой экономики (республики Северного Кавказа.) В слабо заселенных северных и восточных регионах заметную роль играют объективные ограничения – малочисленность крупных городов, низкая доходность малого бизнеса, а в ресурсно-экспортных регионах – альтернативные возможности трудоустройства в добывающих отраслях промышленности с высокой оплатой труда (рис. 2).

Отраслевая структура малого бизнеса РФ и ее динамика. Одной из важнейших особенностей развития экономики является сба-

Рис. 2. Доля занятых малым бизнесом в общей численности занятых по регионам России в 2008 г., в %. [4]

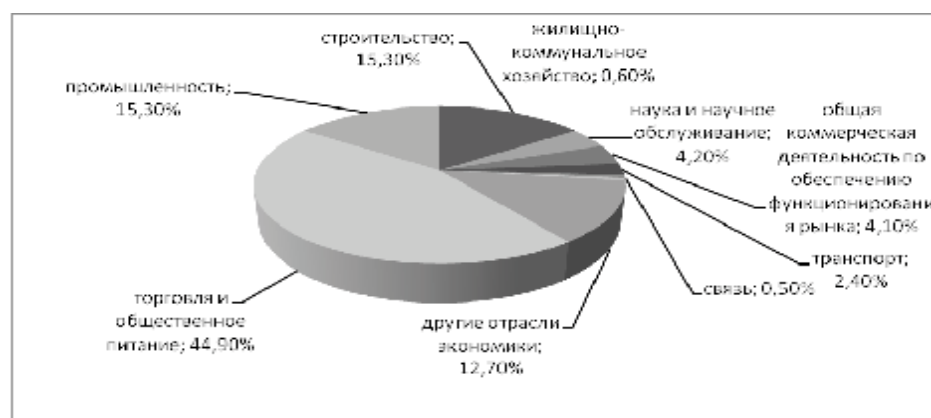

Рис. 3. Доля количества предприятий различных отраслей в общей структуре малого предпринимательства России, в % (2000 г.) [3]

лансированная отраслевая структура малого бизнеса страны. Так, в экономически высокоразвитых странах мира уже сложилась классическая структура постиндустриальной экономики, в которой до 40–50% от общего количества малых и средних предприятий производят услуги, на промышленность и строительство приходится от 10 до 20% общего количества предприятий, около 5% — доля сельскохозяйственных предприятий, и только 15–25% — занимается торговлей [5].

Отраслевая структура малого бизнеса в России, сложившаяся к концу 90-х гг., от-

личалась гипертрофированным развитием торговли, промышленности и строительства, удельный вес которых в 2–1,5 раза превышает значения развитых стран (рис. 3).

Из общего количества малых предприятий к 2000г. наибольшую долю (44,9%) составляли предприятия торговли и общественного питания. Привлекательность для бизнеса данной сферы объясняется, прежде всего, относительно быстрой окупаемостью вложенных средств, стабильным потребительским спросом. В промышленности и строительстве насчитывалось в общей слож-

Таблица 1

Показатели отраслевой структуры малого предпринимательства России в 2008 г. (в % к общему числу) [3]

	Обрабатывающие производства	Строительство	Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	Транспорт и связь	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	Прочие отрасли
Количество предприятий	10,6	11,8	42,3	5,2	17,4	11,8
Численность занятых	16,2	15,7	32,5	5	15,4	14,6
Оборот предприятий	9,7	9	67,3	2,9	6,5	4,1

ности 30,6% от числа всех малых предприятий России (по 15,3%) [3].

За десятилетие 1998–2008 гг. наиболее существенное сокращение удельного веса занятых произошло в обрабатывающих производствах (на 6,8 процентных пунктов) и в строительстве (4,9), наименее – в торговле (на 1,4). В то же время в малом бизнесе выросло значение операций с недвижимым имуществом, а также транспорта и связи. К концу первого десятилетия XXI в. отраслевая структура малого предпринимательства России в целом претерпела незначительные изменения. В 2008 г. на долю трех ведущих отраслей (торговля, операции с недвижимостью, строительство) приходилось более 70 % количества малых предприятий, с абсолютным лидерством в структуре предприятий оптовой и розничной торговли и ремонтных предприятий (45%). Это объясняется тем, что, начиная с 2005 г., в результате сокращения темпов роста численности промышленных предприятий в малом бизнесе, на второе место переместились предприятия, занимающиеся операциями с недвижимостью (число которых выросло в 2005 г. в 5 раз по сравнению с 2004 г.) [4] (Таблица 1). В экономически развитых странах данные отрасли занимают в общей сложности не более 50%, при этом на долю торговли приходится менее ¼ всех предприятий малого бизнеса [5].

Неравномерно распределяется численность работников этой сферы и по видам экономической деятельности. в 2008 г. из всей совокупности занятых малым предпринимательством по стране 32,6% аккумулировались в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, 16,3% заняты в обрабатывающих производствах, 15,8% – в строительстве.

В последние годы рассматриваемого десятилетия отмечалась устойчивая тенденция сокращения доли занятых на малых предприятиях в обрабатывающих производствах не только по России в целом, но уже и во всех округах. Основной причиной данной ситуации являются низкий конкурентный потенциал малого бизнеса по сравнению с крупным и экспортом по качеству и себестоимости продукции. С 2006 г. по 2008 г. максимальные потери наблюдались в Центральном федеральном округе (с 20,5% до 16,2%), минимальные – в Северо-Западном, но лишь за счет более медленного сокращения удельного веса обрабатывающих предприятий в структуре малого бизнеса в округе (с 20,5% до 18,3%). Данная ситуация обусловлена дифференциацией региональных условий регулирования предпринимательской деятельности. Согласно исследованиям Всемирного Банка, из 10 возможных городов на звание городов-оазисов для бизнеса в

Таблица 2

Эффективность работы малых предприятий России в 2008 г. по видам экономической деятельности [2]

	Обрабатывающие производства	Строительство	Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	Транспорт и связь	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	Научные исследования и разработки	Средний показатель МП
Оборот предприятий на 1 чел. (млн. руб.)	1	0,9	3,4	1	0,7	1	1,6
Оборот на 1 предприятие (млн. руб.)	12,7	10,7	22,1	7,4	5,3	7,3	13,9

России самые сложные условия – в Воронеже и Москве. В Москве для создания нового предприятия необходимо 30 дней, затратить 2,7% от доходов на душу населения, чтобы получить разрешения на строительство – 704 дня, 52 дня, чтобы зарегистрировать собственность и заплатить 0,2% от стоимости имущества. По совокупности показателей создания компании, получения разрешений на строительство, регистрации собственности, международной торговли, лучшие условия для развития бизнеса в Казани, Твери и Петрозаводске [1].

Лидером по стоимостным объемам произведенной продукции малого бизнеса является промышленность. В 2000 году всеми малыми предприятиями было произведено продукции (работ, услуг) в фактических ценах на сумму 613,6 млрд. рублей, что составило 6,2% от общего объема произведенной в Российской Федерации продукции (работ, услуг). Из них более 30% – это продукция промышленного производства, 25,4% – торговля, 22,9% – строительство. В числе промышленных малых предприятий лидерами были – машиностроение и обработка (36,6%), лесная, деревообрабатывающая и целлюлозобумажная (14%), пищевая промышленность (13,3%). Эти предприятия обеспечивали россиян следующими основными видами продукции машиностроения (товары бытового назначения, электротехника и пр.),

пищевой (колбасные, мясные, кондитерские и хлебобулочные изделия), легкой (постельное белье и швейные изделия) и деревообрабатывающей (мебель и пиломатериалы) отраслей.

Значительным было количество малых предприятий, занимающихся инновационной деятельностью. По оценке экспертов, в инновационной сфере функционировало более 100 тыс. малых предприятий с численностью занятых около миллиона человек. В радиоэлектронике и приборостроении более 30% малых предприятий были связаны с разработкой и внедрением новой продукции и технологий [3].

Оборот малых предприятий в 2007 г. составил менее 20% от общего оборота предприятий России. По данному показателю место торговли в отраслевой структуре малого бизнеса более значительно. В 2007 г. 71,1 % от всего оборота малых предприятий составили предприятия торговли, доля которых быстро увеличивалась за последние 10 лет. Второе и третье место занимала промышленность (9,8%) и строительство (9,1%). В 2008 г., оборот торговли несколько снизился – до 67,3% [4].

При этом, к наиболее экономически эффективно работающим в малом предпринимательстве России можно отнести лишь предприятия оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (Таблица 2).

Негативные тенденции изменения отраслевой структуры малого бизнеса касаются главным образом промышленного производства, что сказывается на социально-экономической ситуации в регионах в целом. К 2008 г. отраслевая структура обрабатывающей промышленности по количеству предприятий в малом предпринимательстве изменилась. На первое место переместились предприятия пищевой промышленности (13,7%), на второе – целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность (12,7%), и только на третьем оказались – производство машин и оборудования (11,3%). Уменьшение в 3 раза доли предприятий машиностроения связано не с ростом более высокими темпами в других отраслях промышленного производства, а с сокращением самого числа машиностроительных предприятий малого бизнеса более, чем в 3 раза. (с 49,9 тыс. до 16,3 тыс.).

По размерам оборота предприятий безусловное лидерство также в настоящее время принадлежит пищевой промышленности, которая превосходит по данному показателю в 1,7 раз производство машин и оборудования, металлургическое производство и производство готовых металлических изделий (вторая и третья позиция).

Безусловно, есть ряд отраслей, в которых развитие малого предпринимательства не имеет перспективы. В ряде производств топливно-энергетического комплекса это связано, в первую очередь, с высокой капиталоемкостью основных фондов, большой инерционностью инвестиционного цикла, уникальностью отдельных агрегатов с большой единичной мощностью и технологической невозможностью выделения их из состава предприятия. В химическом комплексе развитие малого бизнеса ограничивается высокой пожаро- и взрывоопасностью многих химических процессов, экологической опасностью, вредными условиями труда, возможностью использования технологий в запрещенных целях.

Но в наукоемких отраслях с диверсифицированным производством (точное машиностроение, радиоэлектроника и приборостроение) возможно наиболее масштабное участие малых предприятий в производственных процессах. В отрасли электронной оптики перспективен выпуск малыми предприятиями определенных видов комплек-

тующих изделий. Кроме этого, возможно обслуживание основных производственных процессов малыми предприятиями в цветной и черной металлургии (выведение ремонтных, ремонтно-строительных служб, энергетического обслуживания из состава основного производства путем создания малых предприятий приводит к удешевлению цены продукции).

Одним из следствий способности предприятия производить конкурентоспособные товары (работы, услуги) и успешно действовать на международных рынках является экспорт продукции. Одной из самой высокой конкурентоспособностью на мировом рынке обладает продукция химической промышленности, доля экспорта в которой составляет 20,6% от выручки малых и средних предприятий России. Поэтому в данной отрасли доля конкурентоспособных компаний превышает 45%. В пищевой промышленности (лидере отраслевой структуры предприятий малого бизнеса в обрабатывающей промышленности) экспорт составляет 2,4%, а доля конкурентоспособных компаний – 10–12%. [2].

Региональные особенности отраслевой структуры малого бизнеса в целом отражают общероссийские тенденции. Практически во всех регионах России доля обрабатывающей промышленности малого бизнеса крайне низка (среднероссийский показатель доли числа предприятий обрабатывающей промышленности в общем количестве предприятий малого бизнеса в 2008 г. – 10,6%). Самая высокая доля обрабатывающих предприятий (более 15%) характерна для отраслевой структуры малого предпринимательства 9 регионов: республики Северная Осетия (максимальное значение для России – 19,5%), Кабардино-Балкария, Марий-Эл и Дагестан, Калужскую, Кировскую, Костромскую, Ивановскую, Владимирскую области, где сложилась специализация промышленного производства на машиностроении и пищевой промышленности. Самую низкую долю (менее 8%) имеют 8 регионов: Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Чукотский автономный округ, республики Коми и Саха, Свердловская область, Хабаровский и Приморский края. В данных регионах в связи с технологическими особенностями промышленного производства в металлургии и добыче

минеральных ресурсов доля промышленности в малом бизнесе крайне мала.

Практически во всех регионах России за 2000-е гг. сократилась доля предприятий обрабатывающей промышленности. Исключение в 2007 г. составили лишь Смоленская область, Москва, Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Чувашия, Омская обл., в которых отмечен рост доли предприятий обрабатывающей промышленности в связи со значительной поддержкой региональных властей данного сектора экономики и активным созданием в 2005–2006 гг. на территориях регионов бизнес-инкубаторов и индустриальных парков. [10]

Самые высокие показатели доли предприятий, занимающихся строительством (при среднероссийских показателях – 11,9%), показывают регионы Северного Кавказа: Чеченская республика и Ингушетия (54,3% и 39,7% соответственно), где активно ведутся восстановительные и пр. работы. В 17 субъектах России на долю строительных предприятий пришлось более 15% из зарегистрированных, а в 14 регионах – менее 10%. К 2008 г. наиболее значительно выросла доля строительства в основном в регионах Южного федерального округа (республики Адыгея, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Чеченская, Краснодарский край), что связано также и с подготовкой к Олимпиаде 2014 г., активным развитием курортного хозяйства.

Несмотря на сокращение удельного веса предприятий торговли за 5 лет (с 2003 г. до 2008 г.) почти на 4,5 процентных пункта (с 46,8% до 42,4%), она продолжает оставаться крайне высокой. Самые высокую долю предприятий торговли (более 45%) в отраслевой структуре малого предпринимательства имеют 14 субъектов. Эти субъекты являются преимущественно регионами с крупными городами и высокими доходами населения (Свердловская обл. с максимальным значением – 56,6%, г. Москва, Санкт-Петербург, Челябинская, Новосибирская, Липецкая и Воронежская области, Республика Удмуртия), а также регионы с низким уровнем социально-экономического развития и малодиверсифицированной отраслевой структурой экономики (Орловская, Тамбовская и др. области).

Самая низкая доля предприятий торговли характеризует отраслевую структуру

малого бизнеса республик Северного Кавказа (по-видимому, в связи с пониженной долей городского населения) и ресурсно-экспортных регионов, где более привлекательными является трудоустройство на предприятиях добывающих отраслей. Менее 30% на долю предприятий торговли приходится в Курганской обл., Якутии, Чеченской республике, Ненецком автономном округе. Значительно выросла за рассматриваемый период доля торговли в отраслевой структуре предприятий Уральского и Дальневосточного округов. На Дальнем Востоке только республика Якутия, Хабаровский край, Еврейская автономная область уменьшили долю торговли, что является в первую очередь результатом введения в 2008 году новых критериев малых предприятий и увеличения числа занятых торговлей в малом бизнесе в 2 раза (до 100 чел.).

Максимальные значения доли сферы транспорта и связи характерны для отраслевой структуры малого бизнеса Чукотского и Ненецкого автономных округов, Магаданской и Сахалинской обл., Приморского края – более 10% (при среднем по России – 5,4%). Самые низкие показатели – менее 3 % – в республиках Чеченская, Ингушетия и Удмуртская. При этом доля занятых на транспорте увеличилась по всем субъектам страны, за исключением Калмыкии.

Самая динамичная отрасль малого бизнеса России – операции с недвижимостью и арендой. Более 20% предприятий малого бизнеса Омской, Томской, Московской областей и республики Коми работают в данной отрасли. А в республиках Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Чеченская, Камчатском крае – менее 10%.

Одной из самых перспективных отраслей развития малого предпринимательства в экономически развитых странах является научно-исследовательская деятельность. Ситуация, складывающаяся же в данной сфере деятельности малого предпринимательства в России, является критической. Если в 2000 г. на предприятия, работающие в сфере науки и научного обслуживания, приходилось 4,2% и 2,6% от всей произведенной продукции малыми предприятиями, то к 2008 г. эта доля сократилась до 0,9%.

Более 1% в отраслевой структуре малого бизнеса на научно-исследовательские предприятия приходится лишь на 6 субъектов:

Рис. 5. Региональная структура размещения научных и научно-исследовательских предприятий малого бизнеса России (2008 г.) [2]

самые высокие показатели имеют г. Москва (1,94%), Томская обл. (1,82%), Калужская обл. (1,47%), г. Санкт-Петербург (1,44%), Московская обл. (1,27%), республика Татарстан (1,01%). Показатель доли выше или равного среднероссийскому имеют еще три субъекта – Башкортостан (0,98%), Свердловская, Нижегородская области (по 0,9%). Все эти регионы – крупные центры науки и образования страны, отличаются высоким уровнем внедрения инноваций в экономику.

Особо следует отметить и высокую концентрацию малых научных предприятий в крупнейших экономических центрах России – 50% всех малых научных предприятий расположено в г.Москве и г. Санкт-Петербурге. На 10 субъектов, лидирующих по количеству научно-исследовательских предприятий, приходится 72% всех предприятий такого рода в малом бизнесе. В то время, как в 50 субъектах на долю научно-исследовательских предприятий приходится менее 0,5%. А в 9 субъектах данные показатель составляет менее 0,2% (Ингушетия, Адыгея, Алтай, Хакасия, Карачаево-Черкесская, Чеченская республики, Сахалинская, Костромская области, Камчатский край). Отсутствуют предприятия малого бизнеса в области научных исследований и разработок в Ненецком автономном округе, Еврейской автономной области, республике Калмыкия, Псковской области. Экономика данных регионов характеризуется отставанием в социально-экономическом развитии, для них характерны низкая эффективность хозяйственной деятельности,

слабый научно-технический потенциал, малоразвитая социальная сфера. Показатели работы данной сферы малого бизнеса крайне низкие – в большинстве регионов Южного и Дальневосточного федеральных округов оборот таких предприятий – менее 0,1 % от всего оборота предприятий малого бизнеса региона.

По мнению президента Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ» Борисова С.Р., одной из главных причин такой ситуации является то, что малый бизнес в промышленности и технологиях России сегодня существует сам по себе [5]. Связь с якорными предприятиями отрасли и региона крайне редкое явление. Инновационные разработки практически не применяются на практике. Слишком часто между созданием инновации и ее промышленным внедрением проходит столько времени, что инновационная составляющая утрачивается. Из инфраструктурных достижений в сфере поддержки малого бизнеса можно пока говорить только о бизнес-инкубаторах. Но это – не промышленность. Это площадки для стартующего бизнеса, а успешный старт не является гарантией дальнейшего развития [5].

Вклад российских малых компаний в инновации находится на очень низком уровне, в пределах статистической погрешности. Например, доля малых предприятий в затратах фирм на НИОКР в обрабатывающей промышленности составляет всего около 2,1% [10]. В развитых странах малый бизнес вносит больший вклад в инновации. Даже во Франции,

где традиционно преобладающей моделью, поддерживаемой государством, были крупные предприятия, эта цифра в 2008 г. была в два раза больше – 4,2%. В более «предпринимательских» странах – США, Германия, Италия – она превышала 5%, а в таких странах, как Канада, Великобритания, Испания и Финляндия оставляла более 10% [9].

Выводы. Основными современными особенностями и направлениями регионального развития малого предпринимательства в России являются:

- в период конца 20 – начала 21 века показатели развития этого сектора экономики страны демонстрируют тенденцию к росту. С 1998 по 2008 гг. компании малого бизнеса России обладали темпами роста, превышающими общеэкономические показатели. Ежегодное увеличение занятых в секторе малых компаний в 8 раз выше, чем по всем компаниям, а инвестиционная активность в 3 раза больше ежегодных темпов роста инвестиций в основные фонды по экономике в целом. Удельный вес прибыльных малых предприятий в обрабатывающих производствах, в производстве и распределении электроэнергии, оптовой и розничной торговле, транспорте и связи выше, чем в крупных и средних предприятиях того же профиля [7];
- однако, в настоящее время общее количество предприятий малого бизнеса в расчете на 1000 жителей, по крайней мере, в 5 раз ниже, чем в развитых странах мира, а преобладающее количество российских регионов имеют более низкую обеспеченность малыми предприятиями, чем в среднем по стране. Уровень занятости в малом бизнесе России также отстает от аналогичного показателя развитых стран в 4 раза и почти в 80 % субъектов Российской Федерации – ниже средне-российского;
- межрегиональные различия в уровне развития малого предпринимательства 15-кратны. Наиболее развит малый бизнес в регионах Центральный и Северо-Западный федеральных округов России с высокими средне-

душевыми доходами населения и содействием региональных властей в организации малого предпринимательства, располагающими крупными городскими агломерациями или выгодным приграничным положением. Слабым развитием малого предпринимательства отличается ряд регионов Южного, Дальневосточного и Сибирского федеральных округов, которые можно условно разделить на 2 основные группы регионов: с низким уровнем социально-экономического развития, высокой долей сельского населения и зачастую теневым способом ведения бизнеса или высокой возможностью трудоустройства в экспортных отраслях промышленности с высокой оплатой труда;

- отраслевая структура малого бизнеса России специфична и характеризуется преимущественным развитием четырех основных сфер деятельности – торговли, операций с недвижимостью, строительством и промышленностью. При сравнении отраслевой структуры малого предпринимательства России с развитыми странами видно, что у нас выше в 2 раза доля занятых в торговле и ниже в 2 раза – в сфере услуг, в 5 раз – в сфере науки и информационных технологий, в 5 раз – в здравоохранении и сфере социальных услуг [2,7]. При этом, удельный вес промышленности имеет тенденцию к уменьшению, а операций с недвижимостью – росту. Такая структура деятельности обусловлена в основном относительно быстрой окупаемостью вложенных средств и ориентацией на потребительский спрос;
- анализ региональных особенностей отраслевой структуры малого предпринимательства выявил повышенный удельный вес промышленности лишь в 11% субъектов России, специализирующихся на общем и среднем машиностроении, а также легкой промышленности. Пониженная доля промышленных предприятий сложилась преимущественно в регионах специализирующихся на добыче минеральных ресурсов.

С точки зрения перспектив развития малого бизнеса можно выделить две наиболее перспективные группы регионов:

- крупногородские и некоторые приграничные регионы, в которых объектив-

ные условия для роста занятости в малом бизнесе наиболее благоприятны;

- более плотно заселенные регионы, республики Поволжья и Северного Кавказа.

Библиографический список:

1. Ведение бизнеса в России в 2009 г. // <http://www.doingbusiness.org>
2. Ерошин А.М. Экспортный потенциал малого и среднего бизнеса России и меры государственной поддержки. http://www.aisme.ru/doc/080705_Article_1.pdf
3. Малое и среднее предпринимательство в России. 2003: Стат. сб. / Росстат. – М., 2003.
4. Малое и среднее предпринимательство в России. 2009: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009.
5. Борисов С.Р. «Малый бизнес в развитии промышленности и технологий», доклад на Форуме ОПОРЫ РОССИИ // http://www.opora.ru/files/Actual_topic/Forum_2007/Borisov-forum-2007-doklad.pdf
6. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2005.
7. Доклад Министра экономического развития и торговли РФ Э.С. Набиуллиной на Всероссийском форуме «Малый и средний бизнес – основа социально-экономического развития России в XXI веке» (27.03.2008) // <http://www.economy.gov.ru/minrec/press/news/doc1211808923151>
8. Бондаренко В.А., Иоффе А.Д., Нагин В.Н. Основные характеристики систем государственно-общественной поддержки и развития малого и среднего предпринимательства зарубежных стран. // <http://www.giac.ru>
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009 г: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009.
10. Бизнес-инкубаторы в системе поддержки малого бизнеса: российский и международный опыт. Под общей редакцией Э. Маркварта (OST-EURO) – Москва, ИПИ, 2001 г., -160 стр. // http://www.smb.ru/analitics.html?id=business_inkub

В.С. Бильчак, Е.А. Носачевская
(г. Калининград, г. Москва)

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Bilchak V.S., Nosachevskaja E.A. (Kaliningrad, Moscow)
CONCEPTION OF FORMATION AND DEVELOPMENT
OF FEDERAL UNIVERSITIES

Аннотация. В статье обозначены проблемы отечественной системы высшего образования, отражен ход реализации Концепции создания и государственной поддержки развития федеральных университетов. В современных условиях рассмотрены экономические перспективы формирования Балтийского федерального университета в эксклавному регионе России.

Abstract. The article dwells upon the problems of the national system of higher education; it also reflects the process of the implementation of the Conception of the formation and state support of federal universities development. The author studies the economic perspectives of the Baltic federal university formation in the exclave region of Russia.

Ключевые слова: концепция, федеральные университеты, региональный уровень, наука, образование, экономические перспективы.

Key words: the conception, federal universities, regional level, science, formation, economic perspectives.

В последние годы в России на всех уровнях управления особое внимание уделялось вопросам модернизации и инновационного развития отечественной экономики. В современных условиях одной из основ такого раз-

вития выступает необходимость интеграции науки, образования и производства.

Наряду с подходами, изложенными в рамках федеральной целевой программы «Развитие образования на 2006–2010 годы», проме-

жуточные итоги реализации приоритетного национального проекта «Образование» позволили обозначить имеющиеся проблемы недавнего реформирования и разного рода модернизаций образовательной системы, выявить серьезные противоречия и вынести соответствующие уроки.

Считалось, что советская система высшего образования одна из лучших в мире и этот факт был настолько очевиден, что многие полагали – реформировать эту систему нет смысла.

Между тем, старая система была нацелена на другие задачи, а время после распада СССР, безусловно, взывало к переменам. Сложившаяся образовательная система требовала серьезных изменений, не потому что была недееспособной, а потому что в определенное время в стране возникли новые задачи строительства рыночной экономики. Однако, четкого комплексного видения, как менять эту систему тогда не было.

Переход на новые основы хозяйствования потребовал подготовки совершенно иных кадров, особенно – в общественных дисциплинах. Появились первые образовательные стандарты по обучению специалистов, способных работать в новых условиях. Задача перед высшей школой стояла сверхсложная.

Во-первых, необходимо было сохранить преподавательский корпус. Во-вторых, следовало быстро переобучить профессорско-преподавательский состав работать в соответствии с новыми стандартами.

Федеральный центр в это время ослабил функции по координации системы высшего образования настолько, что на практике лицензии на образовательные услуги выдавались без соответствующих проверок всем желающим учреждениям.

В результате на региональном уровне возникло такое количество негосударственных вузов и их всевозможных филиалов, что сама система высшего образования стала «рыхлой» и неэффективной, а дипломы государственного образца попросту продавались в этих структурах обучающейся молодежи. Зачастую качество подготовки специалистов было резко снижено.

Вполне закономерно возник вопрос – что с этой системой делать?

И дело даже не в том, что на это огромное число вузов остро не хватало материальных, финансовых и кадровых ресурсов, а в том,

что все проблемы образования и экономики России слились в единый, огромный комплекс нерешенных проблем.

Вместо справедливой оценки сложившейся ситуации в то время вина была переложена только на одни вузы и научные организации. Началась жесткая и не всегда объективная критика отдельных сфер науки и образования, в первую очередь экономических и юридических направлений. Наблюдалось сокращение бюджетного финансирования большинства отраслей науки и образования, а также бюджетных мест в вузах. Этой проблематике посвящены многочисленные научные труды ученых и экспертов.

Очень благоприятный отрезок времени высоких цен на сырье и углеводороды быстро закончился, а Россия по прежнему отставала от развитых стран по целому ряду показателей и, в первую очередь, – по внедрению в экономику новых технологий и инноваций.

Справедливости ради, следует отметить, что государственными органами на разных уровнях управления было разработано немало весьма рациональных и жизнеспособных документов по реформированию и модернизации науки, образования. Как уже отмечалось, был дан старт приоритетному национальному проекту «Образование» и предложено на этой основе осуществить новый подход к построению эффективной системы кадрового и научного обеспечения реального сектора экономики на всей территории России, в том числе и в отдаленных районах страны [4].

В 2006 году образованы Сибирский и Южный¹ федеральные университеты в одноименных федеральных округах России. «Межведомственной рабочей группой по приоритетному национальному проекту «Образование» при Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике» (МРГ) были одобрены программы развития данных федеральных университетов [5, 6].

Финансирование этих программ осуществлялось многоканально² по четырем законодательно разрешенным направлениям расходования средств государственной поддержки³, что позволило Сибирскому и Южному федеральным университетам за период 2007–2010 гг. получить существенные дополнительные финансовые ресурсы

и создать инфраструктурные предпосылки для дальнейшего саморазвития, выработать модель перспективного российского университета с целью распространения и адаптации в других регионах страны [13].

В числе основных результатов реализации программ развития Сибирского и Южного федеральных университетов обозначены – выход на качественно новую ступень образовательного процесса в системе бакалавриат-магистратура, расширение уровня междисциплинарной связи и организация направленной подготовки специалистов для экономических кластеров Сибири, Дальнего Востока и Юга России по образовательным стандартам, согласованным с работодателями, повышение уровня и увеличение количества проведенных научно-прикладных исследований в несколько раз, начало формирования пояса инновационно-технологических предприятий в партнерстве с ведущими промышленными кластерами России, наращивание объемов привлеченных внебюджетных средств на развитие университетов и другие [13].

Соответствующими нормативно-правовыми актами запланировано в среднесрочной перспективе формирование сети федеральных университетов – высших учебных заведений, обеспечивающих высокий уровень образовательного процесса, исследовательских и технологических разработок по широкому спектру направлений с целью интегрированного кадрового и научного обеспечения масштабных проектов и программ федерального и (или) регионального уровня [1, 13].

В 2010 году созданы еще пять федеральных университетов – Северный (Арктический) на базе Архангельского государственного технического университета в Северо-Западном федеральном округе, Приволжский (Казанский) на базе Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина в Приволжском федеральном округе, Уральский на базе Уральского государственного технического университета – УПИ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в Уральском федеральном округе, Северо-Восточный на базе Якутского государственного университета имени М.К. Аммосова и Дальневосточный на базе Дальневосточного государственного университета в Дальневосточном федеральном округе.

Важно подчеркнуть, что Президентом России принято решение о передаче Дальневосточному федеральному университету объектов саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества – 2012 [2, 13].

Согласно Концепции создания и государственной поддержки развития федеральных университетов, в течение пяти лет высшие учебные заведения новой модели войдут в число десяти ведущих вузов России, а к 2015 году – в число ста лучших университетов мира [9].

В настоящее время в Северо-Западном федеральном округе основная часть образовательного, научного и инновационного потенциала сосредоточена в Санкт-Петербурге. Вместе с тем Калининградская область, обладающая спецификой развития, нуждается в формировании современной системы подготовки кадров, осуществления научно-инновационной деятельности, образовательного и исследовательского сотрудничества России и зарубежной Европы. К такому выводу в результате проведенных исследований пришли многие ученые и практики.

В связи с этим одним из запланированных в 2010–2011 гг., по данным Минобрнауки России, является создание Балтийского федерального университета (БФУ) в Калининградской области на базе Российского государственного университета имени И. Канта, что может быть рассмотрено как основа формирования кадровой и технологической инфраструктуры для перехода к инновационному развитию экономики единственного эксклавного региона Российской Федерации, окруженного территорией Европейского союза [13, 14]. На рисунке 1 изображены основные приоритеты создания БФУ, разработанные авторами.

В числе аргументов в поддержку формирования Балтийского федерального университета можно назвать: необходимость защиты интересов и национальной безопасности России (повышение интереса к российской культуре, образованию и научной деятельности в странах Европы, создание условий для притока носителей российской культуры и передовых технологий в регион⁴), а также важность оптимизации работы образовательных и исследовательских учреждений на территории региона.

В Калининградской области исторически сложилась фрагментарная, многоуров-

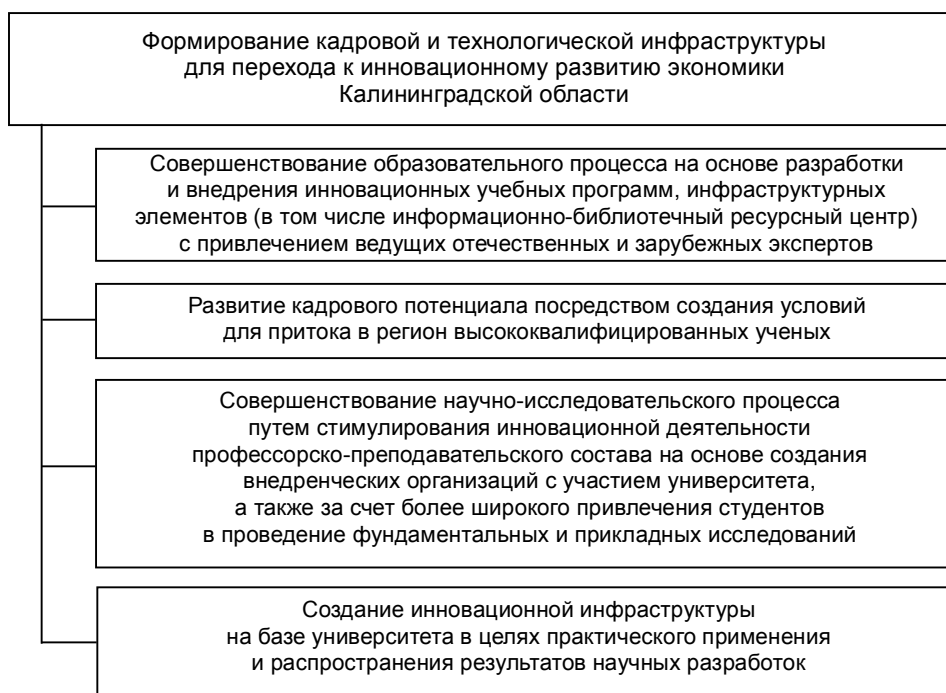

Рис. 1. Основные приоритеты создания Балтийского федерального университета в Калининградской области

невая академическая и отраслевая научно-образовательная система.

К настоящему времени государственный гражданский сектор профессионального образования региона представляют: вышеупомянутый Российский государственный университет имени И. Канта, Калининградский государственный технический университет, Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота, Калининградский государственный колледж градостроительства, Калининградский технический колледж, филиалы государственных вузов, иные колледжи и техникумы, профессиональные лицеи, имеющие различную ведомственную подчиненность. Последнее обстоятельство является проблемой при реализации потенциала данных учебных заведений на благо экономики региона [14].

Полагаем, что объединение возможностей ведущих образовательных и научных учреждений Калининградского региона повлечет за собой обеспечение экономической устойчивости данных учреждений на основе актуализации их деятельности и более тесного, ответственного участия в социально-экономическом развитии территории и в целом – способствует возникновению синергетического эффекта в развитии Балтийского

федерального университета за счет консолидации научных идей, разработок ученых, усилий профессорско-преподавательского состава.

Существующий разрыв между научными разработками и производством, выражающийся в очевидно низком уровне взаимодействия калининградских хозяйствующих субъектов и исследовательских организаций, может быть преодолен за счет создания и развития инфраструктуры на основе Балтийского федерального университета, которая станет ядром инновационной системы Калининградской области, обеспечит полный цикл инновационной деятельности (от научных исследований и разработок до внедрения в производство).

По относительно успешному опыту других субъектов России, в состав такой инфраструктуры могут входить: технопарк, бизнес-инкубатор, центр трансфера и коммерциализации технологий.

Данные структуры проводят работу по поиску новых продуктов и технологий, потенциально востребованных российским и зарубежным рынком (организация информационной и консалтинговой поддержки инновационной деятельности сотрудников и обучающихся университета и пр.), обе-

спечению создания и продвижения на рынок новых разработок и технологий (формирование и актуализация базы данных наукоемких проектов для трансфера, взаимодействие со структурами, занимающимися инновационной деятельностью по вопросам трансфера технологий, работа с информационными российскими и зарубежными сетями, ориентированными на продвижение инновационных проектов на рынок, коммерциализация, заключение лицензионных договоров, юридическое сопровождение и пр.), представлению результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (участие в выставках, проведение семинаров, конференций и пр.), а также по стимулированию внешнего финансирования для индивидуальной и коллективной научно-исследовательской деятельности сотрудников, привлечению студенческой аудитории к инновационной деятельности и т.п.

Важность формирования инновационной экономики в Калининградской области определяется тем, что должная инфраструктура обеспечивает реализацию принципа системной инновации по отношению к имеющему-

ся социально-производственному комплексу. Это приводит к увеличению удельного веса в валовом региональном продукте товаров, работ, услуг, производимых в высокотехнологичной сфере, участию образовательных и исследовательских организаций региона в отечественной, международной научной кооперации в качестве разработчика идей и технологий.

В целом развитие сети федеральных университетов в рамках рассмотренной в статье государственной Концепции послужит началом формирования базы, адекватной для реализации таких крупных проектов, как создание региональных высокотехнологических кластеров на основе внедрения в экономику передовых технологий, направленных на опережающее функционирование регионов.

Последнее, в свою очередь, создает условия для повышения инновационной активности и эффективности функционирования реального сектора экономики, осуществляемой в контексте реализации в 2009–2010 годах Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации «О федеральных университетах» от 07.05.2008г. № 716.
2. Указ Президента Российской Федерации «О создании федеральных университетов в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах» от 21.10.2009 г. № 1172.
3. Постановление Правительства Российской Федерации «О федеральной целевой программе развития Калининградской области на период до 2014 года» от 07.12.2001 г. № 8663.
4. Постановление Правительства Российской Федерации «О федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы» от 23.12.2005 г. № 803.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации «О создании Сибирского федерального университета» от 04.11.2006г. № 1518-р.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации «О создании Южного федерального университета» от 23.11.2006г. № 1616-р.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17.11.2008 г. № 1662-р.
8. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной собственности» от 02.08.2009г. № 217.
9. Концепция создания и государственной поддержки развития федеральных университетов. (Одобрена на заседании межведомственной рабочей группы по приоритетному национальному проекту «Образование» при Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике 22.09.2009 г.).
10. Закон Калининградской области «О программе социально-экономического развития Калининградской области на 2007-2016 годы» от 28.12.2006 г. № 115.
11. Постановление Правительства Калининградской области «О целевой программе Калининградской области «Развитие образования на 2007–2011 гг.» от 25.12.2006 г. № 979.
12. Постановление Правительства Калининградской области «О стратегии социально-экономического развития Калининградской области на средне- и долгосрочную перспективу» от 09.04.2007 г. № 95.
13. www.mon.gov.ru – официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации.
14. www.kantiana.ru – официальный сайт Российского государственного университета им. И. Канта.

Примечания

- ¹ Сибирский федеральный университет образован в результате присоединения в качестве структурных подразделений к государственному образовательному учреждению высшего профессионального образования «Красноярский государственный университет» государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования: «Красноярский государственный технический университет», «Красноярская государственная архитектурно-строительная академия», «Государственный университет цветных металлов и золота».
Южный федеральный университет образован в результате присоединения в качестве структурных подразделений к государственному образовательному учреждению высшего профессионального образования «Ростовский государственный университет» государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования: «Ростовская государственная академия архитектуры и искусства», «Ростовский государственный педагогический университет», «Таганрогский государственный радиотехнический университет».
- ² Финансирование федерального университета осуществляется из следующих источников: средств федерального бюджета; средств бюджетов других уровней, поступающих в федеральный университет в порядке оплаты услуг, работ, продукции, производимых в рамках программ социально-экономического развития территорий и регионов в составе федерального округа; привлеченных средств от всей совокупности собственной, разрешенной законом деятельности, включая сотрудничество с бизнесом, участие в различных программах, доходы от целевого капитала и создаваемых в целях практического применения результатов интеллектуальной деятельности хозяйственных обществ.
- ³ Средства государственной поддержки программы развития федерального университета могут быть использованы на модернизацию образовательного процесса (содержание и организация), модернизацию научно-исследовательского процесса и инновационной деятельности (содержание и организация), развитие кадрового потенциала и формирование качественного контингента обучающихся, совершенствование инфраструктуры, совершенствование организационной структуры университета и повышение эффективности управления.
- ⁴ Располагаясь в географическом центре Европы, окруженная странами Европейского союза, Калининградская область является уникальной площадкой для организации совместной работы российских и европейских исследований, трансфера знаний и технологий, мобильности студенческого, профессорско-преподавательского и административно-управленческого состава российских и европейских вузов, для презентации лучшего опыта российской и европейской научно-образовательной системы.

В.А. Амельченков
(г. Смоленск)

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Amelchenkov V.L. (Smolensk)

SOCIAL ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE CONDITIONS OF NAZI OCCUPATION (BASED ON THE MATERIALS OF THE SMOLENSK REGION)

Аннотация. В статье рассматривается социальная и благотворительная деятельность Русской Православной Церкви на территории Смоленской области в период нацистской оккупации 1941–1943 гг. Рассказывается о жизни и служении Церкви в годы войны, ее вкладе в достижение победы, о патриотической деятельности духовенства и верующих. Проанализирован общий ход и различные аспекты церковного возрождения периода войны. Показывается, что, несмотря на жесткую антирелигиозную политику советского руководства 1920–1930-х годов, социум сохранял большой внутренний религиозно-нравственный потенциал. Именно это и стало основной причиной стремительного восстановления церковной жизни в годы войны, в том числе в период оккупации.

Abstract. The article is devoted to the social and charity activities of the Russian Orthodox Church in the Smolensk region during the Nazi occupation in 1941–1943. The author pays special attention to the life and service of Church during the war, its contribution to the victory, patriotic activities of the clergy and believers. The author also analyzes the general course and various aspects of church revival during the war. It is shown that, despite the rigid antireligious policy of the Soviet authorities in 1920–1930, the society preserved a great internal religious and moral potential. It became the main reason for prompt restoration of the church life during the war and occupation.

Ключевые слова: церковь, государственно-церковные отношения, война, нацистская оккупация, церковное возрождение, социальная и благотворительная деятельность.

Keywords: church, state-church relations, war, Nazi occupation, church revival, social and charity activities.

Годы Великой Отечественной войны, в том числе период оккупации, стали переломным этапом в государственно-церковных отношениях в СССР. В это трагическое и одновременно судьбоносное время по всей стране, включая Смоленскую область, происходит возрождение церковной жизни, практически полностью уничтоженной к началу войны. Данный процесс с особой динамикой проходил в оккупационный период, в который не только открывались храмы, совершались богослужения и церковная проповедь, но и осуществлялась широкая социальная и благотворительная деятельность Церкви.

Как свидетельствуют материалы Смоленской области, социум сохранял большой религиозный потенциал и возможность к самоорганизации церковной жизни. Именно этот факт объясняет стремительный процесс восстановления Церкви, как социального института, и православия в период оккупации. Захватчики в данном процессе играли лишь роль стороннего наблюдателя, пред-

принявшего ряд разрешительных мер в этом направлении.

Служение Русской Православной Церкви на Смоленщине в годы оккупации выходило далеко за пределы вновь открывавшихся храмов. Священнослужители и верующие ясно понимали, что одно лишь открытие церковей вовсе не является самоцелью религиозного возрождения. Свою главную задачу они видели в оживлении веры в сердцах людей, измученных многолетним атеистическим гнетом, и обновлении их внутренней духовной жизни. Для этого духовенство и члены приходских активов старались использовать все возможности, позволявшие им осуществлять их миссионерскую деятельность, которая выразилась в различных формах.

Важную роль в религиозно-просветительской работе сыграл кружок смоленской интеллигенции, группировавшейся вокруг Свято-Успенского кафедрального собора. С согласия германского командования, полученного в сентябре 1942 года, члены этого

кружка организовали религиозные передачи по радио. В период с октября по февраль 1942 года в радиозфире ими было прочитано девять научно-религиозных докладов на такие темы, как: «Вера и знание», «Религиозные мотивы в русской поэзии» (четыре доклада), «Природа доказывает бытие Бога», «До чего довело нас безбожие» и многие другие¹. В день празднования Святой Пасхи 5 апреля 1942 года смоленский радиоузел с 14.00 до 15.00 часов транслировал концерт, в котором среди прочего исполнялись также и церковные песнопения².

Наряду с этим данный кружок вел просветительскую деятельность и в других направлениях. В октябре 1942 года он подготовил и напечатал 15000 молитвословов, распространявшихся затем в церквях и школах Смоленска. Члены кружка написали несколько статей и духовных стихотворений для напечатания в церковном календаре на 1943 год, составленном настоятелем кафедрального собора протоиереем Николаем Шиловским, в котором были также помещены богослужебные указания и пасхалия³. Вместе с тем, в июне 1943 года протоиерей Шиловский издал брошюру «О таинствах святой Православной Церкви». В ней автор изложил историю происхождения церковных таинств и объяснил их значение для жизни каждого христианина⁴. Членами кружка было опубликовано 11 статей в газетах на религиозно-нравственные темы. Кроме того, ими же было прочитано 8 докладов в храмах после богослужений с целью раскрытия смысла евангельских чтений, церковных служб и праздников⁵. Так, 20 и 27 декабря 1942 года в Спасо-Окопной церкви города Смоленска при содействии ее настоятеля протоиерея Николая Домуховского профессор Д.И. Абрамович* провел цикл разъяснительных бесед о Божественной Литургии. 3 января 1943 года в этом же храме профессор А.Н. Колесников провел подобную беседу о Рождестве Господа Иисуса Христа, а 7 января, в сам день Рождества Христова, им была произнесена проповедь на тему этого праздника⁶. В апреле 1943 года кружок приступил к созданию двух передвижных библиотек религиозной литературы, которые должны были переезжать из одной церкви в другую, а также к организации духовных концертов по радио и на эстраде. Одним из членов кружка был сделан доклад на тему «Диакониссы в

древней Церкви». Кроме того, началась подготовка к проведению катехизической работы среди детей⁷.

25 марта 1943 года епископ Смоленский и Брянский Стефан преобразовал данный кружок в Смоленский епархиальный комитет по религиозно-нравственному просвещению под своим собственным председательством⁸. В его состав вошли представители смоленского духовенства и интеллигенции: протоиерей Николай Шиловский, профессор Д.И. Абрамович, профессор А.Н. Мариинский, профессор Д.П. Сошальский, местная писательница Е.В. Домбровская, инженер Виноградов и другие. Задача этого комитета состояла, во-первых, в осуществлении религиозно-просветительской деятельности во всем том многообразии, в котором она уже проходила – в проповедях, радиопередачах, газетных публикациях, работе с детьми, религиозном издательстве, создании библиотек и т.д. Во-вторых, в оказании содействия и руководстве работой «Церковно-приходских комиссий по религиозно-нравственному просвещению», которые были организованы при всех храмах епархии под руководством членов церковно-приходских управлений по религиозно-просветительским делам. Эти комиссии также должны были вести катехизацию во всех вышеперечисленных формах⁹.

Все это сразу же стало претворяться в жизнь. Так, 2 июля 1943 года при Свято-Успенском соборе начались занятия по Закону Божию для детей школьного возраста и взрослых, которые проводил протоиерей Петр Беляев. Проходили они 2 раза в неделю – по понедельникам и пятницам в 10.30 утра¹⁰.

С апреля 1943 года преподавание Закона Божия было введено в средних школах города Смоленска. То, как изучался этот предмет, и каково было к нему отношение учеников и их учителей и родителей подробно описывает Е.В. Домбровская в своей статье «На уроке Закона Божиего»:

«Недавно одна верующая женщина рассказала, что знакомый ей мальчик двенадцати лет почувствовал непреодолимое стремление креститься после беседы настоятеля Гурьевской церкви отца Евгения Лызлова, проведенной в школе №3.

Поглощенная этим рассказом, я шла по улице и неожиданно встретила самого отца Евгения, в сопровождении какого-то молодого человека.

Я горячо поздравила отца Евгения со столь большим успехом на первых же шагах его преподавания, а он, приветливо улыбаясь, познакомил меня со своим спутником – директором 3-й школы В.Н. Гришиным.

Оба пригласили меня в эту школу послушать беседы отца Евгения с ребятами, познакомиться с ними, посмотреть классы.

Я с удовольствием согласилась и 21 мая ранним утром направилась в школу, находящуюся на окраине города – в Ямщине.

Мы пришли в 5 класс. Начался урок Закона Божия. Собственно это был еще не урок, а продолжение той вступительной беседы, которой отец Евгений начал свое знакомство с детьми и, в свою очередь, ознакомление их с новым предметом, известным детям только понаслышке, да и то в искаженном виде!

Беседа содержала краткие сведения о начатках нашей религии – понятие о сотворении мира, блаженстве первых людей, их грехопадении и обетованном Исккупителе – Христе.

Я внимательно наблюдала лица юных слушателей: они были сосредоточенны и серьезные.

После беседы отец Евгений спросил у нескольких учеников, как относятся их родители к введению Закона Божия в курс школьного преподавания?

Ответ последовал единодушный:

– Наши родители считают, что это очень хорошо!

В 6 классе беседа велась на ту же тему, но применительно к более старшему возрасту.

Когда занятия закончились, я рассказала школьникам о русских ученых, с которыми, будучи научным сотрудником зоологического института Академии наук, близко соприкасалась, о великом академике И.П. Павлове – верующих людях, принимавших религию не только отвлеченно, но любивших обряды родной Русской Церкви.

Когда отец Евгений и я вернулись в учительскую, В.Н. Гришин рассказал мне, что учащиеся обратились к нему с просьбой организованно посетить церковь во время праздничной обедни, к чему он отнесся весьма сочувственно.

В.Н. Гришин недавно достал для школы пианино; он намеревался пригласить учительницу пения и организовать хоровой кружок, который будет участвовать и в церковном пении.

Посещение школы №3 оставило самое отрадное впечатление: молодое поколение, видимо, попало в хорошие руки, духовные потребности подростков найдут удовлетворение в здоровой атмосфере тесного единения руководителя школы, представителя Церкви, родителей и детей»¹¹.

В августе 1943 года епархиальный комитет по религиозно-нравственному просвещению завершил создание передвижных библиотек духовной литературы. Вместо предполагавшихся двух было организовано пять таких библиотек – при Свято-Успенском соборе, Спасо-Окопной, Всехсвятской, Гурьевской и Тихвинской церквях. Они были сформированы из книжного фонда комитета, в котором содержались свыше 600 библиотечных единиц – Священное Писание, творения святых отцов, жития святых, сборники проповедей, молитвословы, троицкие листки и многое другое. Как отмечала та же писательница Е.В. Домбровская, читатели особенно охотно брали жития святых и повести из жизни древних подвижников. Большой популярностью пользовались троицкие листки и приложения к журналу «Русский паломник». Среди молодежи усиливались стремления познакомиться с Новым Заветом и книгами, объясняющими церковные службы и таинства. Более пожилые люди интересовались святоотеческими творениями и «Добротолубием». Прихожане Гурьевской и Тихвинской церквей, являясь в основном жителями городских окраин и близлежащих деревень, часто брали книги не только для себя, но и для своих детей, которые, по их словам, «как слепые росли и хороших книг не видели». В Спасо-Окопном храме больше всего было молодых читателей, во Всехсвятском – преимущественно читатели средних лет, люди интеллигентного труда, среди них много учителей. Работали данные библиотеки накануне воскресных и праздничных дней, а также и в сами эти дни перед началом богослужений¹².

Стремительное церковное возрождение на Смоленщине вскоре столкнулось с одной очень важной проблемой – нехваткой священнослужителей. В связи с массовыми репрессиями тридцатых годов практически все духовенство Смоленской епархии было либо уничтожено, либо отправлено в ссылки. При этом острая нужда испытывалась в первую очередь именно в образованных священниках, имеющих необходимые богословские и

церковнопрактические знания. С целью решения этого затруднения 7 июня 1943 года в Смоленске, благодаря активной деятельности епископа Стефана и епархиального комитета по религиозно-нравственному просвещению, были открыты пастырские курсы для подготовки священно- и церковнослужителей¹³. В этот день после литургии в Свято-Успенском кафедральном соборе владыка Стефан обратился к слушателям курсов с кратким приветственным словом. По окончании молебна все присутствующие перешли в помещение для проведения занятий, отведенное в квартире епископа. После пения стихир «Днесь благодать Святого Духа нас собра...» с благословения епископа Стефана профессор А.Н. Мариинский открыл курсы небольшой вступительной речью, в которой указал на их важное значение и особую необходимость в настоящее время, выразив при этом твердую уверенность в том, что Господь поможет преодолеть все трудности этого великого и ответственного дела. Затем Мариинский представил учебный план и программу занятий. Эти курсы были рассчитаны на три месяца – июнь, июль и август. В постепенном порядке на них изучались следующие дисциплины: Священная история Ветхого и Нового Завета (преподаватель протоиерей Николай Шиловский), церковнославянский язык (преподаватель профессор Д.И. Абрамович), церковное пение (преподаватель протоиерей Евгений Лызлов), литургика и катехизис (преподаватель протоиерей Петр Беляев), история Церкви (преподаватель профессор Д.И. Сошальский и Б.Г. Меньшагин), основное богословие (преподаватель профессор А.Н. Мариинский), нравственное богословие (преподаватель епископ Стефан). Слушателями данных курсов были не только лица, желавшие принять священный сан, но и многие священнослужители, которые хотели обновить свои знания после долгого вынужденного перерыва пастырского служения. Общее число учащихся составило 40 человек, среди них были также учителя и учащиеся старших классов средних школ¹⁴.

Помимо религиозно-просветительской работы клирики и миряне Смоленской епархии в годы оккупации осуществляли также и широкую благотворительную деятельность. Как уже говорилось, в январе 1943 года епископ Стефан издал постановление, по которому в состав приходских управлений должен был

входить член по делам церковной благотворительности. Его задача состояла в объединении вокруг себя прихожан с целью оказания помощи всем нуждающимся¹⁵. Тогда же владыка Стефан сделал распоряжение о сборе пожертвований для бедных и о внесении их в городские и районные Фонды взаимопомощи. Так, ¼ от всех денежных средств, собранных 17–19 января 1943 года за богослужения в храмах Касплянского района была перечислена в фонд помощи нуждающимся¹⁶.

2 марта 1943 года, в день памяти святителя Московского Ермогена, при Свято-Успенском кафедральном соборе был организован специальный женский комитет во главе с местной писательницей Е.В. Домбровской¹⁷. В его состав вошло более двадцати женщин, пожелавших посвятить себя церковно-благотворительному служению. За первый месяц своего существования данный комитет оказал помощь шестнадцати лицам, каждый из которых либо испытывал тяжелую нужду, либо был ослаблен болезнью. Среди них особенно следует отметить В.Л. Мамкину, беженку из Калинина (Твери). Она потеряла свою семью и взяла на воспитание полугодовалую девочку, оставшуюся круглой сиротой. Комитет помог ей выдачей денег, одежды, муки и других продуктов. Члены комитета проявляли также заботу и о больных, находившихся на стационарном лечении. Они оказывали им все необходимые услуги, а в случае смерти принимали участие в их погребении. Помимо непосредственной поддержки женский комитет оказывал содействие своими ходатайствами перед городской управой и другими административными учреждениями. Кроме того, члены комитета взяли на себя все труды по обслуживанию Успенского собора и шитью облачений для его ризницы. Особое внимание уделялось ими духовному воспитанию детей и катехизической работе с их родителями. В своей деятельности члены комитета стремились подражать диакониссам древней Церкви¹⁸.

За июнь 1943 года данным комитетом было передано Смоленскому детскому дому более 10 000 рублей, собранных по благословлению епископа Стефана за богослужениями в Успенском соборе, Спасо-Окопной и Тихвинской церквах. Сам владыка Стефан пожертвовал детскому дому 90 яиц, другие продукты и полотенца, а протоиерей Петр Беляев – 73 отреза крестьянского полотна¹⁹.

В августе 1943 года настоятель храма села Ольша Смоленского района священник Владимир Городецкий через женский комитет передал Смоленскому детскому дому 1 000 рублей и 11 метров холста. В свою очередь женский комитет перечислил окружному финансовому отделу 1 109 рублей, собранных для Волковского детского дома за богослужениями в Успенском соборе и Спасо-Окопной церкви²⁰.

Подобный благотворительный комитет был создан и при Спасо-Окопном храме в июле 1943 года под председательством К.Г. Игельстром. В него вошли: настоятель протоиерей Николай Домуховский, архимандрит Феодосий, все члены церковного причта, старшина Шейновской волости А.М. Румакин и двенадцать женщин. Деятельность этого комитета охватывала Рачевское предместье и близлежащие деревни²¹.

По мере возможности духовенство Смоленской епархии оказывало помощь советским военнопленным. В недавно изданном жизнеописании настоятеля Гурьевской церкви протоиерея Евгения Лызлова говорится: «В немецкой комендатуре Смоленска он хлопотал разрешение посещать лагеря военнопленных для духовного окормления. Благодаря его стараниям немецкая администрация отпустила из лагеря всех смоленских солдат и позволила населению (крестьянам) приносить военнопленным продукты питания – это разрешение касалось одного большого лагеря в предместьях Смоленска. Отец Евгений сам собирал одежду и обувь для наших солдат и на санках отвозил собранное в лагерь». Отцу Евгению дважды удалось избежать немецкого расстрела. А то, что это действительно могло произойти, подтверждает хотя бы факт расстрела 13 сентября 1942 года священника Покровской церкви город Ржева прямо на перепутье в присутствии диакона²².

В городе Рославле, неподалеку от Вознесенской церкви, в августе 1941 года нацисты создали концентрационный лагерь № 130 для военнопленных и мирных жителей. Настоятель этого храма протоиерей Всеволод Корицкий призвал верующих организовать сбор продовольствия для содержащихся там заключенных. Хлеб, картофельные лепешки и оладьи и другие продукты, приносимые людьми, собирались и сразу же отправлялись в лагерь. Это позволило спасти многих советских солдат от голодной смерти. Кроме того, при возможности, отец Всеволод выводил военнопленных на свободу под личное поручительство. Некоторые из них затем уходили к партизанам. Впоследствии многие из этих бывших военнопленных, приезжая в Рославль, приходили к отцу Всеволоду для того, чтобы поблагодарить его за все, что он для них сделал²³.

Таковы основные направления и формы социальной и благотворительной деятельности Церкви в период нацистской оккупации. В настоящее время в науке и общественном мнении широко обсуждается вопрос о роли нацистских захватчиков в возрождении Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны. Между тем многочисленные факты дают нам основание рассматривать оккупантов не как организаторов данного процесса, а лишь как разрушителей той структуры, которая в довоенной советской действительности сдерживала процесс религиозно-церковного развития.

В довоенный период советской государственной машине практически удалось уничтожить внешние проявления религиозной жизни, однако уничтожить внутреннюю морально-нравственную основу православия в советском социуме власть не смогла.

Примечания

¹ Новый путь №26 (148) от 01.04.1943.

² Новый путь №26 (47) от 05.04.1942.

³ Новый путь №26 (148) от 01.04.1943; Новый путь №11 (133) от 07.02.1943.

⁴ Новый путь №49 (171) от 24.06.1943.

⁵ Новый путь №26 (148) от 01.04.1943.

* Абрамович Дмитрий Иванович (02.09.1873 (по другим сведениям, 26.06), мест. Гулевичи Луцкого у. (по другим данным, с. Куснище Владимирского у.) Волынской губ.— 04.03.1955, Вильнюс), историк русской литературы и языка, член-корреспондент АН СССР (с 1921). Родился в семье священника. Окончил Мелецкое Духовное Училище, Волынскую Духовную Семинарию, затем Санкт-Петербургскую Духовную Академию (СПбДА). В 1897 г. Д.И. Абрамовичу присуждена

степень кандидата богословия с правом получения степени магистра богословия без новых устных испытаний. Научную деятельность Д.И. Абрамович начал под руководством академика А.А. Шахматова. В 1898 г. советом СПбДА избран исполняющим должность доцента по кафедре русского и церковнославянского языка и истории русской литературы. В 1903 г. защитил диссертацию на степень магистра богословия «Исследования о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике». В 1905 г. избран экстраординарным профессором. 14 августа 1909 г. распоряжением Святейшего Синода уволен из СПбДА за «неблагонадежность» и политически вредные направления в преподавании новой русской литературы. В 1909–1919 гг. преподавал историю русской литературы и языка, церковнославянского языка и палеографию на Высших женских (Бестужевских) курсах, Высших педагогических курсах Общества экспериментальной педагогики и др. До 1917 г. награжден орденами св. Анны 2-й и 3-й степени и Станислава 2-й и 3-й степени. В 1910–1927 гг. являлся сотрудником Рукописного отделения Императорской Публичной библиотеки, в 1917–1918 гг. руководил Богословским отделением Публичной библиотеки. Д.И. Абрамович занимался археографическими разысканиями, описанием, публикацией и комментированием памятников древней и новой русской литературы. Им были созданы образцовые описания рукописей Софийской библиотеки, собрания И.В. Помяловского и др. С 1919 г. Д.И. Абрамович – профессор Петроградского университета, с 1920 г. – профессор Археологического института. В советское время принимал участие в научной деятельности НИИ сравнительного изучения языка и литературы Запада и Востока при ЛГУ, НИИ книговедения, Историко-филологического отделения АН УССР и др. 20 июня 1927 г. арестован ГПУ по обвинению в принадлежности к подпольной контрреволюционной монархической организации. Пятилетний срок заключения отбывал в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). В 1939–1941 гг. преподавал в Смоленском педагогическом институте. В послевоенные годы в должности профессора читал курс истории русского литературного языка в Вильнюсском университете. Принимал участие в подготовке «Словаря древнерусского языка XI–XVII вв.» и исторической хрестоматии украинского языка. Д.И. Абрамович – выдающийся знаток древнерусской книжности, в совершенстве владевший приемами источниковедческого анализа. Ему принадлежат около 200 статей, исследований, курсов лекций, описаний, заметок по древней и новой русской литературе, церковнославянскому языку, источниковедению и палеографии. Алексеев А.И. Абрамович Дмитрий Иванович. Биография/ Православная энциклопедия. Т. I. – М. ЦНЦ Православная энциклопедия, 2000. С. 48.

6 Новый путь №100 (121) от 20.12.1942.

7 Новый путь №26 (148) от 01.04.1943.

8 Там же.

9 Там же.

10 Новый путь №53 (175) от 08.07.1943.

11 Новый путь №42 (164) от 30.05.1943.

12 Новый путь №68 (190) от 29.08.1943.

13 Новый путь №46 (168) от 13.06.1943.

14 Новый путь №46 (168) от 13.06.1943.

15 Новый путь №29 (151) от 11.04.1943.

16 Новый путь №12 (134) от 11.02.1943.

17 Новый путь №29 (151) от 11.04.1943.

18 Там же.

19 Новый путь №53 (175) от 08.07.1943.

20 Новый путь №68 (190) от 29.08.1943.

21 Новый путь №53 (175) от 08.07.1943.

22 Корнилов А.А. Жизнь и служение о. Евгения Лызлова. – Н. Новгород, 1998. – С. 22–23.

23 По рассказам внучки протоиерея Всеволода Михайловича Корицкого – Варвары Феодосьевны Засульской.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

М.М. Лобанов
(г. Москва)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТРАСЛЕВОЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Lobanov M.M. (Moscow)

TRANSFORMATION OF BRANCH AND TERRITORIAL STRUCTURE OF INDUSTRY IN CENTRAL AND EASTERN EUROPEAN COUNTRIES

Аннотация. Территориальная и функциональная организация производственной деятельности является одной из основополагающих исследовательских проблем экономической географии. Эволюция системы факторов размещения производительных сил способствует структурным трансформациям промышленных комплексов и возникновению новых форм территориально-производственных сочетаний. Изучение важнейших параметров промышленного развития позволяет определить перспективы улучшения позиций стран в международном разделении труда и роста конкурентоспособности ведущих отраслей производства, а также разработать эффективные механизмы структурной рационализации экономики.

Abstract. Territorial and functional organization of industrial production complexes is one of the crucial research problems in economic geography. Evolution of productive forces location factors triggers off industrial complexes structural conversion and leads to formation of new types of spatial production combinations. Investigation of the industrial development basic parameters enables the determination of countries position improvement in international division of labour and enlightens prospects of core branches competitiveness growth. Besides, it helps to work out effective mechanisms of structural rationalization of national economic system.

Ключевые слова: промышленный комплекс, структурные трансформации, пространственная организация производства, факторы размещения промышленности, территориально-производственные образования.

Key words: industrial complex, structural transformations, spatial organization of production, industry location factors, spatial production formations.

Эволюция мирохозяйственной системы и ее отдельных компонентов представляет собой сложный процесс, одним из способов исследования которого выступает структуризация функциональных подсистем различного иерархического уровня и масштаба. Анализ динамики секторально-отраслевых и территориальных структур позволяет детерминировать причинно-следственные связи в рассматриваемой экономической системе, обнаружить проблемные области и дать оценку перспективам ее развития. Структурная трансформация восточноевропейской индустрии, в частности, происходит под влиянием ряда внутренних и внешних факторов, действующих

как обособленно, так и совместно. Основная цель данной статьи заключается в систематизации трансформационных факторов с учетом их национальной и региональной специфики, обобщении условий возникновения новых территориально-производственных сочетаний и объяснении причин разномасштабных функционально-отраслевых и пространственных сдвигов в промышленности стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ).

Факторы развития промышленных систем в странах ЦВЕ

Адаптация рыночных институтов. Важнейшую роль в процессе преобразования

структуры промышленности региона играют реформы собственности (развитие частного сектора и приватизация государственных активов) и создание конкурентных условий хозяйственной деятельности за счет свободного ценообразования и демонополизации рынков. Эффективное функционирование некоторых производств зависит от степени их открытости трансграничным товарным и финансовым потокам. Привлечение иностранного капитала определяет динамику развития промышленности в целом, однако некоторые стратегически важные сферы продолжают оставаться под контролем государства. Протекционизм как метод экономической политики постепенно теряет значимость, усиливается косвенная регуляция хозяйственных процессов с помощью бюджетно-фискальных и монетарных механизмов.

Участие в глобальных и региональных процессах интеграции. Страны региона являются примером успешного социально-экономического реформирования в условиях интенсивного развития трансграничной интеграции. Членство в Евросоюзе выступает основным внешнеполитическим ориентиром восточноевропейских республик, а расширение организации на восток позволяет ускорить экономическую конвергенцию и стимулировать развитие контактных и транзитных функций стран ЦВЕ. Растет влияние стран региона на развитие европейского сообщества, однако их политико-экономический вес пока остается незначительным: к примеру, отношение совокупного ВВП восточноевропейских государств к ВВП ЕС-15 в конце 1990-х гг. составляло всего 5%, но за счет более высоких темпов экономического роста к 2008 г. увеличилось до 8%. Относительные показатели свидетельствуют о значительной дифференциации стран-членов ЕС по уровню экономического развития: так, в Словении ВВП (по паритету покупательной способности) на душу населения в 2007 г. составил 80% от среднего уровня ЕС-15, в Чешской Республике – 74%, в Словакии – 62%, а в Болгарии и Румынии – всего 35%. В числе примеров отрицательного влияния интеграции на развитие национальных рынков – отмена протекционистских мер в рамках либерализации экономики, которая вызвала волну банкротств и поставила на грань выживания многие традиционные отрасли специ-

ализации стран ЦВЕ. В результате доля иностранных предприятий в совокупном объеме продаж достигла к середине 2000-х гг. 75% в Венгрии и 60–65% в Словакии, Румынии и Польше, при этом их доля в экспорте ещё выше. Кроме того, расширение Евросоюза в 2004 и 2007 гг. не сопровождалось перераспределением потоков финансовой помощи из бюджета организации, на что рассчитывали восточноевропейские участники соглашения. Приоритеты их внутренней и внешней промышленной политики все в большей степени определяются не только национальными интересами, но и направлением общей индустриальной политики ЕС, зачастую предоставляющей преференции западноевропейским странам. Например, существуют опасения, что развитие ядерной энергетики в ЦВЕ будет остановлено регулируемыми органами Евросоюза, которые указывают на несоответствие восточноевропейских АЭС принятым стандартам безопасности.

Вовлечение в МРТ и развитие внешнеэкономической деятельности. Решающим фактором трансформации отраслевой и пространственной структуры промышленности выступает отказ от автаркичных моделей развития и усиление внешнеэкономической деятельности. Различия стран ЦВЕ по показателям экспортности и импортзависимости хозяйств, а также уровню накопленных иностранных капиталовложений продолжают оставаться большими. Постепенная отмена внешнеторговых ограничений способствовала повышению доли ЕС в товарообороте восточноевропейских стран в среднем до 70%, причем к 2007 г. она выросла до 80–85% в Чешской Республике и Словакии и 70–75% в Венгрии и Словении, хотя на Балканах остается менее высокой (например, в Болгарии – 60%). Приток прямых и портфельных инвестиций обусловлен развитием сравнительных конкурентных преимуществ восточноевропейских государств, к которым относят эффективную производственную инфраструктуру, высококвалифицированные трудовые ресурсы и заниженные требования по заработной плате. К примеру, ежемесячные затраты на одного работника в 2008 г. в Болгарии были в 15 раз меньше, чем в среднем в ЕС-15, в Румынии – в 9 раз, в Польше – в 4 раза. Примечательно, что доля промышленности в совокупном объеме накопленных к 2008 г. инвестиций составляет около 45–50%

(т.е. существенно больше, чем в структуре экономики), а в отраслевой структуре притока капитала повышается удельный вес менее трудоёмких и ресурсоёмких производств.

Активное привлечение долгосрочного капитала оказывает благотворное влияние на трансформационные процессы в странах региона, способствует усилению конкурентоспособности национальных экономик и отдельных отраслей, позволяет решать проблемы территориальных диспропорций и занятости населения. Вместе с тем, происходит определенное ухудшение макроэкономической конъюнктуры вследствие несбалансированности монетарной системы, к которой ведет неконтролируемый приток больших объемов денежных средств. Во-вторых, ориентированные на зарубежные рынки компании стимулируют внешнюю торговлю, однако при этом создается опасная зависимость развития отрасли и даже экономики в целом от производственных решений ограниченного числа корпораций-лидеров. За радужными перспективами зачастую скрыта реальная опасность макроэкономической дестабилизации: в случае производственных сбоев или переноса мощностей в менее развитые государства восточноевропейские республики с низкой отраслевой диверсификацией хозяйств могут столкнуться с проблемами во внешнеторговых и платежных балансах, а также роста безработицы (как это уже случилось в Венгрии и Словакии). К неблагоприятным последствиям селективной политики по привлечению инвестиций следует отнести и возникновение так называемого «дуализма экономики», который выражается в наличии одновременно развивающихся, но мало связанных между собой секторов – испытывающих финансовый и технологический дефицит традиционных отраслей и сформированных иностранным капиталом эффективных производств, производительность труда на которых в среднем вдвое выше. Внезапный отток капитала, вызванный региональным или глобальным кризисом, повлечет за собой сворачивание деятельности предприятий с иностранным участием, что существенно осложнит общехозяйственную ситуацию.

Одной из важных тенденций является повышение наукоёмкости вторичного сектора экономики стран ЦВЕ, чему в немалой степени способствует экспорт технологий ве-

дущих мировых корпораций, создание сети технопарков и технополисов, центров высокотехнологичных производств и инновационных комплексов. К середине 2000-х гг. Венгрия, Польша и Чешская Республика вошли в десятку ведущих в мире стран-реципиентов НИОКР, а закономерным результатом инвестиционного стимулирования науки стало повышение удельного веса высокотехнологичной продукции в экспорте (например, в Венгрии, являющейся одним из лидеров Евросоюза по этому показателю, ее доля достигает 20%).

С целью создания благоприятных инвестиционных условий в территориальную структуру промышленности стран ЦВЕ были внедрены новые элементы – территориальные образования с преференциальным режимом ведения экономической деятельности, различные виды которых объединены общим понятием свободных или специальных экономических зон (СЭЗ). Торговые и торгово-производственные зоны, к которым, прежде всего, относятся промышленные парки, с начала этого десятилетия стали ведущей формой пространственной и функциональной организации хозяйственной деятельности. Данный вид СЭЗ имеет преимущественно машиностроительную специализацию (более 80-90% объема торговли приходится на эту отрасль), а размещенные в них предприятия в среднем выпускают до 30–40% промышленной продукции и обеспечивают 40–50% товарного экспорта соответствующей страны. Значительная часть промышленных парков, созданных за счет инвестиций «в чистом поле», размещена в приграничных западных районах восточноевропейских государств для усиления их экспортной ориентации на рынки Евросоюза. Отметим, что действующая в ЕС стратегия распространения фискального нейтралитета на все виды хозяйственной деятельности находится в противоречии с развитием СЭЗ, но отказ от них означал бы распад конкурентоспособных на внутренних и внешних рынках торгово-производственные узлов и агломераций.

Структурные трансформации промышленности стран ЦВЕ

Распространение общемировых тенденций развития экономических систем оказывает влияние на факторы хозяйственного роста отдельных регионов, в том и стран ЦВЕ.

Основные изменения в макроструктуре хозяйства связаны с расширением доли непромышленного сектора, что является важной характеристикой становления постиндустриального общества (тертиаризация экономики). Вместе с тем, положительная динамика численности населения и повышение его благосостояния стимулируют потребление материальных благ, а значит, и рост индустриального производства. Подтверждением данного тезиса являются более высокие темпы увеличения объемов выпуска промышленной продукции по сравнению с темпами прироста ВВП, что характерно теперь и для восточноевропейских стран. Процесс адаптации постсоциалистических государств к новым рыночным условиям хозяйствования сопровождался глубоким производственным кризисом, причем снижение предпринимательской активности повлияло на изменение доли промышленности в структуре экономики (к примеру, в 1990-е гг. она сократилась в Болгарии и Македонии с 40-45% до 27%, а в Албании – с 40% до 8%). Замещение вторичного сектора третичным не привело к возникновению условий перехода к постиндустриальной стадии развития: в непромышленной сфере большинства стран ЦВЕ ведущие позиции занимают розничная торговля и другие отрасли социального обслуживания, а рынок различных наукоемких услуг (финансовых, информационных и т.п.) находится в стадии формирования. Государственное стимулирование производственной деятельности и привлечение в промышленность долгосрочного капитала способствовали постепенному повышению доли вторичного сектора с начала 2000-х гг., однако внутрирегиональная дифференциация по этому показателю остается значительной – от 10–15% в наименее развитых балканских странах (Албании, Боснии и Герцеговине) до 42% в Чешской Республике.

Трансформация отраслевой структуры промышленности. Преобразования отраслевой структуры индустриального производства в странах ЦВЕ выступают следствием множества факторов, действующих на региональном и национальном уровне. Наиболее динамичные изменения структуры промышленности происходили во всех восточноевропейских республиках на начальном этапе адаптации рыночных институтов, а по мере их вовлечения в систему МРТ формиро-

лись новые экономически эффективные и конкурентоспособные производственные сочетания. Анализ структурных трансформаций предполагает исследование динамики отраслевых пропорций различного территориального (на примере отдельных стран и региона в целом) и функционального (на макро-, мезо- и микроуровне) масштаба.

Важнейшим изменением отраслевой макроструктуры промышленности является снижение диверсификации: вместо характерного для плановой экономики широкого набора отраслевых блоков в современных условиях продолжают функционировать лишь предприятия конкурентоспособных производств, а некоторые отрасли находятся в глубоком кризисе или прекратили существование. К числу проблемных в большинстве стран относятся производства добывающих отраслей: например, существенно снизилась добыча углеводородов в Румынии, Венгрии, Сербии и Албании, прекращена добыча каменного угля в Венгрии и бурого – в Албании и Хорватии, а также отдельных металлических руд в Македонии и Болгарии. В Румынии и республиках бывшей Югославии исчезли некоторые центры цветной металлургии, в Венгрии – черной металлургии. Ухудшилось положение предприятий химической отрасли, в особенности, органической химии в Польше, Чешской Республике, Венгрии, Румынии и Болгарии. Практически во всех странах региона закрыты или находятся в процессе реструктуризации заводы металлоемкого машиностроения, текстильные фабрики и некоторые перерабатывающие производства пищевой отрасли.

Другой важной тенденцией является увеличение диверсификации в отраслевой мезо- и микроструктуре: сложная ситуация в сферах производственной специализации стран ЦВЕ в 1990-е гг. привела к выделению в составе динамично развивающихся отраслей новых подотраслей, ставших объектом интереса со стороны крупных иностранных компаний. С течением времени сферу преимущественного накопления долгосрочного капитала пополняли не только трудоёмкие и материалоёмкие производства, но и рентабельные предприятия со средним уровнем технологического развития, например, машиностроительные заводы. В результате доля машиностроения в отраслевой структуре индустриальных комплексов, ориентирован-

ных преимущественно на внешние рынки (в Венгрии, Чешской Республики и Словакии) достигла к концу 2000-х гг. 40–50%. Например, в Венгрии на электронные изделия приходится до 15–20% промышленного выпуска, а доля телекоммуникационного оборудования достигает 10–15%. Более позднее включение Словакии в борьбу за инвестиции не помешало ей существенно изменить производственную специализацию: удельный вес электроники и электротехники в ее промышленности составляет 15%, а транспортных средств и комплектующих к ним – 20–25%. Трансформация структуры производства в странах ЦВЕ способствовала развитию внешней торговли и качественному изменению структуры экспортно-импортных операций. Так, доля продукции машиностроения в структуре экспорта в 2000–07 гг. выросла в Словакии с 39 до 54%, в Чешской Республике – с 44 до 54%, в Венгрии – с 59 до 62%, в Польше и Словении – с 35 до 41%. Для сравнения, в государствах Юго-Восточной Европы (за исключением Румынии) этот показатель составляет от 5 до 15%.

Возникновение диверсифицированных экспортоориентированных машиностроительных комплексов в странах ЦВЕ обусловлено тенденцией перемещения производственной деятельности из традиционных промышленных центров в новые с целью сокращения издержек и оптимизации бизнес-процессов (один из видов трансграничного аутсорсинга или экстернализации). В последние десятилетия XX в. наиболее экономически развитые страны мира осуществляли перемещение производств на быстро развивающиеся азиатские / южноамериканские рынки и рынки государств с переходной экономикой, при этом росла эффективность размещения производственных мощностей в регионах, не отличавшихся ранее благоприятным инвестиционным климатом. Цепочка международного аутсорсинга производства крупной компании может иметь следующий вид: страна первоначального размещения → восточноевропейская страна более развитой северной группы → восточноевропейская страна южной группы или страна СНГ → развивающаяся азиатская или латиноамериканская страна. При этом процесс смены мест размещения постепенно ускоряется и зависит, прежде всего, от технико-экономических особенностей конкретной

отрасли. Стремительное расширение и концентрация производственных мощностей крупнейших мировых автомобилестроителей в польских, венгерских, чешских и словацких индустриальных узлах позволяет утверждать о формировании в Центральной Европе нового трансграничного территориально-производственного комплекса из заводов по сборке легковых автомобилей и сотен обслуживающих предприятий. Ведущую роль в нем начинает играть Словакия, вышедшая на первое место в мире по среднему выпуску автомобилей – в одном только словацком «новом Детройте», включающем три производственных узла, ежегодно будет сходиться с конвейера до миллиона легковых автомобилей.

Трансформация территориальной структуры промышленности. В сравнении с постоянно усложняющимися функционально-отраслевыми структурами, которые, как правило, отличаются высокой степенью динамичности, территориальная структура более детерминирована и инерционна. Исследование географической проекции трансформационных процессов в промышленности включает два основных аспекта – анализ сдвигов в размещении производственной деятельности и параметров ее территориальной структуры. Перемещение производственных мощностей и образование новых индустриальных центров происходят в странах региона и отдельных отраслях с различной степенью интенсивности: например, территориальная структура добывающей промышленности или металлургии более фиксирована, а производства товаров широкого потребления характеризуется меньшей статичностью. Направления и скорость промышленных сдвигов обусловлены комплексом факторов, сопутствующих наибольшему вовлечению хозяйствующих субъектов в процесс географического разделения труда и улучшению их ЭГП. К традиционным факторам территориальной концентрации производства, к примеру, относится близость к транспортным магистралям и узлам регионального значения (трансграничным автодорогам, речным и морским портам, трубопроводам и т.д.), роль которых повышается с расширением кооперационных связей и развитием международной торговли. В качестве примеров приведем территориально-производственные приморские комплексы с

диверсифицированной отраслевой структурой с центрами в Гданьске, Бургасе и Риеке; ориентированные на трубопроводный транспорт комплексы химической специализации в Братиславе, Литвинове и Плоцке; металлургические комплексы в Кошице и Скопье, возникновение которых было обусловлено развитием железнодорожного транспорта.

На современном этапе в размещении промышленности ЦВЕ наблюдаются две разнонаправленные тенденции – центростремительная и центробежная. Первая подразумевает сдвиг к национальным экономическим центрам с наилучшим сочетанием факторов производства, роль которых, как правило, выполняют столичные агломерации, замыкающие финансовые и информационные потоки и сосредотачивающие трудовой потенциал. Другая тенденция характерна для северной группы восточноевропейских стран (Польша, Чешской Республики, Словакии и Венгрии) и заключается в размещении производства в приграничных районах, преимущественно близ западных границ. Данная стратегия использовалась иностранными компаниями при создании экспортоориентированных сборочных заводов, в результате чего в западных районах Польши и Венгрии возникли территориально-производственные узлы по выпуску электроники и электротехники, а в Словакии – легковых автомобилей. Формирование промышленных узлов на территориях с преференциальным режимом хозяйствования способствовало появлению ещё одного типа производственных сдвигов, усиленных действием агломерационного эффекта новых полюсов экономического роста.

Важнейшие параметры территориальной структуры промышленности стран ЦВЕ (территориальная концентрация, дифференциация, интеграция и композиция) также существенно изменились. В 1990-е гг. наблюдалась концентрация промышленности в столичных регионах стран ЦВЕ, связанная с моноцентричной структурой инвестирования (их доля в объеме привлеченных ПИИ в Польше, Венгрии, Словакии составляла 70-75%). Однако в некоторых случаях эта концентрация была условной – вследствие регистрации компаний в административных центрах финансово-производственные результаты дочерних фирм и филиалов не были

отнесены по месту их фактической деятельности. Во многих странах происходит деконцентрация индустриального производства (в особенности в электронике, автомобилестроении и т.д.), причем новые промышленные сочетания развиваются скорее по пути агломерации, нежели централизации. Примечателен процесс формирования агломерационных территориально-производственных комплексов, расположенных на компактной территории и отличающихся внутренней экономико-технологической взаимообусловленностью элементов.

Территориальная дифференциация выступает следствием генетической и эволюционной неоднородности, т.е. изначальной гетерогенности территории и ее диверсификации. Повышение степени разнообразия наполняющих территорию объектов является двухмерной проекцией процесса диверсификации отраслевой структуры и позволяет дать оценку контрастности, мозаичности или зональности расположения элементов. Отметим, что промышленно более развитые страны региона отличаются наивысшими значениями территориальной дифференциации как на межотраслевом, так и на внутриотраслевом уровне. Степень развития взаимных связей между элементами структуры характеризует территориальная интеграция. Взаимообусловленность производственных и инфраструктурных объектов является одним из основных условий существования ТПК, поэтому развитие комплексообразования в ЦВЕ способствует пространственной интеграции. Интеграционные процессы действуют не только между близлежащими и сопряженными объектами, но и на значительном расстоянии: как в пределах одной страны (например, в энергетике Польши или химической отрасли Румынии), так и преодолевая национальные границы (машиностроительный комплекс Польши, Чешской Республики и Словакии). Подтверждением высокой степени взаимодействия структурных элементов служит активизация транзитных функций региона, а также повышение пропускной способности восточноевропейской территории для материальных и нематериальных потоков (магистральные трубопроводы, связывающие основных производителей и потребителей топлива). Среди факторов, ослабляющих интеграцию, – обособление эффективных промышленных от-

раслей с высокой степенью проникновения иностранного капитала от малорентабельных и низкотехнологичных отечественных производств.

Трансформационные процессы имеют различное пространственное проявление в зависимости от особенностей композиции территории – морфологии и конфигурации основных элементов территориальной структуры промышленности, к которым мы относим территориально-производственные сочетания и группы. Выявление данных образований и их типология, основанная на критериях территориальной организации (ареальная, узловая или точечная форма) и характера взаимных связей (комплекс/сочетание или группировка), позволяют определить иерархический уровень, на котором происходят важнейшие структурные изменения. Очевидно, что территориально-производственные образования не относятся к фиксированным структурным элементам, – под влиянием внешних и внутренних факторов меняется их конфигурация и роль. В связи с этим изучение свойств отдельных объектов, их групп или сочетаний в определенный период существования рассматриваемой системы дает возможность регулировать ее параметры для повышения функциональной эффективности. Таксономическая система территориально-производственных образований в промышленности ЦВЕ в краткосрочной перспективе, по всей видимости, будет характеризоваться меньшей динамичностью и глубиной трансформаций, чем в 1990-е годы. Основной тенденцией развития этой системы становится снижение числа

диверсифицированных комплексов и функциональное упрощение выделяющихся из их состава группировок: это относится к районам различной специализации – энергетической (Северо-Чешский и Верхнесилезско-Малопольский ТПК), металлургической (Северный Прикарпатский ТПК в Венгрии), машиностроительной (Среднемунтенский ТПК в Румынии), текстильной (Лодзинский ТПК в Польше). Происходит рост числа отдельных промышленных узлов и центров: эту категорию пополняют элементы распадающихся ТПК и ТПГ более высокого порядка, а также новые объекты.

Адаптация рыночных институтов в Центрально-Восточной Европе привела к значительным преобразованиям национальных промышленных комплексов, появлению и распространению новых форм пространственной и функциональной организации производственной деятельности. Возникновение новых факторов размещения производства оказывает воздействие на основные параметры отраслевой и территориальной макро-, мезо- и микроструктуры, определяя направление и динамику промышленных сдвигов. Системные трансформации способствуют обновлению существующих моделей развития, созданию благоприятных условий ведения бизнеса, улучшению позиций стран в международном разделении труда и росту конкурентоспособности ведущих отраслей производства. В целом, с усилением трансграничной экономической интеграции мирохозяйственные процессы будут оказывать все большее влияние на характер структурной рационализации промышленности региона.

Библиографический список

1. Куликова Н.В., Лобанов М.М. Модернизация экономики на основе прямых иностранных инвестиций: опыт стран Центрально-Восточной Европы. / Монография «Модели модернизации в странах с переходной экономикой». – М.: ИЭ РАН и Национальный инвестиционный совет, 2009.
2. Лобанов М.М. Внешнеэкономические связи стран Центральной и Юго-Восточной Европы: последствия трансформации для России (глава в монографии). – М.: ИЭ РАН, 2008.
3. Лобанов М.М. Динамика функциональных и территориальных структур отраслевых систем. / Материалы Всероссийской научной конференции «Модернизация экономики и глобализация». – М.: ГУ ВШЭ, 2010.
4. Лобанов М.М. Структурные трансформации в топливно-энергетическом секторе стран ЦВЕ. / Монография «Российский фактор в энергетической политике стран Центральной и Юго-Восточной Европы». – М.: ИЭ РАН, 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амельченков Владимир Леонидович – преподаватель Смоленской духовной семинарии, секретарь Смоленской и Вяземской епархии

E-mail: seraphim@list.ru

Бильчак Василий Степанович – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой менеджмента Российского государственного университета им. И. Канта

E-mail: bilchakvs@mail.ru

Гладкий Юрий Никифорович – доктор географических наук, профессор, член-корреспондент РАО, зав. кафедрой экономической географии РГПУ им. А.И. Герцена, Вице-президент РГО

Горкина Татьяна Ивановна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории географии мирового развития Института географии РАН

E-mail: gorkinati@yandex.ru

Карачурина Лилия Борисовна – кандидат географических наук, доцент кафедры демографии Института демографии и кафедры региональной экономики и экономической географии ГУ – ВШЭ

Крейденко Татьяна Федоровна – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов

E-mail: t.kreidenko@mail.ru

Лобанов Михаил Михайлович – аспирант кафедры географии мирового хозяйства географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник Отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН

E-mail: m.m.lobanov@rambler.ru

Машурова Екатерина Анатольевна – заместитель декана факультета международного туризма и иностранных языков Смоленского гуманитарного университета

E-mail: e_mashurova@bk.ru

Миронова Марина Николаевна – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов

E-mail: mirmar@yandex.ru

Носачевская Екатерина Александровна – кандидат экономических наук, специалист по методической работе Департамента учебно-методической работы Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова

E-mail: peno39@mail.ru

Оборин Матвей Сергеевич – кандидат географических наук, доцент Пермского филиала ИВЭСЭП

E-mail: matvey_uk@rambler.ru

Пилясов Александр Николаевич – доктор географических наук, директор центра экономики Севера и Арктики Совета по изучению производительных сил

E-mail: pelyasov@mail.ru

Шарыгин Михаил Дмитриевич – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Пермского государственного университета

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 2 раза в полугодие, его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований, региональной политике в России и за рубежом, экономической, социальной, политической и рекреационной географии, региональной экономике, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам экономической географии, региональной экономики, региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими требованиями:

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *.doc.)
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц)
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.tif., *.jpg., *.psd.)
- каждый рисунок (таблица) должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название и ссылку в тексте
- все изображения (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных)
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 5–6 строк) на русском и английском языке, перечнем ключевых слов на русском и английском языке.

В редакцию журнала представляется справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются рецензированию. Рукописи могут быть возвращены на доработку. При незначительных замечаниях рукопись может быть отредактирована, без возвращения автору.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Редакция